

Греческая
культура
в России

·XVII–XX вв.·

Ο Ελληνικός
Πολιτισμός
στη Ρωσία

·17 – 20 αι.·

Москва
1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

Греческая культура в России ·XVII – XX вв.·

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г.Л. Арш

Москва 1999

Редакционная коллегия:

Г.Л. Арш (ответственный редактор)

Е.М. Заблудовская

Рецензенты:

доктор исторических наук В.Я. Гросул

доктор исторических наук И.В. Чуркина

Издание осуществлено при финансовой поддержке
греческого предпринимателя П. Константиnidиса и
при содействии директора Фонда греческих исследований
Я. Николопулоса

ISBN 5-7576-0089-6

© Институт славяноведения РАН, 1999

ΡΩΣΙΚΗ ΑΚΑΔΗΜΙΑ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ
Ινστιτούτο Σλαβικών Σπουδών

Ο Ελληνικός Πολιτισμός στη Ρωσία
·17 – 20 αι.·

Επιμέλεια: Γρηγόριος Αρς

Μόσχα 1999

Συντακτική Επιτροπή:
Γ.Λ.Αρς (υπεύθυνος έκδοσης)
Ε.Μ.Ζαμπλουδόβσκαια

Οι γνωμοδότει:

Ο διδάκτωρ των ιστορικών Β.Ια. Γρόσουλ
Ο διδάκτωρ των ιστορικών Ι.Β.Τσούρκινα

Το Ινστιτούτο ευχαριστεί τον Π.Κωνσταντινίδη για τη χορηγία του και τον κ. Γ.Νικολόπουλο για τη συμπαράσταση του

ISBN 5-7576-0089-6

© Ινστιτούτο Σλαβικών Σπουδών, 1999

Предисловие

С 80-х годов развивается плодотворное сотрудничество между советскими, теперь российскими, и греческими историками. Естественной темой для такого сотрудничества, представляющей обоюдный интерес, являются традиционные российско-греческие связи. Результаты исследований в этой области обсуждались на совместных симпозиумах, организованных Институтом славяноведения и балканистики РАН и Институтом балканских исследований в Салониках, и были опубликованы в ряде сборников, вышедших в Греции и СССР¹. Настоящий сборник, продолжающий эту серию, основан на материалах очередного российско-греческого симпозиума, состоявшегося в июне 1994 г. в Москве.

Нет надобности говорить о важности изучения истории культурных связей между народами России и Греции, составляющих прочную основу тех дружеских уз, которые соединяют наши народы. Тема эта многообразна и многопланова, данный сборник посвящен греческой культуре в России в XVII–XX вв. Определенные аспекты этой темы – греческие рукописи в российских хранилищах, пребывание в России греческих ученых – привлекали и раньше внимание исследователей. Объединение усилий российских и греческих историков, вовлечение ими в научный оборот новых документальных материалов позволяют представить греческое культурное присутствие в России в более широком спектре, чем это имело место до сих пор. Важность сборника определяется и тем, что читатель получает возможность ознакомиться из первых рук с мнениями и представлениями греческих ученых по исследуемой теме, которые, разумеется, не во всем совпадают с мнениями и представлениями российских исследователей.

Настоящий совместный российско-греческий сборник открывает статья С. Сфетаса, определяющая значение XVII в. как важной вехи русско-греческих культурных связей. Можно выделить в сборнике несколько крупных проблем, вокруг которых концентрируются отдельные исследования. Одной из них является формирование и функционирование в России очагов греческой культуры. Интересные данные о попытке создания в Москве греческого училища и типографии в середине XVII в. приводятся в статье Б.Н. Флори. К изучению неизвестной до сих пор истории греческого училища в Нежине обращается украинский исследователь Г.М. Пятигорский. Описание одного из немногих сохранившихся памятников материальной культу-

ры новогреческой диаспоры в России – греческого некрополя Донского монастыря – дается в сообщении А.Я. Федотова.

Ряд материалов сборника посвящен так называемому человеческому фактору распространения греческой культуры в России. К.К. Папулидис рассказывает о греках, служивших в российском МИДе и внесших свой вклад в культурную жизнь России. Взаимоотношениям одного из них, И. Каподистрии, впоследствии первого президента Греции, с известным русским писателем и историком Н.М. Карамзиным посвящена статья автора этих строк. Здесь приводятся данные о совместных усилиях обоих деятелей по облегчению участи молодого Пушкина, вызвавшего гнев Александра I своими свободолюбивыми стихами. Влияние древнегреческой культуры на творчество видных представителей духовной жизни России В.С. Соловьева, И.Ф. Анненского и Вяч.И. Иванова отмечается в статьях Д. Триандафилидиса и А. Иоанниду. Кропотливые изыскания О. Александропулос раздвигают рамки мировой пушкинианы, вводя в научный оборот прежде неизвестные данные о распространении творчества великого русского писателя в Греции. Вместе с тем ее статья является основательной заявкой на разработку важной темы взаимодействия русской и греческой культур. На страницах сборника нашли отражение и современные проблемы. История нынешнего греческого населения России и других стран СНГ, состояние его образования и культуры рассматриваются в статье Ю.В. Ивановой. Логическим завершением сборника является сообщение Т.В. Никитиной о той значительной работе по изучению и преподаванию истории и культуры Новой Греции, которая ведется в Московском университете.

Г.Л. Ари

---

1 См.: Les relations greco-russes pendant la domination turque et la guerre d'indépendance grecque. Thessaloniki, 1983; Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.) // Балканские исследования. М., 1989. Вып. 11; Les relations entre les peuples de l'URSS et les Grecs. Fin du XVIII – début du XXème s. Thessaloniki, 1992.

Спиридон Сфетас
(Греция)

XVII ВЕК – ВЕХА В РАЗВИТИИ ГРЕЧЕСКО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

После крещения Руси в X в. отношения между Киевом и Царьградом стали быстро развиваться главным образом в культурном направлении, хотя крещение имело и немалое политическое значение для Византии. Принятие христианства в 988 г. Владимиром как основной религии государства было вехой в сближении Киева с Царьградом, которое началось еще в прошлом веке. Это сближение осуществлялось в следующем: 1) в экономическом плане – в подписании торговых договоров, 2) в военно-политическом плане – в сотрудничестве русских варягов с византийским государством против врагов империи и 3) в религиозном плане – в распространении христианства на Руси от низов до верхов.

Христианизация явилась переломным моментом в переходе славянских племен от древней системы общественных структур к образованию государственного строя с развитием разнообразных институтов. При этом духовные и культурные отношения сыграли определяющую роль в развитии славян.

Не является случайностью и тот факт, что русская церковь с самого начала относилась к духовной компетенции Вселенской патриархии. Митрополиты Киева и всея Руси до конца существования Киевского государства, как правило, были греками. Византия, преодолев теорию трех сакраментальных языков, позволила русской церкви пользоваться церковнославянским языком. Византийская церковная литература (литургические тексты, писания святых, религиозная поэзия, изречения, византийские хроники, сборники законописаний) становилась известной на Руси не из греческих подлинников, а из болгарских переводов. Это происходило в результате низкого уровня знания греческого языка в Киевской Руси, что препятствовало прямому доступу к подлинным текстам древнегреческой литературы. Из-за этого и не развивалась русская теология. В Киевской Руси не обсуждались такие вопросы, как: «Что такое настоящее православие и что такое ересь». Все вопросы догмата решались Вселенской патриархией Царьграда.

Непогрешимость православной церкви Царьграда считалась очевидной. Мировое значение Византии никогда не ставилось под сомнение.

В течение XV в. греческо-русские отношения вступили в новый этап развития. Падение Византийской империи совпало с подъемом Московского государства, взявшего на себя роль освободителя русских земель от польско-литовской оккупации и от монгольского ига. Национальное самосознание Москвы выразилось, с одной стороны, в оспаривании мирового значения Византии и, с другой стороны, в провозглашении независимости русской церкви от Вселенской патриархии. Объединение церквей (Флоренция, 1439 г.) воспринималось в Москве как угроза со стороны латинского Запада и предопределило независимость русской церкви от Царьграда, официально подтвержденную в 1448 г. Церковь Царьграда рассматривалась московским духовенством как еретическая, а падение Царьграда – как Божие наказание за измену во Флоренции.

Отношение к греческому православию и утверждение авторитета Москвы в качестве главы всего православного мира на протяжении XV–XVI вв. были связаны с тем, что она осознавала себя, как уже упоминалось, центром освобождения и соединения всех русских земель. Все это имело идеологическое значение. Подражание Византии, которое было отличительной чертой всей политической жизни Московского государства XVI в., и взгляд на Москву как на «третий Рим» содержатся в ее восприятии русскими как нового центра всего православного мира. Это положение стало одним из основных в вероучении русской православной церкви. Но церковная практика во многом была иной. По сути авторитет церкви Царьграда в теологических и догматических вопросах продолжал оставаться неоспоримым. Именно к ней нередко обращалась русская епархия за советом в борьбе против таких ересей, как стригольники и жидовствующие. Иван IV счел необходимым заручиться одобрением Царьграда своего венчания на царство в 1547 г. Создание Московской патриархии в 1589 г. вселенским патриархом Иеремией II свидетельствует об отсутствии церковной независимости Москвы.

После падения Царьграда Московское государство приняло немало эмигрантов из земель, оказавшихся под властью турок. Православные иерархи, интеллигенты, а также нищие искали убежища у православной державы Севера. Основным требованием греков было освобождение православных народов Балканского полуострова Россией военным путем. В глазах греков православная Россия являлась наследницей Византии, обязанной выполнить свой долг перед поработенными единоверцами. Но Москва в XV–XVI вв. боролась против поляков, литовцев и татар с целью освобождения и объединения всех русских земель, считая, что католицизм является единственным врагом христианства. Она не участвовала в крестовых походах западных

стран против турок. Теория «Москва – третий Рим» не являлась выражением имперской идеологии, на основе которой определялась внешняя политика русского государства.

В XVII в. это противоречие в русско-греческих отношениях было преодолено. Возвращение к корням греческого православия объясняется тем, что русское православие не смогло создать самостоятельную национальную теологическую систему. В XV в. русская церковь впервые встретилась с еретическими движениями. Именно тогда определение ереси и православия стало актуальной задачей времени.

Русская церковь, не имея соответствующей подготовки и знаний, часто была вынуждена прибегать к помощи Царьграда (письма архиепископа Новгорода Геннадия патриарху Нилу) или искать аргументы против еретиков в византийских теологических сочинениях, которые были переведены на церковнославянский язык и доставлены в Москву епископами из южнославянских стран в XIV в., в эпоху второго южнославянского влияния.

Сочинение византийского теолога Зигавина «Доспехи Догмата» («Πανοπλία Δογματική») послужило основанием для написания игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Саниным (1439–1515) антиеретического произведения «Просветитель». В Москве издавна ощущалась слабая связь с византийской литературой и с греческими церковными текстами, со временем стали очевидными многие изъяны и ошибки в переводных текстах, допущенные из-за недостаточного знания языка. Но догматическое представление московских богословов о характере русского православия играло тормозящую роль «в пересаживании» греческого православия на Руси.

Ярким примером является судьба Максима Грека, который в начале XVI в. занимался переводом теологических сочинений с греческого на русский. Совместная борьба против католицизма сблизила обе церкви. Ввиду серьезной опасности, которая грозила России в период Смуты (1606–1613 гг.) со стороны католической Польши, русская церковь обратилась к греческой за помощью в вопросах догмата и идеологии. Этот перелом начался в 1619 г., когда патриарх Иерусалима Феофан венчал Филарета, отца первого царя из династии Романовых – Михаила, патриарха Москвы. Вселенская патриархия после объединения церквей в Бресте (1596 г.) предвидела опасность для православной славянской паствы в украинских землях, находившихся под господством Польши. Острый антикатолицизм патриарха Царьграда Кирилла Лукариса, вызванный деятельностью униатов на Украине, проявился в его рискованном плане (1629–1634 гг.) совместной военной операции России и Османской империи против Польши. Греческий народ возлагал большие надежды на помощь России в освобождении от турецкого ига. Поэтому понятна радость угнетенных православных народов Балкан в связи с вступлением Украины в 1654 г. в состав Московского

Украины в 1654 г. в состав Московского государства (после успешного восстания казаков под руководством гетмана Богдана Хмельницкого в 1648 г. против поляков). С тех пор Россия приобрела общие границы с Османской империей. В 1649 г. патриарх Иерусалима Паисий, посетив Москву, отметил, что союз России с Украиной является первым шагом в их совместной борьбе сначала против поляков, а затем – Османской империи.

Связи русской церкви с греческой достигли апогея во второй половине XVII в. после реформ патриарха Никона (1652–1666 гг.), которыми было узаконено исправление русских церковных книг на основе подлинных греческих текстов. Патриарх также переработал русский служебник, взяв в качестве образца греческий. Поэтому доступ к подлинным текстам считался необходимым. Путешествие Арсения Суханова на Афон в 1654 г. и приобретение греческих рукописей у монастырей свидетельствовали о возвращении России к корням православия. Важно отметить и тот факт, что Арсений Суханов привез в Москву не только церковную литературу, но и сочинения древнегреческих авторов (Аристотеля, Фукидида, Гомера и др.). Библиотека Московской патриархии обогатилась многими книгами, подаренными ей православными патриархиями Востока. Переводы Арсения Грека и Епифания Славинецкого с греческого отличаются своей точностью.

Сложившееся за два прошедших века русское религиозное чувство не восприняло единодушно реформы патриарха Никона, вызвавшие обиду у русской церкви. Были отменены решения Стоглавого собора (1551 г.). Следствием этих реформ стал церковный раскол, существующий в России до сих пор.

Несмотря на то, что Никон называл себя эллинофилом (он считал себя русским по происхождению, но греком по вере), до конца своей жизни он так и не выучил греческий язык. Арсений Суханов за несколько лет до своей поездки на Святую Гору назвал греческие церковные книги еретическими. Но уже с середины XV в. у русской церкви на пути формирования русского национального самосознания стали возникать первые внутренние противоречия. Возвращение к греческому православию считалось единственным путем для их преодоления. Не является случайностью и тот факт, что реформы поддержал и сам царь Алексей Михайлович (1645–1676 гг.), несмотря на разрыв его отношений с Никоном и отстранение последнего от патриаршего престола. Эти реформы в силе и сегодня. В XVII в., в связи с созданием Славяно-греко-латинской академии братьями Лихудами, начинается новый этап в развитии греческо-русских культурных связей.

Благодаря этому повороту в греческо-русских культурных отношениях приобрела новое содержание русская имперская идеология. Были созданы идеологические предпосылки для того, чтобы греки считали, что Российская империя является новой Византийской империей, а царь Алексей

Михайлович – новый вселенский император, равный императору Константину Великому. Эпитеты, которыми называли царя, восходят прямо к византийской традиции: непобедимый (αήττητος), тишайший (γαληνιώτατος), милостивый (ελεήμων), боговенчанный (θεοστεπτός), державнейший (κραταίωτατος), православный (ορθόδοξος), победоносец (τροπαιούχος).

Долгом императора, согласно византийской имперской идеологии, являлась забота о своих подданных. Для угнетенного греческого народа это означало, что царь должен был освободить православных от турецкого ига. Также не случайно, что русская внешнеполитическая концепция, начиная с середины XVII в. (после присоединения Украины), содержала планы по освобождению угнетенных православных народов, так как именно тогда начались первые русско-турецкие войны.

Эта политика продолжалась до первой мировой войны. Благодаря русско-турецким войнам Россия сыграла определяющую роль в освобождении народов Балкан от турецкого ига.

В отличие от войн других западных держав против турок, русско-турецкие войны имели для греков религиозный характер, а Россия являлась новой Византийской империей. Все это – результат греческо-русских культурных традиций XVII в.

Б.Н. Флоря
(Россия)

ВОПРОС О СОЗДАНИИ ГРЕЧЕСКОГО УЧИЛИЩА И ГРЕЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ В МОСКВЕ В 30–40-х ГОДАХ XVII в.

То, что вопрос о создании греческого училища и греческой типографии в Москве занимал важное место в сношениях между Россией и греческим духовенством православного Востока, было установлено уже русскими учеными прошлого века, старательно собравшими все основные факты, свидетельствующие об этом. Здесь как будто счастливо совпадали интересы обеих сторон. Греческое общество получало возможность создать типографию и пропагандировать свои культурные традиции в единственной независимой православной стране, интеллектуальная элита русского общества получала возможность резко улучшить свое образование и повысить уровень культурных знаний, что становилось необходимым в условиях все большего расширения контактов с внешним миром. Однако, несмотря на эту очевидную как будто общность интересов, предпринимавшиеся попытки так и не привели в середине XVII в. к осуществлению этого замысла. Над причинами неудачи одни исследователи (как, например, С.А. Белокуров) вообще не задумывались, другие склонны были объяснять все пассивностью греческой стороны. «Греки равнодушно и безучастно относились к попыткам нашего правительства устроить в Москве греческую школу»¹, – писал Н.Ф. Каптерев, наиболее крупный в дореволюционной русской науке знаток истории сношений России с православным Востоком.

Однако уже внимательное чтение работы Н.Ф. Каптерева показывает, что ряд приведенных в ней фактов явно не укладывается в схему исследователя. Все это является стимулом, чтобы снова рассмотреть уже известные материалы, чтобы выяснить, можно ли выявить в ходе контактов различия между позициями сторон и в чем они состояли.

Первые свидетельства о желании русского правительства создать в Москве училище с преподаванием на греческом языке относятся к лету 1632 г., когда через архимандрита Амфилохия, посланца константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, царь Михаил Федорович и его отец пат-

риарх Филарет обратились к этому иерарху с просьбой прислать в Москву греческого учителя².

Еще до того, как русские предложения могли дойти до патриарха, русские политики, проявив завидную оперативность, сумели убедить принять такую должность прибывшего в Москву в сентябре 1632 г. протосинкелла Иосифа, образованного греческого иеромонаха, некогда посланного Лукарисом на Украину для обучения православной молодежи³. В жалованной грамоте царя и патриарха Иосифу указывалось, что он должен обучать русских детей «греческого языка и грамоте да ему ж переводити книги з греческого языка на словенский язык на латинские ереси»⁴. Текст грамоты не оставляет сомнений, что, подыскивая греческого учителя, в Москве хотели не только создать греческое училище, но и начать переводы на русский язык полемической литературы, необходимость в которой возрастала в условиях усиления конфронтации с латинским миром. В дальнейшем эти переводы предназначались, по-видимому, для печатного станка. Патриарх Кирилл Лукарис грамотой от 30 июля 1633 г. не только одобрил поступок Иосифа, но и отправил в Москву целый ряд антилатинских полемических сочинений для перевода их на русский язык⁵. Все эти факты ясно говорят о единстве действий сторон на начальном этапе контактов.

Хотя Лукарису было известно о поступлении протосинкелла Иосифа на русскую службу, он вовсе не считал, что тем самым просьба, переданная ему Амфилохием, потеряла свою актуальность. Он сообщал царю, что хотел послать в Москву «учителя Кирьяка от святыя Афонские горы». Поездка не состоялась из-за плохого здоровья Кирьяка, но патриарх обещал «вперед сыскивать... иного учителя»⁶. Со смертью Иосифа в 1634 г. греческое училище в Москве перестало функционировать.

Изложение этого эпизода Н.Ф. Каптерев заключил словами: «Другого учителя константинопольский патриарх не присылал к нам, несмотря на свои обещания»⁷. Однако сведения о том, что такие хлопоты действительно имели место, обнаруживаются в письме, которое «учитель святыя апостольския церкви» Гавриил Власьев отправил 9 октября 1640 г. царю Михаилу Федоровичу. В этом письме греческий богослов вспоминал о времени, когда он жил при дворе «старого» патриарха Кирилла. Тогда Фома Кантакузин и архимандрит Амфилохий говорили ему, «будто они имели ваше царского величества повеленье, что им привести единого учителя для толкования неких библей (книг: дословная калька с греческого. – Б.Ф.) христианския веры и святых старых учителей и переводить их съ елинского языка на русской язык»⁸. Из контекста письма достаточно ясно, что должность такого учителя как раз и предлагалась Г. Власьеву.

Значение этого свидетельства состоит не только в том, что хлопоты для поисков учителя в Москву действительно имели место: и Фома Кантакузин, и архимандрит Амфилохий были теми лицами, при участии которых и осуществлялись сношения Кирилла Лукариса с Россией и, несомненно, разговоры с Г. Власьевым они вели с санкции патриарха. Не менее важно, что, как видно из приведенного свидетельства, обязанности и этого учителя не должны были ограничиваться только преподаванием. Может быть, еще более важной частью его обязанностей должно было стать создание комментариев к текстам Писания и сочинениям св. Отцов и переводы этих текстов и комментариев на русский язык, очевидно, для их последующего издания в московской типографии. Разговорам на эту тему, по-видимому, положила конец казнь Кирилла Лукариса османами в июне 1638 г.

Как видно из письма Г. Власьева, первоначально он отказался ехать в Москву, опасаясь трудностей дальней дороги, но, когда после убийства Лукариса он нашел приют в Молдавии, откуда до России было гораздо ближе, отношение греческого богослова к некогда сделанному предложению изменилось. В письме он выражал готовность приехать в Москву, чтобы там служить царю. За этой инициативой стояли, по-видимому, достаточно честолюбивые планы. Не случайно Г. Власьев в своем письме выражал радость по поводу того, что юный наследник трона царевич Алексей «любит учение и учитца грамоте, что переводят ему по-гречески», и послал ему в подарок «книгу, нарицаемую грамотику руским и елинским языком»⁹. Вероятно, им двигало честолюбивое стремление стать наставником будущего правителя Русского государства. Как бы то ни было, образованный греческий богослов, находившийся сравнительно недалеко, в Молдавии, и, по-видимому, знакомый с русским языком, выражал желание прибыть в Москву для перевода книг и обучения молодежи. В архиве сохранилось, однако, лишь распоряжение о посылке Г. Власьеву соболей «за его службу и за вести» о положении в Османской империи, а сделанное им предложение было обойдено молчанием: в Москве не проявили желаний воспользоваться его услугами. В следующем, 1642-м, году Г. Власьев попытался снова напомнить о себе, послав в подарок царевичу антииудейские сочинения александрийского патриарха Мелетия на «эллинском и славянском языках», но и это обращение не встретило никакого отклика¹⁰.

Если в данном случае речь шла о частном предложении конкретного лица, то в середине 40-х годов мы имеем дело уже с инициативой, исходившей непосредственно от константинопольской патриархии. К этому времени патриаршую кафедру в Константинополе занял Парфений II, в прошлом близкий к Лукарису и, вероятно, знакомый с планами, вырабатывавшимися в его окружении. В декабре 1644 г. он направил с миссией в Москву Феофана,

митрополита палеопатрского. Добравшись к лету 1645 г. до Москвы, Феофан, как известно, 25 июня обратился к царю Михаилу с челобитной, где доказывал необходимость организовать в Москве издание сочинений святых Отцов как в греческом оригинале, так и в русских переводах. Одновременно он настоятельно советовал пригласить в русскую столицу греческого учителя «учить русских детей философия и богословия греческого языку и по рускому»¹¹. Так как этот яркий документ был неоднократно предметом анализа в исторических исследованиях, нет смысла останавливаться здесь на разборе аргументов, использовавшихся Феофаном при обосновании своих предложений. Зато стоит специально обратить внимание на заключительный раздел его челобитной, где подчеркивалось, что все действия царя в указанном направлении встретят поддержку и самого патриарха Парфения II и всей греческой церковной иерархии. Патриарх, по заверениям Феофана, не замедлит «прислати царствию вашему учителя благочестивого и богобоязново и надобных книг и иное, что нужно надобно»¹². Тем самым, не компрометируя возможным отказом авторитет вселенского патриарха, митрополит Феофан вместе с тем достаточно ясно давал понять, что его предложения, по существу, исходят непосредственно от константинопольской кафедры.

На этот раз инициатива греческой стороны как будто встретила благоприятный отклик. Об этом свидетельствует вставка в черновик наказа посла, отправленным летом 1645 г. в Константинополь. Им предписывалось: «Да во Царе же городе проведати им по греческого переводчика, который бы по-гречески и по-русски грамоте и языку умел достаточно и грамоте русской и греческой был гораздо навычен и чтобы умел всякие греческие книги на русский язык перевести подлинно»¹³. Появление такого текста явно говорит о том, что русских политиков как будто заинтересовал план Феофана, по крайней мере в той части, которая касалась перевода греческих книг на русский язык. Следует при этом отметить, что выполнить такое поручение, т. е. найти в Стамбуле высокообразованных представителей интеллектуальной элиты греческого общества, одновременно хорошо владевших русским языком и грамотой, было бы, конечно, очень трудно. Из известных нам греческих духовных лиц хорошо владел русским языком и грамотой архимандрит Амфилохий, один из главных русских агентов на православном Востоке, но об уровне его образованности или научных занятиях нам ничего не известно. Послы, однако, судя по всему, и не пытались выполнить это поручение. Ни их донесения, ни текст статейного списка, где имеются записи о неоднократных встречах русских дипломатов с константинопольским патриархом Парфением II, не содержат никаких указаний на поиски ученого человека для работы в России. Нет каких-либо сведений на этот счет и в большом послании Парфения II от 19 ноября 1648 г., в котором патриарх подробно сообщал

о своих контактах с послами и хлопотах по выполнению поручений русского правительства¹⁴. По-видимому, хотя поручение и было дано, на необходимость его исполнения особенно не указывали.

Тем временем Феофан стремился как можно скорее осуществить задуманный план. На обратном пути он встретил в Киеве архимандрита Венедикта; у которого некогда был послушником в Ватопедском монастыре на Афоне, и убедил его отправиться в Москву «для печати и учения»¹⁵. В своей грамоте царю Феофан рекомендовал архимандрита Венедикта как опытного богослова и советовал «заставши его, да исправит всю греческую печать»¹⁶. Однако имелась в виду не только подготовка к изданию книг, но и обучение молодежи: в более поздней челобитной Венедикт писал, что он отправился в Россию, «чтоб яз делал печать и учение греческому языку»¹⁷. Выполнение этой задачи, вероятно, столкнулось бы с определенными трудностями, так как русского языка он не знал¹⁸, и при общении с русскими прибегал к помощи своего переводчика Ивана Спиридонова сына Соболя, чьей рукой и написаны сохранившиеся в архиве (материалы о приезде Венедикта) его многочисленные прошения, адресованные царю. 8 февраля 1646 г. Венедикт прибыл в Путивль.

Приезд Венедикта в Москву, по-видимому, заставил русских политиков вернуться к обсуждению предложений Феофана – не случайно в деле о его приезде находится копия челобитной палеопатрского митрополита, но никаких поручений в таком духе за свое полуторагодовое пребывание в Москве он так и не получил. Н.Ф. Каптерев и С.А. Белокуров склонны были объяснить это тем, что своим высокомерием архимандрит Венедикт вызвал недовольство московских правящих кругов¹⁹. Действительно, то обстоятельство, что Венедикт в своем послании к царю именовал себя «учителем и богословом великой церкви», вызвало здесь раздражение, и в архиве сохранилось письменное обращение к архимандриту, в котором разъяснялось, что не годится «еже от себе превеликии сан богословия учителя полагати»²⁰, однако знакомство с материалами архивного дела в целом показывает, что речь идет об инциденте, явно не имевшем последствий. Перед отъездом из Москвы весной 1647 г. Венедикт не только получил деньги на дорогу и подводы, но также церковные сосуды и 12 праздничных икон, специально написанных по его просьбе для обновленного им монастыря Св. Софии²¹. Позднее, поселившись в Молдавии, архимандрит неоднократно посылал в Москву грамоты с информацией о положении в Османской империи²².

Таким образом, никакого конфликта между архимандритом Венедиктом и московскими правящими кругами не было. Тем более заслуживает внимания следующее обстоятельство: единственное поручение, полученное Венедиктом в Москве, – сделать (вместе с Сободем) перевод книги «латин-

ского письма» об «Индийском царстве»²³, негреческой книги явно светского содержания, – ясно говорит о том, что в Москве не проявили никакого желания воспользоваться познаниями архимандрита в духе рекомендаций Феофана.

Архимандрит Венедикт покинул Москву в мае 1647 г. вместе с валахским послом К. Мануйловым²⁴ и, вероятно, к началу следующего, 1648 г., в константинопольской патриархии уже стало известно, что его поездка в Россию не привела к желательным результатам. К этому времени патриаршую кафедру снова занял Парфений II, некогда направивший в Россию митрополита Феофана. Вряд ли стоит сомневаться, что именно он стоял за предпринятой в 1649 г. попыткой вернуться к планам создания греческого училища в Москве. Соответствующие предложения были направлены в русскую столицу с Иоанном Вардой (Иваном Петровым – в русских источниках) – лицом, выполнявшим самые секретные поручения русского правительства и пользовавшимся доверием правящих кругов России. Покинув Стамбул в январе 1649 г.²⁵, он к маю добрался до русской столицы. В челобитной главе русской церкви, патриарху Иосифу, поданной 28 июня 1649 г., И. Петров обращал внимание на то, что «если будет произволение благочестивого царя и великого князя», то есть возможность пригласить в Москву «учителя смышленного еллинскому языку и разсудителя евангельскому слову» Мелетия Сиригоса. Мелетий, по его словам, готов отправиться в Россию, если ему будет прислана соответствующая грамота из Москвы. «Такова учителя второго не обретаецца, – писал Иван Петров, – во всей вселенной и ни в котором месте»²⁶. Действительно, как известно, Мелетий Сиригос был наиболее авторитетным греческим теологом середины XVII в., и его согласие ехать в Москву для занятий преподавательской деятельностью следует рассматривать как еще одно свидетельство самой серьезной заинтересованности интеллектуальной элиты греческого общества в создании в Москве училища и типографии.

Заслуживает внимания, что эта челобитная Ивана Петрова была адресована не царю, как другие его прошения, а патриарху Иосифу²⁷. Возможно, учитывая безрезультатность предшествующих попыток, было решено на этот раз искать содействия главы русской церкви. Выдвигая кандидатуру Мелетия Сиригоса, очевидно, также принимали во внимание, что он не был человеком совершенно неизвестным московским правящим кругам. В Москве, например, располагали сведениями, что именно благодаря авторитету Мелетия церковный собор в Константинополе принял решение о повторном крещении лютеран, подкрепив своим авторитетом соответствующие установления русской церкви вразрез с рекомендациями Петра Могилы²⁸.

Изложив соответствующий эпизод, С.А. Белокуров завершил его словами «но Мелетий Сириг не прибыл в Москву»²⁹. К сказанному следует

добавить, что ни на сохранившемся в составе архивного дела греческом подлиннике челобитной И. Петрова, ни на находящемся здесь же ее русском переводе нет никаких помет, которые отражали бы реакцию русской стороны на сделанное предложение. Нет в деле и проекта грамоты Сиригосу, о которой просил И. Петров. Все это заставляет думать, что и на этот раз греческая инициатива не встретила отклика у русской стороны.

Позднее позиции сторон как будто сблизились. В грамоте иерусалимского патриарха Паисия 1651 г. встречаем упоминание о «повелении» царя «обрести единого учителя премудраго... да учинит учительство и учит эллинский язык»³⁰. В том же 1651 г. такой учитель был найден, но его отъезду в Москву помешала, как отмечено в грамоте константинопольского патриарха Иоанникия, «война меж казаков и ляхов»³¹ и лишь в октябре 1652 г. новый учитель прибыл на русскую границу³². Им оказался Гавриил Власьев, ставший к этому времени митрополитом Навпакта и Арты. С собой он привез грамоты трех восточных патриархов, рекомендовавших его царю как высокообразованного богослова, способного подготовить таких учеников, которые смогут противостоять любым еретикам³³. Однако, как некогда в 1640 г., все ограничилось выплатой Г. Власьеву щедрого жалованья за доставленные «вести» о положении в Османской империи и на Украине, вопрос о возможности его учительской деятельности даже не обсуждался, и 31 января 1653 г. он был отпущен за рубеж.

Подводя итоги, следует констатировать, что анализ материала никак не подтверждает вывод Н.Ф. Каптерева о пассивности греческой стороны. Напротив, греческое духовенство с момента появления (по русской инициативе) плана создания греческого училища в Москве предприняло ряд шагов для его реализации, которые закончились неудачей из-за пассивности русской стороны.

Возникает вопрос, чем же такая пассивность была вызвана, если в выдвинутом плане не было ничего, что бы противоречило русским интересам.

Возможно, определенное значение имела смерть 1 октября 1633 г. патриарха Филарета Никитича, после которой в русском правительстве уже не было деятеля, заинтересованного в осуществлении подобного замысла. Действительно, когда в 1640 г. киевский митрополит Петр Могила обратился к царю Михаилу с предложением прислать в Москву учителей, чтобы они «детей боярских и простого чину грамоте греческой и словенской учили»³⁴, его инициатива также не встретила отклика в Москве³⁵. Такое объяснение не годится, однако, для второй половины 40-х годов, когда преобладающим влиянием на нового царя Алексея пользовался его воспитатель, Борис Иванович Морозов, и его близкий друг, постельничий Федор Ртищев, оба придававшие большое значение образованию. В то самое время, когда в Москве

отнесли безучастно к предложению прислать сюда для преподавания Мелетия Сиригоса, в сентябре 1648 г. Алексей Михайлович обратился к черниговскому епископу Зосиме с просьбой прислать в Москву ученых старцев из Киево-Печерской лавры, «которые божественнаго писания ведущи и еллинскому языку навичны». Не получив ответа, царь в мае 1649 г. обратился к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову, и в июле ученые старцы-преподаватели Киево-Могилянской академии уже прибыли в Москву. За задержавшимся в Киеве одним из этих старцев был отправлен из Москвы специальный посланец, который и доставил его в декабре 1650 г. в русскую столицу³⁶. На этом фоне пассивное отношение русской стороны к греческим предложениям выступает особенно рельефно. Причины этой пассивности, возможно, будут выяснены в ходе дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кантрев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 495.

² Фонкич Б.Л. Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. // Византийский временник. М., 1991. Т. 52. С. 145.

³ О жизненном пути Иосифа и обстоятельствах его приема на русскую службу см.: Фонкич Б.Л. Указ соч. С. 143 и сл.

⁴ Фонкич Б.Л. Указ соч. С. 145.

⁵ Текст грамоты патриарха см.: Кантрев Н.Ф. Указ.соч. С. 522–523.

⁶ Кантрев Н.Ф. Указ.соч. С. 523.

⁷ Там же. С. 483.

⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 68 (Сношения России с Молдавией и Валахией). 1641 г. № 2. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 12 и сл.

¹⁰ Муравьев А.Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1860. Ч. II. С. 229.

¹¹ Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 222.

¹² Там же. С. 223.

¹³ РГАДА. Ф.89 (Сношения России с Турцией). 1645 г. № 1. Л. 407 об., 408 об.

¹⁴ Кантрев Н.Ф. Указ. соч. С. 527 и сл.

¹⁵ См. об этом в грамоте митрополита Феофана царю (РГАДА. Ф. 52 (Сношения России со странами Балканского полуострова). 1646 г. № 15. Л. 7) и в послании Венедикта Алексею Михайловичу (Там же. Л. 24).

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ Алексею Михайловичу он так и писал: «Яко не разумею языка, дабы глаголал устами, даю тебе в писании» (РГАДА. Ф. 52. 1646 г. № 15. Л. 17).

¹⁹ *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 483–484; *Белокуров С.А.* Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве XVII в. М., 1888. С. 27.

²⁰ Текст этого обращения опубликован – см.: *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 484–485.

²¹ РГАДА. Ф. 52. 1646 г. № 15. Л. 63–73 об.

²² Там же. 1649 г. № 17. Л. 29–35; № 21. Л. 13–14.

²³ Там же. 1646 г. № 15. Л. 60–61.

²⁴ Там же. Ф. 68. 1647 г. № 4. Л. 75.

²⁵ Там же. Ф. 52. 1649 г. № 25. Л. 2.

²⁶ Там же. № 24. Л. 22.

²⁷ Из этого не следует вслед за Н.Ф. Каптеревым (Указ. соч. С. 487) и С.А. Белокуровым (Указ. соч. С. 27) делать вывод, что И. Петров действовал по поручению московского патриарха. Текст челобитной ничем не подтверждает такого предположения. Напротив, известно, что еще в 1642 и в 1644 гг. Мелетий Сиригос просил милостыни и денег на издание своих произведений при содействии и посредничестве И. Петрова (*Муравьев А.Н.* Указ. соч. Ч. II. С. 228–229, 293, 305–306).

²⁸ *Муравьев А.Н.* Указ. соч. Ч. II.

²⁹ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 27.

³⁰ Цит. по: *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 490; РГАДА. Ф. 52. 1653 г. № 5. Л. 29–30.

³¹ РГАДА. Ф. 52. 1653 г. № 5. Л. 20.

³² Там же. Л. 1–2.

³³ См. об этом: *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 490–491.

³⁴ Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России. СПб., 1861. Т. 3. № 33.

³⁵ С.А. Белокуров (Указ. соч. С. 25) специально отметил, что царь удовлетворил все пожелания, высказанные в то время Петром Могилой, кроме данного.

³⁶ *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 119–124.

А.Я. Федотов
(Россия)

**ГРЕЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ
Описание и опыт атрибуции эпиграфики**

Греческий некрополь Донского монастыря расположен на территории внутреннего монастырского кладбища, на участке за апсидами Малого собора. На этом участке находится около 20 сохранившихся надгробий представителей видных греческих фамилий, проживавших в Москве и других городах Российской империи. Большинство этих памятников датируется первой половиной XIX в., однако сохранилось также несколько, очевидно, принадлежащих XVIII в., греческие надписи на которых либо частично, либо почти полностью утрачены в результате естественной эрозии камня. Это позволяет предполагать, что общее число греческих захоронений на участке первоначально достигало тридцати–сорока.

Сохранились надгробия родов Зосима, Ризари, Горголи и др., чье место в исторической и культурной жизни как Греции, так и России первой половины XIX в. хорошо известно. Наиболее примечательно надгробие Зоиса Зосимы, выдающегося культурного деятеля и мецената, состоявшего в дружеских отношениях с А. Корансом и оказывавшего ему материальную поддержку.

Вообще же следует отметить престижность и аристократичность этого монастырского кладбища. Донской монастырь имел статус ставропигии, т. е. монастыря высшего разряда, который был присвоен всего нескольким из многих тысяч монастырей Российской империи. Наряду с другим московским монастырем, Новоспасским, также имевшим статус ставропигии, Донской был своего рода «доменом» семьи Романовых, служа усыпальницей для побочных отпрысков этой фамилии. Семьи, хоронившие своих членов на таких аристократических кладбищах, очевидно, в той или иной степени претендовали на принадлежность к аристократам. Несколько десятков представителей греческой аристократии для России того периода – достаточно большое число, и потому вряд ли стоит ожидать, что подобные компактные группы захоронений существовали на каких-либо других, к настоящему времени исчезнувших, некрополях Москвы.

Греческий некрополь Донского монастыря – памятник уникальный даже для своей эпохи, а в наши дни неожиданная встреча с ним производит впечатление археологического открытия. Уникальность его и в том, что кладбище в Донском, хотя и весьма пострадавшее в последнее время, является лучшим по сохранности монастырским кладбищем в Москве. Мы имеем здесь уникальный случай сохранности уникального памятника.

Отметим и то обстоятельство, что благодаря существенной разнице гражданских обрядов России и Греции, где искони предпочитают семейные захоронения, индивидуальные могилы имели гораздо больше шансов сохраниться именно на русской земле.

Захоронение же Зонса Зосимы, думается, должно было бы придать ему значение национальной святыни греков. Согласно Л. Вранусису, греческому историку, именно так его и воспринимали современники.

Архитектурная типология надгробий монастырского кладбища позволяет датировать их с точностью до 10–20 лет даже в тех случаях, когда надписи съедены эрозией, а также произвести своего рода «социальное ранжирование». Вплоть до первого десятилетия XIX в. для памятников использовался традиционный материал Московской Руси – белый камень, который, начиная с указанного периода, заменяется привозным гранитом. Барочные архитектурные формы времен Екатерины II сменяются в эпоху Павла классическими (колонна, пирамида,obelisk), для первых двух–трех десятилетий XIX в. характерны гранитные урны, для более позднего времени – гранитные стелы различной формы. Богатые мещане и дворяне средней руки довольствовались вышеописанными монументами, являвшимися, очевидно, продукцией серийного производства ритуальных мастерских своего времени. над захоронениями лиц с чинами, равными генеральским, устанавливались более солидные сооружения с крышами и навесами, а представителей высшей аристократии – монументальные архитектурно-скульптурные композиции.

На греческом некрополе только представители рода Горголи, давшего русскому государству одного крупного полицейского чиновника, удостоились надгробия «генеральского» разряда. Все остальные памятники представляют собой ту же серийную продукцию, ничего специфического в них нет. Могилы оформлены, как и у прочих российских дворян майорско-капитанских чинов; судя по биографическим данным, в большинстве случаев социальный статус погребенных и был таким, т. е. в действительности не очень высоким. Престижность места должна была, видимо, поднять авторитет фамилий.

На участке находится одно белокаменное надгробие, очевидно, XVIII в., формы которого не характерны для типовых русских той эпохи и напоминают южнославянские. К сожалению, оно уже стало анонимным.

Все вышесказанное говорит о достаточно глубокой интегрированности представителей московской греческой колонии в местную культурную среду.

Ничем особенным не выделяющиеся в массе типовых захоронений, греческие надгробия привлекают внимание прежде всего своей эпиграфикой.

Достаточно полное и точное воспроизведение эпитафий, в том числе и некоторых, не дошедших до нашего времени, дано в труде греческого историка Л. Вранусиса. Тот же автор описывает несколько не сохранившихся захоронений греческих церковных иерархов середины XVIII в. в подклете Большого собора. Он же характеризует эпитафии как «тяжелые» и «безвкусные».

Большие объемы эпитафий, их разнообразные «жанры», специфический архаистический язык, и за всем этим очевидно просматривающееся стремление их создателей произвести определенное впечатление, – все это, несомненно, ставит их выше банальных образчиков кладбищенской поэзии. Как бы ни был эстетически строг их описатель, ныне с исторической перспективой мы судим с большим пониманием и большей снисходительностью.

Эти эпитафии – своеобразный литературный памятник. Уделив не так уж и много внимания его изучению, можно понять его происхождение и предназначение.

Язык эпитафий построен исключительно на древнегреческих грамматических конструкциях, среди которых могут промелькнуть чистые димотикизмы, появившиеся, видимо, в результате стилистических ошибок автора: $\gamma\lambda\upsilon\kappa\eta\varsigma$ $\alpha\delta\epsilon\lambda\phi\acute{o}\varsigma$ $\alpha\nu\acute{\epsilon}\theta\eta\kappa\epsilon$ $\tau\eta\upsilon$ $\sigma\tau\acute{\upsilon}\lambda\eta\nu$ ...

Он не содержит характерных для грамматики «среднегреческого периода» конструкций, а потому, очевидно, представляет собой абсолютно искусственное образование, а не характерный книжный язык эпохи, являющийся закономерным продуктом языкового развития, продуктом определенного стиля и традиций. Язык эпитафий находится вне известных стилей и традиций, искусствен и нередко грамматически и стилистически небезупречен.

Метрика стиха эпитафий не менее своеобразна. Строка содержит 12–13 слогов, что создает не напевный, присущий пятнадцатисложнику ритм, а резкий и рубленый, более напоминающий славянские вирши.

Подобная форма, совершенно не характерная для Греции, заставляет вспомнить, прежде всего, об украинском духовном стихе. Характерный его образчик – надпись на известной иконе южнорусского происхождения «Споручница грешных», относящейся к типу икон, возникших как иллюстрация духовного стиха:

Аз споручница грешных моему Сыну,
Сей дал мне руце за них славити мя выну,
Да тии иже выну радость мне приносят,
Радоватися вечно чрез меня испросят.

Человеческое ухо, этот тончайший инструмент музыкального слуха, определяет тождество музыкального звучания надежнее самого обстоятельного поиска метрических корреляций и стилистических соответствий:

Ἀν λίθον οἶδες, καί σχῆμα βλέπε στόλου,
 Νυν ὑσταμένου πρὸς ἀνάμνησιν φίλου,
 Ἀναστάσιον Χατζηκώσταν φυλάττω
 Σώμασι νεκροῖς, πνέματι ὑπερτάτῳ.

Поэтика эпитафий, безусловно, навеяна поэтикой украинского духовного стиха и украинской фольклорной средой.

Однако имеется возможность указать их стилистический прототип более определенно.

Как известно, фольклор и культура Украины долгое время развивались и формировались под влиянием так называемого «сарматского стиля». Это название используется для обозначения комплекса культурных традиций, созданных и культивировавшихся шляхетским сословием Речи Посполитой.

Названный «сарматским» по идеологическим соображениям, этот стиль отличался прежде всего необычайно пышным погребальным обрядом, «*rompta funebris*», включавшим также и парадную эпитафию на польском и латинском языках. Историки культуры прослеживают существование «сарматских» традиций вплоть до середины XIX в., а Левобережная Украина, несомненно, находилась в зоне их влияний.

По всем параметрам греческие эпитафии Донского монастыря представляют собой воспроизведение латиноязычных «сарматских» эпитафий в греческих терминах. В этой связи не случайно и то, что большинство захороненных были на самом деле выходцами из греческой нежинской общины, несмотря на декларируемую связь с Яниной и Эпиром. Автором-составителем эпитафий, которые появились все примерно в одно и то же время, мог быть малороссийский грек, носитель разговорного греческого языка (о чем свидетельствуют встречающиеся в текстах димотические формы), но выросший в украинской фольклорной среде и изучавший словесность в одном из малороссийских коллегиумов. Возможно, что где-то в архивах сохранилось и имя этого книжника.

Мы полагаем поэтому, что греческие эпитафии Донского монастыря – своеобразный памятник периферийного эллинизма на иноязычной культурной почве. По аналогии с такими периферийными эллинистическими литературами и культурами, как караманлийская и итало-греческая, эпитафии могут быть охарактеризованы как памятник «эллино-нежинской» литературы и культуры. На их примере мы можем наглядно наблюдать процесс вытеснения исконных балканских форм языкового и фольклорного сознания абори-

генными славянскими. Вспомним в этой связи, что такой представитель высокой русской культуры и исследователь русского фольклора, как А.Г. Венецианов, был по происхождению нежинским греком.

Литература

Арш Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970.

Βρανούση Α. Ο Χρ.Χρηστοβασίλης στη Ρωσία. Ιωάννινα, 1983.

Великие чудотворные иконы. Альбом. М., 1993.

Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского искусства эпохи барокко. М., 1979.

Г.Л. Арш
(Россия)

Н.М. КАРАМЗИН И ИОАНН КАПОДИСТРИЯ

Известный русский писатель и историк Н.М. Карамзин 2(14) февраля 1816 г. прибыл в Петербург для того, чтобы получить согласие и поддержку Александра I на издание главного труда своей жизни – «Истории государства Российского». Через две недели, 14(26) февраля, в одном из первых писем, написанных из северной столицы, он сообщал своей жене: «Из новых примечательных знакомств наипомень тебе Капо д'Истрия; он в большой доверенности и показался мне любезным, откровенным, так что князь А.Н. Голицын, познакомив нас, через 10 минут заметил с шуткою, что мы уже говорим, как старые знакомцы»¹. Так состоялось знакомство русского историка Н.М. Карамзина с греческим патриотом Иоанном Каподистрией, тогдашним министром иностранных дел России, позднее – первым президентом Греции. Знакомство это переросло в настоящую дружбу, продолжавшуюся десять лет, до смерти Карамзина. Но прежде чем говорить о взаимоотношениях этих незаурядных личностей, следует рассказать очень кратко о том, как уроженец далекого греческого острова оказался в Петербурге и стал одним из первых сановников империи.

Иоанн Каподистрия родился в 1776 г. на острове Корфу, в аристократической семье. У него было восемь братьев и сестер, и отец считал необходимым дать своим сыновьям такое образование, чтобы каждый мог содержать себя. Юный корфиот несколько лет учился в Падуе, в одном из старинных европейских университетов. Здесь он изучал медицину и одновременно слушал курсы по политическим наукам, праву и философии – предметам, которые с тех пор стали глубоко его интересовать.

Вернувшись на Корфу, молодой аристократ некоторое время занимался врачебной практикой, но вскоре целиком посвятил себя политической деятельности. В 1800 г. из Ионических островов, бывших венецианских владений, оккупированных сначала французами, изгнанными затем эскадрой Ф.Ф. Ушакова, была создана Республика Семи Соединенных островов. Республика находилась под протекторатом России, подкрепленным пребыванием на островах русских морских и сухопутных сил под командованием адмирала Д.Н. Сенявина. В этой республике, первом автономном греческом госу-

дарстве нового времени, Каподистрия занимал важную должность государственного секретаря. Здесь будущий министр иностранных дел России получил первые практические уроки дипломатии. Одновременно Каподистрия занимался в республике вопросами образования и культуры, которые на протяжении всей дальнейшей жизни этого государственного деятеля Греции и России были для него объектом первостепенного внимания и заботы.

За годы государственной службы в Ионической республике у Каподистрии сложилось убеждение, что для постепенного улучшения участи Греции и ее конечного освобождения необходима опора на Россию. Как один из руководителей Ионической республики, Каподистрия тесно сотрудничал с российскими представителями на островах. Взгляды и деятельность молодого ионического политика не остались незамеченными в Петербурге. Когда по Тильзитскому договору Ионические острова были переданы Франции и Республика Семи Соединенных островов прекратила свое существование, Каподистрия получил приглашение от канцлера Н.П. Румянцева поступить на российскую службу. Почти три года (1809–1811) он провел в Петербурге, числясь при Коллегии иностранных дел, но не имея определенных обязанностей. По поручению канцлера он занимался тогда составлением различных записок, главным образом по вопросам восточной политики России и положения на Балканах и в Средиземноморье.

Практическая дипломатическая деятельность Каподистрии началась в апреле 1812 г.: он стал начальником дипломатической канцелярии Дунайской армии, главнокомандующим которой был тогда же назначен адмирал П.В. Чичагов. Вскоре началась Отечественная война, и армия П.В. Чичагова выступила из Дунайских княжеств. Вместе с войсками Каподистрия проделал тысячеверстный путь от берегов Дуная до Березины. Свою должность Каподистрия сохранил и при Барклае-де-Толли, командовавшем после смерти М.И. Кутузова объединенной русско-прусской армией.

В 1813–1814 гг. войска союзников медленно приближались к границам Франции. В обозе союзников ехали бывшие владетельные особы, свергнутые Французской революцией и Наполеоном. Эти отставные монархи горели жадной мщенья, мечтали реставрировать дореволюционные порядки. Александр I, надо отдать ему в этом справедливость, не разделял эти безумные мечтания. Он понимал, что нельзя перевернуть назад листки исторического календаря и вернуть Европу в 1788 г. Император учитывал появление на мировой авансцене новых социальных и политических сил, с которыми необходимо было установить какие-то контакты. В ходе послевоенного урегулирования России предстояла серьезная борьба с Англией и Австрией за влияние на европейские дела.

Для выполнения новых серьезных задач внешней политики России требовался и новый человек с опытом политической деятельности в послереволюционной Европе. Выбор Александра I остановился на бывшем государственном секретаре Ионической республики, в котором он видел «полномочного представителя духа времени». В конце 1813 г. царь поручил Каподистрию дипломатическую миссию в Швейцарии, имевшую целью помешать попыткам местной аристократии, поддержанной Австрией, восстановить свое прежнее положение в стране. Посылая ионического графа в Швейцарию, Александр I писал своему швейцарскому учителю Лагарпу: «Каподистрия человек весьма достойный по своей честности, мягкости обращения, по своим познаниям и либеральным взглядам. Он родом из Корфу, следовательно, республиканец, и выбор мой остановился на нем именно потому, что мне известны принципы, которыми он руководствуется»².

Завершив успешно свою миссию в Швейцарии, Каподистрия в октябре 1814 г. прибыл в Вену, где уже начался знаменитый дипломатический конгресс. На протяжении девяти месяцев работы конгресса, имея столь серьезных противников, как Меттерних, Талейран, Каслри, Каподистрия с большим искусством содействовал осуществлению российской программы послевоенного устройства Европы. Он участвовал и во втором походе российской армии во Францию летом 1815 г. Доверие и расположение к нему Александра I все более увеличивались. 30 августа (11 сентября) 1815 г. царь подписал указ о назначении Каподистрии статс-секретарем по иностранным делам. Правда, один статс-секретарь уже был – К.В. Нессельроде. Однако неизмеримо больший вес и авторитет в служебных делах имел Каподистрия. Можно считать, что до 1821 г. фактически именно он являлся министром иностранных дел России³.

В январе 1816 г. Каподистрия, успешно завершив заключительные мирные переговоры с Францией, вернулся в Россию. Вскоре после этого и произошло его знакомство с Карамзиным, о котором историк поведал своей жене.

После первой встречи историк и дипломат виделись регулярно, о чем свидетельствуют письма Карамзина, содержащие также весьма благожелательные отзывы о человеческих качествах Каподистрии. Сообщая 25 февраля (8 марта) 1816 г. Е.А. Карамзиной о том, что Каподистрия провел у него три часа, Н.М. Карамзин пишет: «Он умен и кажется основательным, откровенный и одновременно сдержанный, что доказывает, что он обладает недюжинным умом»⁴. В письме своему московскому другу, писателю И.И. Дмитриеву, Н.М. Карамзин называет Каподистирию «умнейшим человеком нынешнего двора». В другом письме И.И. Дмитриеву он дает такую характеристику Каподистрии: «Это голова с идеями. Хотя идеи не всегда ясны, и хотя

он иногда доказывает без доказательств; хотя излишне мудрит в словах и любит метафизические фразы, но выбор этого человека делает честь государю»⁵.

Знаменитый историк был высокого мнения не только об интеллектуальных способностях ионического графа, но и об его нравственных качествах. Вот некоторые оценки, содержащиеся в его письмах 1817 г. другому московскому корреспонденту, писателю и историку А.Ф.Малиновскому – «умный, благородный человек», «он душою высок перед другими», «умный, добрый граф Каподистрия»⁶. Несколько лет спустя в письме к Дмитриеву он писал о Каподистрии: «Люблю его искренне, еще более за душу, нежели за ум»⁷. Как известно, Карамзин не заискивал ради личных выгод перед сильными мира сего, не боялся высказывать нелицеприятные суждения самому царю, и поэтому его оценка умственных и душевных качеств Каподистрии весьма показательна. Каподистрия и Карамзин нередко проводили время в длительных задушевных беседах. Известный литературный деятель А.С. Стурдза, знавший хорошо и Карамзина, и Каподистрию, пишет, что между ними «возникла дружба, упрочилось взаимное доверие; они понимали друг друга и находили для себя особенное услаждение в частых беседах, оживляемых высоким единомыслием»⁸. Высказывание Стурдзы можно понимать в том смысле, что во взглядах этих выдающихся людей – русского и грека проявилось немало общего. И это соответствовало действительности.

И Каподистрия, и Карамзин были горячими патриотами своих стран: Каподистрия – порабощенной Греции, упорно искавшей дорогу к освобождению; Карамзин – великой России, стоявшей на перепутье общественного прогресса. Хотя сын симбирского помещика и сын ионического аристократа родились под разными звездами, в их мироощущении и жизненном опыте оказалось много сходного. Оба воспитывались на идеях Просвещения, являлись знатоками и почитателями французской философии и литературы. У них был и общий кумир – Монтескье. В «Письмах русского путешественника» Карамзин называет французского мыслителя «бессмертным», а его главный труд – «бессмертной книгой о законах»⁹. Каподистрия же, среди нескольких книг, которые он часто перечитывал и желал иметь постоянно при себе, называл в одном из своих писем 1823 г. тот же «Дух законов» Монтескье¹⁰.

И российский историк, и греческий политик были очевидцами бурных революционных событий, которые потрясали Европу в последнее десятилетие XVIII и первые годы XIX в. Карамзин во время своего путешествия в Западную Европу в 1789–1790 гг. наблюдал вблизи Французскую революцию. Каподистрия же был свидетелем событий в Италии и на Ионических островах, вызванных революцией во Франции. Оба были напуганы теми социальными и политическими потрясениями, которыми ознаменовалась исто-

рия Европы конца XVIII – начала XIX в. Оба отрицали революцию как средство общественных преобразований и искали идеальные формы государственного устройства, которые могли бы предотвратить революционные взрывы. Однако их политические идеалы в этом плане не совпадали: Карамзин был приверженцем просвещенного абсолютизма, или точнее, просвещенного самодержавия, Каподистрия же склонялся к конституционной монархии. Несмотря на разочарование и неприятие политических событий, ставших следствием философии Просвещения, они сохранили приверженность его идеалам. Оба верили в силу разума, значение знаний и образования, необходимость нравственного совершенствования людей. Им было интересно друг с другом, потому что оба были образованными европейцами в широком смысле этого слова, носителями общеевропейского культурного наследия. Помимо богатства идей и образов, которые принесла философия и литература Просвещения, этот общеевропейский культурный багаж включал в себя и наследие античного мира. Карамзин был знатоком и почитателем культуры Древней Греции и Рима. И в «Письмах русского путешественника», и в «Истории государства Российского» постоянно встречаются ссылки на древнегреческих поэтов, мыслителей, историков. Правда, в «Письмах русского путешественника», опубликованных в 1791–1792 гг., их автор отзывался весьма нелестно о культурном уровне современных ему греков. По его словам, «там, где жили Гомеры и Платоны, живут ныне невежды и варвары»¹¹. Но можно смело утверждать, что личные контакты Карамзина с Каподистрией, достойным представителем новогреческой культуры своего времени, убедили историка в неточности и несправедливости его суждения.

Каподистрия, получивший классическое образование в Италии, был большим знатоком греческих и римских древностей, гордился вкладом своей родины в развитие мировой цивилизации. Русский дипломат, писатель и художник П.П. Свиньин, познакомившийся с Каподистрией в 1806 г., во время своего пребывания на Корфу в составе эскадры Сенявина, рассказывает: «Прелестные воспоминания героических веков нередко воспламеняли душу Каподистрия, сего избранного сына Эллады. Нередко говорил он, что весьма хотелось бы ему совершить путешествие по Аттике, что он взял бы на себя часть описательную, а мне представил бы живописную»¹². Предметом гордости греческого патриота было и то, что светоч знания возвращается в Грецию, которую долгое время, под гнетом иноземных завоевателей, покрывал мрак невежества. Каподистирию, человека широких умственных интересов и либеральных взглядов, привлекала также история и культура других стран и народов. Об этом свидетельствует, в частности, круг занятий видного дипломата в 1822–1827 гг., когда он жил в вынужденной отставке в Швейцарии. Каподистрия собирал тогда материалы о западноевропейских университе-

тах¹³, подготовил также, по некоторым сведениям, рукопись по истории Нидерландской и Американской революций¹⁴. Карамзину особенно должно было импонировать то, что его греческий друг проявлял большой интерес и внимание к истории и культуре России. В этой связи приведем два эпизода. Один из них касается упоминавшегося уже русского культурного деятеля П. П. Свиньина.

После приезда Каподистрии в Петербург в 1809 г. возобновились его встречи со Свиньиным. Заметив интерес последнего к художественному изображению быта русского и других народов России, греческий деятель как-то заметил: «Вам бы следовало сыскать случай обозреть Россию с карандашом в руке». Приводя эти слова Каподистрии в предисловии к своему труду «Картины России и быт разноплеменных ея народов», Свиньин продолжает: «Я останусь навсегда признательным графу Каподистрия за то, что он первый посеял во мне мысль и поощрил на дерзкое предприятие объехать Россию, предприятие, которое через десять лет после того удалось мне выполнить совершенно по его плану»¹⁵.

Другой эпизод отражает интерес Каподистрии к русской исторической литературе, в частности, к освещению в этой литературе истории войн России с Наполеоном. Военный историк Д. П. Бутурлин послал просвещенному министру на отзыв введение к своей работе, посвященной данной теме. Идейная направленность введения, выдержанного, судя по всему, в агрессивном националистическом духе, вызвала возражения Каподистрии. В его письме Бутурлину от 15(27) января 1820 г. говорилось: «Порыв благородного патриотизма, может быть, иногда заносит Вас слишком далеко. Но слава, завоеванная Россией, столь велика, что нет надобности увеличивать ее еще более посредством противопоставлений, унижительных для других держав. И как прекрасно видеть историка, который, будучи неизменно верен чести своей страны, сумел бы вместе с тем предупредить любую жалобу со стороны иностранцев»¹⁶. Трудно сказать, учел ли Д. П. Бутурлин, историк весьма консервативный, разделявший официозную точку зрения в освещении исторических событий, замечания Каподистрии. Но можно сказать, что его суждение о необходимости для историка сочетать патриотизм с уважительным отношением к другим государствам и народам отнюдь не потеряло своей актуальности. Естественно, что Каподистрия, человек высокой культуры и либеральных взглядов, оказавшись в окружении Александра I, использовал свое положение не для личной выгоды, а для того, чтобы способствовать распространению просвещения. Будучи горячим патриотом Греции и считая необходимой предпосылкой ее освобождения распространение образования и духовное развитие народа, Каподистрия способствовал в решающей мере созданию национально-просветительного общества «Филомузос Этерия», со-

действовавшего обучению греческих студентов в европейских университетах. Ему удалось убедить и царя оказать поддержку этой греческой просветительской организации.

Считая Россию своей «приемной родиной», статс-секретарь относился с большим уважением к русской культуре и был связан с научными и литературными кругами России. В 1818 г. Петербургская Академия наук избрала его своим членом как имеющего желание и возможности «оказать важные услуги наукам вообще и Академии в частности»¹⁷. Каподистрия состоял и почетным членом литературно-общественного кружка «Арзамас», в который входили А.С. Пушкин, В.А. Жуковский и другие писатели. Помимо Н.М. Карамзина, друзьями статс-секретаря были писатели В.А. Жуковский, И.И. Дмитриев и «поверенный русской литературы» А.И. Тургенев.

Каподистрия всегда был готов хлопотать перед царем за писателей и ученых. Так, по его ходатайству Александр I согласился на издание за счет казны дипломатических документов, собранных известным историком Н.Н. Бантыш-Каменским. С помощью Каподистрии известный поэт К.Н. Батюшков, желавший поехать в Италию, получил место при русской дипломатической миссии в Неаполе. Особого внимания заслуживает участие Каподистрии в судьбе А.С. Пушкина.

Весной 1820 г. над головой юного поэта собрались грозные тучи: его свободолюбивые стихи, особенно ода «Вольность», вызвали царский гнев. Александр I намеревался сослать А.С. Пушкина в Сибирь или на Соловецкие острова. Однако усилиями друзей великого поэта его удалось спасти от тяжелой доли. Большую роль в облегчении участи вольнодумца сыграл и Каподистрия, о чем уже говорилось в нашем специальном исследовании, посвященном пребыванию великого патриота Эллады в России¹⁸. Здесь же приведем дополнительные материалы, свидетельствующие о том, что спасение поэта от грозившей ему кары было результатом совместных усилий Карамзина и Каподистрии.

Один из друзей Пушкина, П.Я. Чаадаев, получив сведения, что правительство собирается выслать поэта из Петербурга, обратился к Карамзину и просил его заступничества за своего друга перед императрицей Марией Федоровной и графом Каподистрией¹⁹. Н.М. Карамзин выполнил эту просьбу. В письме своему московскому другу И.И. Дмитриеву от 19 апреля (1 мая) 1820 г. он сообщал: «Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное... Хотя я уже равно, истощив все способы образумить эту безпутную голову, предал несчастного оку Немезиды; однакож из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание унять-ся»²⁰. Карамзин не раскрывает, перед кем он «замолвил слово» за опального поэта, – видимо, это был сам царь. Но то, что он обращался по этому поводу

и к Каподистрии, не вызывает сомнений. И влиятельный министр не замедлил разработать план, позволявший если не уберечь поэта от грозившего ему наказания, то сделать его в значительной мере формальным.

План этот состоял в том, что Пушкин, числившийся на службе в Коллегии иностранных дел, высылался из Петербурга, но не в Сибирь и не на Соловки, а в Екатеринослав, и не в качестве арестанта, а в качестве курьера с правительственной депешей главному попечителю иностранных колонистов Южной России генерал-лейтенанту И.Н. Инзову. После вручения этой депеши А.С. Пушкин должен был остаться в канцелярии И.Н. Инзова, назначенного наместником Бессарабии. То, что автором этого плана был именно Каподистрия, подтверждается тем фактом, что управление Бессарабией находилось тогда в его ведении как статс-секретаря.

Прося царя о смягчении наказания Пушкину, Каподистрия опирался и на ходатайства за поэта со стороны Карамзина и Жуковского. В письме Каподистрии Инзову о Пушкине от 5(17) мая 1820 г. говорилось, в частности: «Гг. Карамзин и Жуковский, осведомившись об опасностях, которым подвергся молодой поэт, поспешили предложить ему свои советы, привели его к признанию своих заблуждений»²¹. Таким образом, Каподистрия, предлагая свой вариант решения участи поэта, имел в виду и мнение Карамзина и Жуковского, утверждавших, что Пушкин раскаивается в своих действиях. Эти заверения двух известных и авторитетных в правительственных кругах литераторов, несомненно, помогли Каподистрии убедить Александра I не отправлять молодого поэта в ссылку, а ограничиться переводом его по службе.

В результате, наказание Пушкина за его революционные стихи оказалось достаточно мягким, если вообще рассматривать это как наказание. Вспомним, что после приезда в Екатеринослав Пушкин смог совершить поездку в Крым и на Кавказ и что служба в канцелярии бессарабского наместника, проявлявшего о поэте отеческую заботу, не была для него слишком обременительной. Не забудем также, что русская литература обогатилась великолепным южным циклом его произведений. Можно согласиться в данном случае с мнением А.И. Тургенева, писавшего П.А. Вяземскому 28 апреля (10 мая) 1820 г. по этому поводу, что с ним «поступлено по-царски в хорошем смысле этого слова»²². И заслуга в этом принадлежит Каподистрии и Карамзину, объединившим свои усилия для того, чтобы спасти юного Пушкина от суровой кары. Как пишет хорошо осведомленный мемуарист Ф.Ф. Вигель, «трудно было заставить Александра отменить приговор; к счастью, два мужа твердых, благородных, им уважаемых, Каподистрия и Карамзин, дерзнули доказать ему всю жестокость наказания и умолить о смягчении его»²³.

Наступил 1821 год. Известие о начале греческой революции застало Каподистрию в Лайбахе, на конгрессе Священного союза, который осудил

восстание греков как «мятеж против законного государя – султана». Вернувшись в конце мая 1821 г. в Россию, греческий патриот предпринимает все усилия, чтобы убедить Александра I изменить свою позицию. Для докладов императору по восточным делам статс-секретарь летом 1821 г. часто посещал Царское Село, где в это время жил Н.М. Карамзин с семьей. Встречи дипломата и историка возобновились. Карамзин в письме от 15(27) августа 1821 г. московскому корреспонденту делился впечатлениями о своей царско-сельской жизни: «Никто не балует меня здесь ласкою, кроме одного графа Каподистрия, с которым иногда философствуем»²⁴. Несомненно, что в числе тем этих «философских бесед» были события в Греции, волновавшие тогда весь цивилизованный мир. Карамзин, как и многие другие представители образованного русского общества, был целиком на стороне справедливого дела греческого народа. Свои надежды на благополучный исход греческой драмы он высказывал 10(22) июня 1821 г. в письме к Дмитриеву: «Часто думаю о греках: начался процесс страшный; решение впереди. Легче желать, нежели надеяться. Отчаяние есть сила для потомков древняго племени героев»²⁵. Сочувствие освободительной борьбе греков, которое проявлял Карамзин, так же как и многие другие видные представители русского общества, было для греческого патриота большой моральной поддержкой в тех больших стараниях, которые он предпринял, чтобы побудить Александра I начать войну против Османской империи с целью освобождения Греции. Однако усилия эти оказались тщетными. Каподистрия получил фактическую отставку, что вынудило его в августе 1822 г. покинуть Россию. Карамзин был огорчен этим неблагоприятным поворотом в судьбе своего греческого друга. 10(22) августа 1822 г. он делился своими чувствами с одним из московских корреспондентов: «Жаль, что любезный, умный граф Каподистрия нас оставляет. Таких людей мало». Через месяц, видимо, размышляя о политическом смысле этого события, историк написал: «Европа погребла греков: дай Бог воскресения мертвым»²⁶.

После отъезда Каподистрии знаменитый русский писатель и не менее знаменитый государственный деятель России и Греции больше уже никогда не встречались. Однако они вели переписку, продолжавшуюся до последних месяцев жизни Карамзина.

Если быть точным, то переписка эта началась еще в 1819 г., когда дипломат получал письма Карамзина на Корфу, своей родине, которую он посетил после одиннадцатилетнего отсутствия. Находясь в отдалении нескольких тысяч километров от дорогой для него семьи Карамзиных, Каподистрия с большим чувством писал о соединяющих его с ней человеческих узах: «Такая дружба, какую удостаивают меня Карамзины, более чем искренна: она сердечна; я дорожу ею и прошу Вас сохранить мне ее навсегда».

Каподистрия делился со своим петербургским другом и теми переживаниями, которые вызывало у него положение его родины, превращенной вопреки международным договорам* в британскую колонию: «Вместо покровительства Великобритании поступает с ней таким образом, какому нет имени, какового вообразить нельзя отъявленному недоброжелательству»²⁷.

В 1822 г., после своей отставки, Каподистрия поселился в Швейцарии и вел уединенную жизнь, посвятив себя научным и литературным занятиям. Связи отставного министра с Россией ослабли. Как это часто бывает, люди, заискивавшие прежде перед Каподистрией и добивавшиеся его благосклонности, после его опалы прекратили с ним отношения. Карамзин был среди немногих русских друзей выдающегося грека, которые продолжали контакты с ним. Женевский отшельник был весьма обрадован, получив в декабре 1824 г. письмо от своего петербургского друга. В ответном письме от 5 января 1825 г. (н. ст.) Каподистрия выражал свою радость в связи с тем, что дружба Карамзина к нему осталась неизменной. «Я ценю ее тем более, – продолжал бывший министр Александра I, – что оставляю свои старые книги только для того, чтобы идти гулять, или, в свою очередь, искать на крыльях воображения тех людей, которые устаивают меня неизменною благосклонностью».

Письмо Каподистрии свидетельствует и о том, что, живя вдали от России, он внимательно следил за событиями на своей «приемной родине». Его, в частности, взволновало известие о наводнении в ноябре 1824 г. в Петербурге, принесшем много горя и страданий жителям столицы. Это большое стихийное бедствие стало для Каподистрии поводом для рассуждений о кризисах, которые переживала и будет переживать Россия, и из которых она выходила и будет выходить благополучно и с честью: «Может быть, для великого народа, сильного своею юностию и чистотою своих нравственных начал, такие кризисы значат то же, что для частного человека трудныя и несчастныя положения, которым он часто бывает обязан самыми лучшими и блистательными последствиями на поприще его жизни».

В заключение письма Каподистрия выражал озабоченность состоянием здоровья знаменитого историка, только что оправившегося от тяжелой болезни. С большой теплотой и с ноткой юмора он писал своему русскому другу: «Возстановление вашего здоровья приносит мне истинное удовольствие. Ваши болезни – классические, потому что все Ваше не может быть

---

* Согласно договорам, подписанным 5 ноября 1815 г. в Париже между Великобританией, с одной стороны, и Австрией, Пруссией и Россией – с другой, на Ионических островах создавалось «свободное и независимое государство» под протекторатом Великобритании.

посредственно. Однако берегитесь новой болезни и решитесь лучше твердо и непоколебимо вытребовать у последней привилегию не только на здоровье, но и на долговечность. Это не для Вас, а для ваших детей, для вашей супруги и для России»²⁸.

Карамзин в свою очередь интересовался не только состоянием здоровья, но и всеми подробностями женеvской жизни своего именитого друга. Об этом свидетельствует его письмо Каподистрии от 23 ноября (5 декабря) 1825 г. Письмо это, одно из наиболее важных и интересных из эпистолярного наследия Карамзина, увидело свет в переводе с французского (на нем велась вся переписка между Каподистрией и Карамзиным), сделанном В.А. Жуковским²⁹. Однако сличение перевода с оригиналом письма, хранящимся в архиве Каподистрии на Корфу³⁰, показывает, что перевод его является неполным. В частности, в публикации В.А. Жуковского полностью отсутствует место из письма Н.М. Карамзина, где тот дает характеристику членам своей семьи. Опущена также приписка автора письма от 30 ноября (12 декабря) 1825 г. с извещением о смерти Александра I.

В своем письме Карамзин сообщал о встрече с их общим другом Д.Н.Блудовым, навестившим Каподистрию во время пребывания того на германском курорте Эмсе, на минеральных водах. «Он много рассказывал нам о вас, и все подробности о вашем здоровье, о вашем наружном виде (материальном выражении нематериального) были для нас удовлетворительны. Но, к сожалению, многие вопросы о состоянии прекрасной души вашей, о занятиях деятельного вашего ума, о вашем столь всегда верном образе мыслей насчет происшествий нашего времени, остались без ответа». Следует здесь заметить, что опальный сановник в беседах с посетителями из России, да и в переписке с Карамзиным избегал касаться современной политики и, в частности, греческого вопроса. Вызвано это было тем, что Каподистрия, хотя и находясь в отставке, продолжал формально числиться на российской службе. Саму же свою отставку, вызванную, как уже говорилось, расхождениями с Александром I относительно политики России в Восточном кризисе 20-х годов XIX в., дипломат считал несправедливой, бросавшей тень на всю его служебную деятельность в России.

Поэтому Каподистрию не могли не обрадовать такие строки в письме Карамзина: «Государь нимало к Вам не переменялся; он знает цену вашей души и ваших высоких дарований. Удостоив нас в городе однажды своим посещением, он много, много об вас говорил и с таким чувством, которое меня порадовало». Отвечая 20 января 1826 г. (н. ст.) Карамзину, Каподистрия писал о тех чувствах, с которыми он служил России: «Ваше свидетельство то же, что свидетельство Истории. И, конечно, никто другой не может отдать большей справедливости чистоте намерений и искреннему усердию, с кото-

рым я старался служить Вашему благородному и великому отечеству и императору Александру»³¹.

Сам Карамзин, видимо, предчувствуя приближение смерти, размышлял в своем письме от 23 ноября (5 декабря) 1825 г. о своих заслугах перед Россией: «Подходя к концу жизни, я благодарю Бога за все, что Он мне даровал в ней: может быть, ошибаюсь, но совесть моя спокойна; милое отечество ни в чем не упрекнет меня; я всегда был готов служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязан отвечать: и что же? Я мог описать одни только варварские времена его Истории; меня не видели ни на поле сражения, ни в советах государственных; зная однако, что я не трус и не ленивец, говорю самому себе: “так было угодно Богу”, и не имея смешной авторской песни, вхожу не стыдясь в общество наших Генералов и наших Министров...».

Последнее письмо Н.М. Карамзина И. Каподистрии можно считать своего рода «Памятником» в прозе, оставленным после себя знаменитым писателем и историком, наподобие поэтических «Памятников» Г.Р. Державина и А.С. Пушкина. То были откровенные признания и размышления историографа о собственном месте в истории отечества и его культуры. И то, что они были высказаны в письме Каподистрии, написанном Карамзиным за полгода до смерти, убедительно свидетельствует о тех чувствах доверия, уважения и дружбы, которые питал видный деятель русской культуры к выдающемуся представителю Новой Греции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 147.

² *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. III. С. 181.

³ Подробнее о карьере И. Каподистрии в России см.: *Арш Г.Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг. М., 1976. С. 13–48.

⁴ Неизданные сочинения... Ч. 1. С. 155–156.

⁵ *Грот Я., Пекарский П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 195, 215.

⁶ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. М., 1860. С. 17, 20, 23.

⁷ *Грот Я., Пекарский П.* Указ. соч. С. 309.

⁸ *Стурдза А.* Воспоминания мои о Н.М. Карамзине. Одесса, 1847. С. 4.

- ⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 237, 252.
- ¹⁰ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 390. Д. 38. Л. 60.
- ¹¹ Карамзин Н.М. Письма... С. 212.
- ¹² Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ея народов. СПб., 1839. Ч. 1. С. IV.
- ¹³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 15. Д. 657. Л. 34.
- ¹⁴ Архив братьев Тургеневых. Петроград, 1921. Вып. 6. С. 282.
- ¹⁵ Свиньин П.П. Указ. соч. Ч. 1. С. V.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 15. Д. 326. Ч. 1. Л. 255.
- ¹⁷ Арш Г.Л. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁸ Там же. С. 42–46.
- ¹⁹ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 212.
- ²⁰ Грот Я., Пекарский П. Указ. соч. С. 286–287.
- ²¹ Поливанов Л. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. 1817–1825 // Русская Старина. СПб., 1887. Т. 53. С. 241–242.
- ²² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. II. С. 36.
- ²³ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. II. С. 152.
- ²⁴ Грот Я., Пекарский П. Указ. соч. С. 313. См. также: Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 139.
- ²⁵ Грот Я., Пекарский П. Указ. соч. С. 309.
- ²⁶ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. С. 66–67.
- ²⁷ Переписка графа Каподистрии с Н.М. Карамзиным // Утро. Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1866. Ч. 2. С. 195–196.
- ²⁸ Там же. С. 197–198.
- ²⁹ См.: Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1835. Ч. 5. С. 1–13. Перевод В.А. Жуковского (без французского текста письма) воспроизведен и в сборнике М. Погодина. См.: Переписка графа Каподистрии... С. 200–201.
- ³⁰ См. Приложение.
- ³¹ Переписка графа Каподистрии... С. 202.

Приложение

**Письмо Н.М. Карамзина Иоанну Каподистрии
от 23 ноября (5 декабря) 1825 г. (С.–Петербург)***

St.Pétersbourg, le 23 Nov[embre]1825

Cher et respectable ami,

Nous avons revu l'aimable Bloudow avec encore plus plaisir qu'a l'ordinaire: il nous a parlé de Vous! Nous avons commencé par des questions sur Votre santé, Votre air, l'expression physique de ce qui ne l'est pas. Nous avons été contentés. Mais bien d'autres questions, immédiatement sur l'état de Vortre belle âme, les opérations de Votre esprit actif, Votre manière frappante d'envisager les événements du tems, sont restées, hélas! sans une réponse satisfaisante. Cependant, en écoutant notre ami commun, qui me rendoit compte de ses entretiens avec Vous, j'ai cru quelquefois Vous entendre parler Vous-même. Que je lui envie ces moments délicieux passés avec Vous! Mes années qui s'accablent, ma santé qui chancelle, les circonstances fâcheuses qui nous séparent et qui durent toujours, tout cela est peu fait pour relever *en moi* l'espérance de *voir* revenir le passé. Pour m'en consoler, je me dis: "Quoique loin de nous, il pense à nous, et nous sommes immortels! Le contact des âmes ne cesse point à notre dissolution matérielle. Celui qui survit, conserve un souvenir, et celui qui s'en va, acquiert, peut-être, plus qu'il ne perd. Les voyageurs ici-bas sont trop distraits et n'ont pas le loisir de bibi cultiver l'amitié, ce n'est qu'après avoir déposé nos bâtons que nous serons tout à nos affections, et tout ce que nous perdons dans le tems, sera rattrapé dans l'éternité".

De pareils soliloques m'occupent à présent plus que les conversations de la société et entretiennent la chaleur de mon âme, dont j'ai encore besoin pour ma famille, mes amis et mon histoire qui s'achève (legs à la postérité, si elle en veut: si non, non!). Qui, je vieilliss sans m'éteindre encore (cela viendra, peut-être). Oh! Que j'aime encore mes bons compagnons de voyage! Que je plains leur misère, et que je suis tout pitié pour tant d'individus et pour tant de nations!...

Nous venons seulement de quitterTsarskoé Sélo, où nous sommes restés dans une profonde solitude pendant plus de deux mois. Que j'étois loin de l'ennui, quand je ne souffrois pas physiquement! Que de jouissances intimes je trouvois dans ce loisir de tous les jours, au sein de ma famille et quelquefois tout seul! Le travail, la lecture, les promenades automnales et souvent nocturnes avoient un véritable charme pour moi. Sans craindre extrêmement la mort, l'envisageant

---

* Публикуется с сохранением орфографии автора.

quelquefois avec une certaine affection et aimant à répéter avec Rousseau: "Qui s'endort dans les bras d'un père, n'est pas en souci du réveil", je savoure encore la douceur de l'existence, à ma façon qui échappe à l'envie. Touchant à la fin de ma carrière, je remercie Dieu de ma destinée. Je me trompe, peut-être, mais ma conscience est tranquille. La chère patrie n'a rien à me reprocher; j'étois toujours prêt à la servir, sans compromettre mon caractère dont je dois répondre à cette même Russie; eh bien, je n'ai fait que l'histoire de ses siècles barbares; on ne m'a vu aux champs de bataille, ni dans les conseils d'Etat; mais comme je ne suis ni poltron, ni paresseux, je me dis: "le Ciel ne l'a point voulu", et sans être ridiculement fier de mon métier d'auteur, je me vois sans honte parmi nos généraux et ministres. Je m'arrête. C'est parler trop pour une visite que je Vous fais d'ici à Genève. La brièveté de la vie invite au laconisme; mais que voulez-Vous! L'idée même qu'on ne vit pas assez longtems pour bavarder beaucoup, nous rend quelquefois bavards avec nos amis.

Je passe à l'historique. Votre souvenir vit en Russie. L'Impératrice Elisabeth m'a chargé expressément de Vous parler de l'intérêt sincère qu'elle Vous porte: elle est si vraie! Il n'est pas moins vrai que l'Empereur a toujours la même idée de Votre âme et de Vos talents éminents. Nous ayant une fois honorés d'une visite en ville, il a beaucoup, beaucoup parlé de Vous avec un sentiment qui nous a satisfait. Je suis plus que jamais attaché à lui, sans prétendre à aucune faveur particulière, à aucune influence, c'est-à-dire sans me mettre en peine de ce que je n'en ai aucune. Dieu seul lit au fond des âmes! Vous parlerai-je de notre inquiétude actuelle, qui peut se dissiper, comme je l'espère, bien avant que Vous ne receviez cette lettre? Notre cher et bon Empereur a une fièvre de refroidissement à Taganrog. Les dernières nouvelles ont été assez rassurantes; mais notre cœur n'est pas tranquille. Quant à L'Impératrice Elisabeth, elle a eu la bonté de m'écrire du 2* Novembre qu'elle se sentoit mieux, quoique dans ce moment elle fût bien affligée de la mort du Roi de Bavière.

Comment ne pas Vous dire encore un mot sur ma famille? Moins de tems il me reste à vivre et plus j'aime ma femme, si pure comme épouse et mère. Je suis plus content de ses vertus que de sa santé: elle a une espèce d'asthme qui m'étouffe quelquefois. Vous savez, je crois, combien elle Vous aime. Nos deux demoiselles ne sont point sans mérite, à nos yeux, et il me semble parfois qu'elles ont de l'esprit comme quatre, mais elles ne sont point éclatantes de beauté, et la richesse leur manque tout-à-fait: point de promis, dans ce siècle calculateur! La troisième est encore trop petite et trop indéterminée: Dieu sait si elle sera bien belle ou bien laide! Notre fils aîné, âgé de 11 ans, promet beaucoup, s'il vit, il marquera par l'énergie de son esprit. Le second est joli est charmant par sa

* Число написано на месте другого, зачеркнутого.

tendresse: déjà il compose des vers! Je Vous fais grâce de deux cadets, mais jugez par ces détails, combien nous sommes sûrs de Votre amitié !

Imitez nous, je Vous en supplie : dites nous bien des choses sur Vous-même, sur la vie que Vous menez, sur Vos rêveries, moments doux et mélancoliques : Vous en avez assurément, je Vous connois, car je Vous aime.. Cher Comte, voila ma main : serrez-la bien, à la vie et à la mort qui se confondent ici-bas. Adieu! Je fais des vœux pour Votre santé et Votre vertu. Adieu – et qu'il ne soit pas encore le dernier !

A Vous
Karamsin

Le 30 Nov[embre] Alexandre ne vit plus que dans nos cœurs brisés, pour vivre après, dans l'histoire. Je voulois déchirer cette lettre : je la fais pourtant partir : j'y ai parlé des sentiments d'Alexandre pour Vous. Je Vous embrasse tendrement

Ιστορικό αρχείο Κέρκυρας. Αρχείο Ι.Α.Καποδίστρια. Φακ. 138. Αρ.9^α.

Частичный перевод письма В.А. Жуковским

Свидание с любезным Б...м было для меня приятнее обыкновенного: он много рассказывал нам о вас, и все подробности о вашем здоровье, о вашем наружном виде (материальном выражении нематериального) были для нас удовлетворительны. Но, к сожалению, многие вопросы о состоянии прекрасной души вашей, о занятиях деятельного вашего ума, о вашем столь всегда верном образе мыслей на счет происшествий нашего времени, остались без ответа. Слушая, однако, нашего общего друга, который так живо передавал мне свои разговоры с вами, я иногда забывался: мне казалось, что слышу вас самих. Как было завидно для меня то счастье, которым он наслаждался в вашем обществе. Мои скопляющиеся годы, шаткость моего здоровья, печальные обстоятельства, нас разлучающие и которым конца не вижу, все это заставляет меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но в утешение себе говорю: "хотя он и далеко, но он об нас помнит; а мы бессмертны. Соединение душ не прекращается с жизнью материальною: переживший сохраняет воспоминание; отшедший, быть может, более выигрывает нежели теряет. Земные путешественники слишком рассеяны: им нет досуга заботиться о дружбе; не прежде, как бросив свой посох, мы можем предаться вполне привязанностям своего сердца: тогда растерянное во времени будет отыскано в вечности".

Такие разговоры с самим собою занимают меня теперь гораздо более всех разговоров в обществе: они сохраняют теплоту моей души, которая мне еще нужна для моего милого семейства, для моих друзей, для моей истории, подвигающейся к окончанию (дар от меня потомству, если оно его примет, если же нет, то нет). Так! Я стареюсь, не угасая (быть может, придет и то). О как я люблю еще моих товарищей путешествия! Как трогает меня их бедная участь! Как вся душа моя полна жалости для стольких ближних, для стольких народов!

Мы на сих днях переехали в Петербург из Царского Села, где прожили более двух месяцев в ненарушимом уединении: как далеко была от меня скука в те минуты, когда я не страдал физически! Сколько глубоких наслаждений находил я в этом ежедневном досуге, в кругу моего семейства, иногда один совершенно. Работа, чтение, осенняя, не редко ночная прогулки имели для меня прелесть неизъяснимую. Не слишком боясь смерти, иногда смотря на нее с каким-то радушием и любя повторять с Ж.Ж.Руссо, "что засыпающий на руках отца беззаботен о своем пробуждении", я допиваю по каплям сладкое бытие земное; я радуюсь им по-своему, неприметно для зависти. Подходя к концу жизни, я благодарю Бога за все, что Он мне даровал в ней; может быть, ошибаюсь, но совесть моя спокойна; милое Отечество ни в чем не упрекнет меня; я всегда был готов служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязан отвечать: и что же? Я мог описать одни только варварские времена его Истории; меня не видали ни на поле сражения, ни в советах Государственных; зная однако, что я не трус и не ленивец, говорю самому себе: "так было угодно Богу"; и не имея смешной авторской спеси, вхожу не стыдясь в общество наших Генералов и наших Министров...

Но довольно! Я заговорился, и кажется слишком много для одного минутного свидания с вами в вашей Женеве. Краткость жизни требует лаконизма; но что же делать? И самая мысль, что мы так мало имеем здесь времени для многословия, заставляет нас иногда быть неумеренно многословными с нашими друзьями.

Перейду теперь к историческому: воспоминание об вас живет в России. Государыня Елисавета Алексеевна поручила мне написать вам, что Она продолжает по-прежнему принимать в вас искреннее участие: Она так прямодушна! И Государь нимало к вам не переменялся; Он знает цену вашей души и ваших высоких дарований. Удостоив нас в городе однажды Своим посещением, Он много, много об вас говорил, и с таким чувством, которое меня порадовало. Я люблю Его более и более, не помышляя ни о каких милостях, ни о каком влиянии, то есть, не тревожа себя нимало тем, что никакого влияния не имею. Бог один читает во глубине сердца! ... Говорить ли вам о

нашем теперешнем мучительном беспокойстве, которое, надеюсь, пройдет прежде, нежели вы получите письмо мое? Наш любезный, наш добрый Император болен простудною лихорадкою в Таганроге: болезнь не опасная, но сердце дрожит за Него. А Государыня Елисавета Алексеевна в письме от 3 ноября, которое я имел счастье получить от Нее, уведомляет нас, что чувствует себя гораздо лучше: она очень огорчена смертью Короля Баварского...

Жуковский В. Письмо Карамзина к графу Каподистрия // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1835. Ч. 5. С. 10–13. Перевод соответствует частичной публикации В.А. Жуковским оригинала письма (Там же. С. 7–9).

Константин К. Папулидис
(Греция)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРЕКОВ, СЛУЖИВШИХ В МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в XVIII–XX вв.

В 1809 г. Александр Стурдза в своем неизданном труде¹ охарактеризовал сам себя следующими словами: «Сын эмигрантов, я совершенно не знаю своей родины и связан с нею лишь памятью о родителях. Моя истинная страна – Россия; все привязывает меня к ней: религия, чувство долга, привычки и само мое сердце»².

Именно эта фраза может служить наилучшим введением в обозначенную тему. Именно так думали некоторые греки, лишенные Родины, когда в XIX в. они пожелали обрести ее, стремясь всяческими способами достичь своей цели. Подобную возможность им открывало поступление на российскую дипломатическую службу, ибо предсказание о «светловолосом народе», который когда-нибудь возродит Элладу, продолжало жить в их умах. Приведем высказывание Иоанна Филимона, относящееся к 1834 г.: «Грек не только не имел каких-либо политических привилегий в другом мире (Западной Европе. – К.П.), но к нему относились с ненавистью и презрением и его не считали даже достойным могилы после смерти. Люди же Севера обращались с ним как с братом. Бессильный, он находил у них убежище и утешение в своих несчастьях, получал от них военные и государственные чины и с ними связывал серьезные надежды на лучшее будущее»³.

Работа автора настоящего исследования в архиве Министерства иностранных дел России в течение двух последних десятилетий позволила ему собрать достаточно большое количество архивных материалов о греках, состоявших на российской дипломатической службе. Удалось выявить примерно 100 человек⁴, но вполне вероятно, что их было намного больше. Многие искали пристанища и стремились сделать карьеру в России. Большинство из них происходили из Османской империи и областей, находившихся под венецианским владычеством⁵. Обладая российским паспортом и состоя на государственной службе в России, они способствовали проведению ее международной политики и одновременно приносили пользу своим соотечественникам, которым предоставлялась помощь политическая (известно, что грекам

помогали переселяться из Османской империи в Россию), экономическая (они вносили свой вклад в развитие черноморской и средиземноморской торговли) и в сфере культуры (оказывалась поддержка искусству и просвещению).

Российские власти предпочитали православных греков в роли своих представителей на Балканах и особенно в Восточном Средиземноморье, в то время как другие европейские державы (правда, не без исключений) избегали выбирать своих представителей среди местных католиков-левантийцев или евреев-сефардов⁶.

Обратимся к характерным примерам, начав с наиболее известного:

Иоанн Каподистрия (1776–1831). Прежде чем осесть в России, он был государственным секретарем Ионической Республики, выступил инициатором основания Ионической академии, а также был основателем Медицинского общества. Благодаря занимаемой в России высокой должности, он оказывал материальную помощь в обучении молодых людей, которых называл «своими приемными сынами». Любовь к искусствам и просвещению привела его (вместе с Анфимом Газисом, митрополитом Валахии Игнатием и Стурдзой) к идее создания Общества любителей Муз⁷, а позже при его участии открылось Греческое коммерческое училище в Одессе⁸. Известно его выступление против Этерии и негативное отношение к освободительному восстанию греков, но известно также, что, когда оно вспыхнуло, Каподистрия оказался перед дилеммой ввиду своего положения в России. Известны и причины его удаления из российского Министерства иностранных дел в 1822 г. В его карьере с этого времени биографы особо выделяют плодотворную деятельность в государственном управлении Швейцарии и тяжелое бремя труда на посту правителя Греции (1828–1831 гг.), прежде всего в государственной, образовательной и церковной сферах. В 1831 г. Каподистрия пал жертвой покушения⁹.

Николай Буйдис из Арты, янинский купец, служил в качестве переводчика в Императорском Российском посольстве в Константинополе вплоть до 1752 г. Получил известность благодаря усилиям по организации встреч вселенских патриархов с посланниками России в столице Османской империи А.А. Вешняковым (1734–1736 гг.; 1739–1745 гг.) и А.И. Неплюевым (1745–1750 гг.), а также благодаря его докладной записке с подробной информацией о жизни христиан в Добрудже. Он оказывал содействие российской дипломатии и в период, предшествовавший возникновению Восточного вопроса¹⁰.

*Панос Бицилис*¹¹ в Химаре, Гикас Бицилис в Кефалинии и Захос Бицилис в Авлоне (Влѐре) сыграли заметную роль в мобилизации моряков-добровольцев в конце XVIII в. Подобную же службу выполняли Либеракис Бенакис на Керкире, Дамианос Загореос на Закинфе, Димитрий Николау на

Итаке, Спиридон Варухас в Триесте и Антоний Палладоклис в Далмации. Позднее Захос Бицилис, находясь в России и занимаясь торговыми делами, построил школу в Дримадесе, селе Янинского округа¹².

Кефалинийский ученый *Спиридон Дестунис* (1782–1848), отец профессора Гавриила Дестуниса (1818–1895), состоял на службе в качестве российского консула в Смирне. Когда началось греческое восстание и стали известны высказывания Г.А. Строганова о том, что Россия не поощряет освободительное движение¹³, Спиридон Дестунис с риском для жизни спас в Смирне многих соотечественников от турецкой резни. Бежал в Россию после событий в Смирне 1821 г. Хорошо известна лепта, внесенная семьей Дестунисов в развитие науки и просвещения в России. Неизданные труды ее членов в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге¹⁴ напомнят молодым исследователям о культурном влиянии кефалинийских ученых.

Константин Родофиникин (1760–1838) начинал свою карьеру в России военным моряком, а позднее служил на дипломатическом поприще. Известно, что он играл значительную роль в российской политике в 1806–1807 гг., принимая участие в событиях в Валахии и Сербии. Позже, в 1819–1837 гг., возглавлял Азиатский департамент российского Министерства иностранных дел, которому были подведомственны и балканские дела¹⁵.

Александр Стурдза (1791–1854), о котором упоминалось выше, трудился на пользу России, не забывая и о помощи своим соотечественникам. В 1809 г. ему было присвоено звание испытываемого сотрудника Министерства иностранных дел, а в 1811 г. – переводчика. В 1812 г. он сопровождал адмирала П.В. Чичагова, командующего российской Дунайской армией, а в 1815 г. – И. Каподистрию в его поездке в Париж. В 1816 г. он опубликовал в Штутгарте доклад о положении иезуитов в России «*Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise Orthodoxe*». Тогда же иезуиты были высланы из России согласно императорскому указу от 23-го декабря. До 1821 г. он, подобно Каподистрии, принадлежал к той консервативной и умеренной части греков, которые верили, что вплоть до низвержения чужеземного ига следует преимущественно заниматься проблемами духовного возрождения их родины. Позднее он, как и Каподистрия, с помощью пера и дипломатических усилий, а также материально поддерживал освободительную борьбу. В 1822 г. он обосновался в имении близ Одессы, где жил вместе со своей сестрой, графиней Р. Эдлинг в «Доме Стурдзы». В книге «*La Grece en 1821 et 1822. Correspondance politique publiee par un Grec*» (Paris, 1823)¹⁶ он развивает мысль о том, что греческое восстание имеет не социальный, а национально-освободительный характер. Среди его неизданных трудов определенный интерес представляет рукопись «*Духовная жизнь и духовная словесность на Востоке*». В

ней впервые изучается положение в Константинополе и в Афинах. Он завершает свое сочинение фразой: «Θεός καί φύσις οὐδέν μάτην ποιεῖ» («Бог и природа ничего напрасно не творят») (Одесса, 12 марта 1853 года)¹⁷.

В 1833–1836 гг. три грека, члены Этерии *Гавриил Катакази*, *Иоанн Папарригопулос*, а также *Феодор Лелис* трудились на благо России в дипломатической миссии в Афинах. Одновременно они помогали партии Напеев, или Мужиков (отличительное название членов «русской партии» в Греции). Они поддерживали деньгами движение за упразднение автокефалии греческой церкви, следили за действиями американских миссионеров Кинга и Хилла и информировали о ней Министерство иностранных дел в Санкт-Петербурге, где с 1819 по 1837 г. служил в качестве директора Азиатского департамента Константин Родофиникин¹⁸.

Ангелос Мустоксидис (1780–1861), родственник ученого Андреаса Мустоксидиса (1785–1860). Поступил на российскую дипломатическую службу в 1805 г. Служил в Патрах, Дарданеллах и Салониках (1830–1861 гг.). Оказывал существенную помощь христианскому населению Салоник, страдавшему от произвола турок. Он помогал и покровительствовал также некоему Феодору Валлиану. Освобождал греков, плененных турками. В 1845 г. он дал рекомендательное письмо слависту Н. Григоровичу, адресованное в афонский Протат, когда последний пожелал обозреть Святую Гору¹⁹. Наконец, в 1860 г. А. Мустоксидис удержал известного военачальника Цами Каратасоса от организации восстания в Салониках – из-за сосредоточения крупных турецких военных сил в округе оно было обречено на неудачу и было бы потоплено в крови²⁰.

Известно, что семья *Капнисис* происходит из Константинополя и что одна из ее ветвей переселилась в Венецию в XIV в., другая же – обосновалась на Ионических островах. Антоний Капнисис (1742–1812) был членом Центрального управления Ионических островов, когда туда в 1798 г. пришли русские войска. Потомки семейства с Ионических островов поселились и в России. Здесь получили известность вышеупомянутый Антоний Капнист, сын Кесаря, Дионисий, сын Марка, литератор Василий, сын Василия²¹, и поэтесса Евгения, дочь Петра и с 1909 г. супруга Иоанна Драгаша-Палеолога²². Из членов семьи Капнистов на российской дипломатической службе состояли Дмитрий и Петр, сыновья Алексея, Петр, сын Николая, и Михаил, сын Петра²³.

Ученый Андреас Пападопулос-Вретос (1800–1876)²⁴ находился после убийства Каподистрии на российской дипломатической службе в качестве переводчика. По-видимому, он не задержался на этой должности, а приступил к научным занятиям, так как в 1873 г. опубликовал в Париже свой труд «Un Grec très dévoué à la Russie, victime du chancelier de cet empire le prince Gortchacoff». Немного ранее он написал брошюру на французском

языке «Les douze années du règne d'Alexandre II, empereur de Russie, par André Papadopoulos Vrétos, auteur des "Mémoires biographiques-historiques sur le président de la Grèce, le comte Jean Capodistrias» (Издано в Париже в 1867 г.). В 1869 г. он послал ее Н.Д. Киселеву, «послу его величества императора Александра II» во Франции (1841–1854 гг.) и Италии (1864–1869 гг.)²⁵. Однако, несмотря на все попытки, А. Пападопулос-Вретос уже более не возвращался на российскую императорскую службу.

Существуют, правда, и негативные страницы в истории дипломатической службы царской России, связанные с греками. В 1867 г. на Митилине служил «господин Георгий Амирас, российский вице-консул», который «осуществлял торговлю не всегда при помощи точных и истинных мер и оказался виновником многих нарушений». По этой причине 90 жителей Митилины в своей жалобе российскому послу Игнатьеву, скрепленной их подписями, потребовали смещения Амираса²⁶.

Конечно, немногочисленные исключения не могут изменить правило и общие очертания темы: в основном греки, состоявшие на дипломатической службе в России, выполняли свои обязанности честно и добросовестно, внося определенный вклад в ее успехи.

ΠΡΙΜΕΧΑΝΙΑ

¹ Архив Института русской литературы (ИРЛИ). Ф. 288. Оп. 1. Д. 2. – *Sturdza A.* Ma vie: Histoire de mon enfance et de ma première jeunesse, écrite pour ma sœur.

² Там же. Л. 3.

³ *Φιλήμονος Ι.* Δοκίμιον ιστορικόν περί της Φιλικής Εταιρείας. Ναυπλία, 1834. Σ.77-78.

⁴ АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп.464.

⁵ *Ульяницкий В.А.* Исторический очерк русских консульств за границей // Сборник Московского Главного Архива МИД 1899. Вып. 6. С. 51–546.

⁶ *Rappas N.C.* Greeks in russian military service in the late 18th and early 19th centuries. Thessaloniki, 1991. Ρ. 88; Παλαιολόγου Κ. 'Ελληνες διπλωμάται εν Ρωσία κατά την ΙΕ και ΙΖ εκατονταετηρίδα // Παρισσός. 1886. Τ. 10. Σ. 32–39.

⁷ *Κοΐκκου Ε.* Ο Καποδίστριας και η παιδεία. 1803–1822. Α : Η Φιλόμουσος Εταιρεία της Βιέννης. Αθήνα, 1958.

⁸ 17(29) июня 1818 г. Петербургская Академия наук избрала его своим членом как имеющего желание и возможности «оказать важные услуги наукам вообще и Академии в частности» – См.: *Арш Г.Л.* И. Каподистрия и

греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976. С. 41.

⁹ Αυτοβιογραφία Ιωάννου Καποδίστρια // Εισ. - μετάφ.- σχόλια Μ. Λάσκαρι. Αθήνα, 1962; *Κοϊκκου Ε. Ο. π.; Δεσποτοπούλου Α.* Ο Καποδίστριας και η απελευθέρωση της Ελλάδος. Αθήνα, 1954; *Πετρίδη Π.* Η διπλωματική δράση του Ιωάννη Καποδίστρια υπέρ των Ελλήνων. Θεσσαλονίκη, 1974; *Ари Г.Л.* Указ. соч.

¹⁰ *Mihneva R.* L'Empire Ottoman au milieu du XVIIIe s. à travers les rapports d'un natif d'Arta: N.Bouidi – Traits de sa vie et de son activité // *Etudes Balkaniques*. Sophie, 1992. N 2–4. P. 32.

¹¹ *Παλαιόλογου Κ.* Ρωσικά περί Ελλάδος έγγραφα νυν το πρώτον εις την ελληνικήν μεθερμηνεύμενα. Παρνασσός. // 1877. Τ. 1. Σ. 918.

¹² *Rappas N.C.* Op. cit. P. 87.

¹³ *Внешняя политика России XIX – начала XX века.* М., 1965. Серия 2. Т. 4 (12). С. 158–159, 637.

¹⁴ *Proussis Th.* The Destunis Collection in the manuscripts section of the Saltikov-Scedrin State Public Library in Leningrad // *Modern Greek Studies Yearbook*. Minneapolis (Minnesota), 1989. Vol. 5. P. 395–452.

¹⁵ *Σωτηρίου Σ. Κ. Κ.* Ροδοφονίικιν // *Ενδοχώρα*. 1991. N 18. Σ. 16–22.

¹⁶ См. также: ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 95.

¹⁷ Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 231/III. Д. 11.10.Л. 116.

¹⁸ ΑΒΠΡΙ. Φ. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2565 (И. Παπαρριγοπουλο); *Παπουλιδης Κ.Κ.* Ρωσικό ενδιαφέρον για την Εκκλησία της Ελλάδος την εποχή του Όθωνα με Βάση έγγραφα του Αρχείου Εξωτερικής Πολιτικής της Ρωσίας // *Θεολογία*. 1986. Τ. 57. Σ. 765–776.

¹⁹ *Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877. С. 11.

²⁰ *Toussimis G.* Angelos Moustoxydis, consul de Russie à Thessalonique (1830–1861), protecteur de la population chrétienne et du consulat de Grèce // *Les relations entre les peuples de l'URSS et les Grecs. Fin du XVIIIème – début du XXème s.* Thessaloniki, 1992. P. 167–173; *Papoulidis C.* Quelques éléments nouveaux concernant les plans insurrectionnels de Tsami Caratasso sur la délivrance des peuples balkaniques en 1860 // *Greek-Serbian Cooperation*. 1830–1908. P. 107–110. Belgrade, 1982.

²¹ *Берков П.Н.* Русские драматурги. Василий Васильевич Капнист (1757–1823). М.–Л., 1950.

²² *Καφαμπέλη Εμμ.Γ.* Τι οφείλει η Ρωσία εις την Ελλάδα. Αθήνα, 1947. Σ. 94–102; Ο Ελλησμός της Ρωσίας και τα 33 χρόνια του εν

Αθήναις σωματείου των εκ Ρωσίας Ελλήνων // *Επιμέλεια* Ελ. Παυλίδης. Αθήνα, 1953. Σ.155–157.

²³ АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 1609, 1610, 1611 и 1611а.

²⁴ Известный своими произведениями: Κατάλογος των από της πτώσεως της Κωνσταντινουπόλεως μέχρι το 1821 τυπωθέντων Βιβλίων παρ' Ελλήνων εις την ομιλουμένην ή εις την αρχαίαν Ελληνικήν γλώσσαν. Αθήνα, 1845; см. также 2-е изд.: Νεοελληνική φιλολογία ήτοι κατάλογος των από της πτώσεως της Βυζαντινής αυτοκρατορίας μέχρι εγκαθιδρύσεως της εν Ελλάδι Βασιλείας τυπωθέν Βιβλίων παρ' Ελλήνων εις την ομιλουμένην ή εις την αρχαίαν ελληνικην γλώσσαν. Αθήνα, 1854–1857. Τ.1–2; Mémoires biographiques-historiques sur le président de la Grèce, le Comte Jean Capodistrias. Paris, 1837–1838. Τ. 1–2; Notizie biographiche-storiche su Federico conto di Guilford. Athene, 1846.

²⁵ Παυλίδης Κ.Κ. Έγγραφα Ελλήνων διπλωματικών υπαλλήλων του 19^{ου} αι. από Βιβλιοθήκη Λένιν της Μόσχας // Ελληνικά. 1979. Τ.31. Σ.156–158.

²⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1812. Л. 83–84в.

Г.М. Пятигорский
(Украина)

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ГРЕЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ В НЕЖИНЕ (1817–1919 гг.)

Создание Александровского греческого училища в Нежине в 1817 г. – одно из проявлений большого культурного подъема, которым был охвачен греческий мир еще с последних десятилетий XVIII в. 1770–1820-е годы вошли в историю новогреческой культуры как эпоха Просвещения. Новогреческое Просвещение развертывалось в значительной мере не в Греции, изнемогавшей под чужеземным османским игом, а в других европейских странах, где социально-политические условия являлись более благоприятными¹. Важнейшей составной частью новогреческого Просвещения – значительного общественного и культурного движения, объективно способствовавшего идеологической подготовке греков к национально-освободительной революции, – было распространение образования и знаний среди народа. Многие зарубежные греческие общины пытались организовать у себя национальное обучение. Основным источником деятельности новых учебных заведений были пожертвования греческих эмигрантов². О греческих училищах в Венеции, Бухаресте, Яссах и Одессе³ уже написаны серьезные исследования, однако история других зарубежных греческих учебных заведений еще остается малоизученной⁴. В числе выпавших из поля зрения ученых – Александровское греческое училище города Нежина. Это учебное заведение не стало таким крупным центром греческого образования, каким оказалось основанное с ним в один и тот же год Греческое коммерческое училище в Одессе. Значительно уступало оно в научно-педагогическом плане и другим греческим учебным заведениям. Вместе с тем, его деятельность также является страницей истории новогреческого Просвещения. Кроме обязательных предметов по программе российских уездных училищ, греческие юноши изучали здесь древнегреческий и новогреческий языки, знакомились с историей и культурой Греции. Александровское греческое училище просуществовало более века, а, значит, его история представляет интерес и в плане изучения истории греческого национального образования в России и диаспоры в целом. Настоящая статья основана главным образом на неопубликованных мате-

риалах из архивных хранилищ России и Украины. В их числе и документы из архива самого училища, который находится в филиале государственного архива Черниговской области в Нежине и составляет отдельный фонд (Ф. 220).

История Александровского греческого училища, основанного нежинскими греками, неразрывно связана с развитием их общины⁵. Еще в XVII в. Нежин стал центром греческой эмиграции в России. Значительную часть переселявшихся сюда греков составляли жители Эпира и Македонии.

Различные привилегии, предоставляемые греческой общине Нежина, способствовали ее процветанию. Сам город, благодаря коммерческой предприимчивости его греческих жителей, превратился в один из наиболее крупных торговых центров Российского государства. В 1782 г. число проживавших в Нежине греков достигло цифры 765. Общее количество жителей города, не считая дворян, составляло тогда 11.104 человека⁶.

Положение нежинских греков в России, где они, в отличие от своих соотечественников, оставшихся в Греции, были избавлены от религиозного и национального гнета, и, кроме того, пользовались большими привилегиями, способствовало укреплению в них чувства собственного достоинства. Это выразилось, в частности, в стремлении дать своим детям национальное образование. Речь, правда, тогда шла об элементарном – об обучении чтению и письму.

О том, что греческая школа действовала в Нежине уже в первой половине XVIII в., имеется ряд свидетельств. В биографии русского и украинского историка Н.Н. Бантыш-Каменского (1737–1814), написанной его сыном, есть такие строки: «Николай Николаевич... родился в Черниговской губернии в городе Нежине 16 декабря 1737 года... Из родительского дома... отдан был в Нежинскую греческую школу для изучения еллинскому (древнегреческому. – Г.П.) и простому греческому (новогреческому. – Г.П.) языкам...»⁷. Эта школа была не единственной в городе. В Нежине в те времена существовало еще несколько русских школ, находившихся при церковных приходах. Школа, в которой учился Бантыш-Каменский, действовала, вероятно, при греческом церковном приходе. Она пользовалась определенной известностью в городе, поскольку в ней учились не только греки. Заметим также, что молодой Бантыш-Каменский был из дворянской семьи. Наличие в Нежине греческой школы констатирует и универсал гетмана Даниила Апостола от 23 декабря 1749 г. (3 января 1750 г.)⁸. Школа эта функционировала, по-видимому, еще в начале XIX в.

Греческие дети учились и в общегородских учебных заведениях. Еще в 1789 г. в Нежине открылось Малое народное училище. Оно было двухклассным. На основании «предварительных правил народного просвещения» 1803 г. и устава 1804 г. в России началось преобразование многих учебных

заведений⁹. Малые народные училища становились уездными. Статус уездного в 1804 г. получило и Нежинское малое народное училище. Изучение различных предметов по общеобразовательной программе теперь должно было продолжаться в течение трех лет.

Не все нежинские греки определяли своих детей в уездное училище. Некоторые предпочитали отдавать их в частные пансионы, которые содержались иностранцами. Пребывание в таких учебно-воспитательных заведениях обходилось дороже, но и качество получаемых знаний было более высоким. В 1790 г. такое учебное заведение в Нежине открыл итальянец Иосиф Кампиони. В нем обучались только юноши. По данным за июнь 1805 г. их насчитывалось 13. Греками являлись Павел Врахорит – 10 лет, Христофор Бубликов – 11, Федор Бубликов – 9, Гавриил Деста – 11, Апостол Стамеров – 22 и Аполлон Афендулиев – 11 лет. Первые трое поступили в пансион 20 марта (1 апреля) 1803 г., последние соответственно 20 января (1 февраля) 1805 г., 25 января (6 февраля) 1805 г. и 6(18) февраля 1805 г.¹⁰ В Нежине имелся и женский пансион. Его содержателем был иностранец Иван (Иоанн) Филибер. Удалось обнаружить список воспитанниц Нежинского благородного пансиона за январь 1811 г.¹¹ Из 11 девиц гречанками значатся две: Мария Вафьина – 12 лет, поступившая в пансион 10(22) октября 1810 г., и Надежда Мураитова (Надежда Мураит) – 8 лет, зачисленная туда 10(22) января 1811 г. Национальную принадлежность И. Филибера и точную дату создания женского пансиона установить не удалось¹².

У греков Нежина обучение их детей в уездном училище и в частных пансионах, где греческий язык не изучался, не вызывало беспокойства. И не вследствие родительского безразличия. Такое положение вещей являлось одним из свидетельств происходившего тогда процесса утраты греческой общиной Нежина своей национальной самобытности и имело определенные причины. Еще в последние десятилетия XVIII в. Нежин начал терять свою коммерческую славу. Выход России к Черному морю вызвал значительное перемещение торговых путей. Заметно возрос удельный вес морской торговли. На северном черноморском побережье возникли и в короткое время достигли расцвета русские торговые порты. В этот регион в конце XVIII – начале XIX в. сместился и основной поток эмигрировавших в Россию греков. Греческие переселенцы приняли деятельное участие в торговле и судоходстве России на Черном море. В Новороссии сформировались новые греческие общины¹³, самой богатой и преуспевающей из них стала община Одессы¹⁴. В Нежине греческая община продолжала существовать, но ее связи с исторической родиной значительно ослабли. В отличие от многих других вновь образованных греческих общин на юге России нежинская община теперь состояла преимущественно из потомков тех переселенцев из Греции, которые при

хали в предшествующие столетия. Родившись в России и длительное время прожив в ней, многие нежинские греки давно освоили русский язык и считали его если не первым, то вторым родным языком. Обучение их детей не в греческом национальном учебном заведении, а в уездном училище и в содержащихся иностранцами пансионах, было закономерным. Однако не все в греческой общине Нежина хотели с этим мириться.

Здесь уместно напомнить, что последние три десятилетия XVIII в. – первые двадцать лет XIX в. – это время национально-патриотического подъема, охватившего греческий народ. В эти годы возросла и общественная активность греческих выходцев в России. Высоким нравственным долгом для них стало участие в распространении просвещения как среди тех, кто остался в Греции, так и среди соотечественников, оказавшихся в диаспоре, в греческой общине Нежина более энергичными в этой деятельности оказались не коренные жители города, а недавние эмигранты. Около 1785 г. в этом городе поселились четыре брата: Иоаннис, Анастасиос, Зонс и Николаос Зосимы. Всего братьев было шестеро. Кроме названных, еще Феодосиос и Михаилос, обосновавшиеся в Ливорно. Все братья родились в Янине в 50–60-х годах XVIII в. Рано покинув родину, они занялись за границей коммерцией. Из тех, кто прибыл в Нежин, вскоре осталось двое, так как в 1786 г. Иоаннис умер, а Зонс после этого печального события переехал в Москву. Живя в разных странах, братья вели большую международную торговлю и нажили громадные состояния. Благотворительной деятельностью в пользу Греции фирма Зосима стала заниматься после смерти Феодосиоса в 1793 г. Одним из важных шагов, сделанных братьями Зосима на пути распространения просвещения в Греции, явилось основание ими в 1797 г. училища у себя на родине – в Янине¹⁵.

С инициативой создания специального греческого училища в самом Нежине выступил в 1810 г. проживавший там греческий выходец Степан Буба (Стефанос Бубас). Учитывая ту большую роль, которую Степан Буба сыграл в организации греческого училища в Нежине, представляется важным восстановить биографию этого греческого патриота. В Нежине Буба оказался не позднее 1793 г. В местный греческий магистрат 23 ноября (4 декабря) того года поступило от нового эмигранта прошение. В нем Буба выразил желание принять российское подданство и быть зачисленным в нежинское греческое общество. О себе он сообщил: «Уроженец я из Греции Эпирской провинции города Янины. Издревле по предкам моим происхожу греческой породы...»¹⁶. После соответствующих протокольных процедур Степан Буба 10 ноября (10 декабря) 1793 г. получил аттестат, свидетельствующий о том, что он «... выходец – российский подданный нежинский грек»¹⁷. Степан Буба стал делить свою судьбу с Нежином. В ревизской сказке, составленной в 1801 г. по материалу 7-й ревизии (переписи населения), проводив-

шейся в том году в России, как житель Нежина записан «Степан Кириллов сын Буба 50 лет»¹⁸. Умер он не позднее 1819 г. Об этом свидетельствует письмо петербургского грека Петроса Ипитиса от 8(20) июня 1819 г., опубликованное в издававшемся в Вене журнале «Эрмис о Логгос» – органе патриотически настроенной греческой интеллигенции. Ипитис, неоднократно бывавший в Нежине, сообщал о наличии там греческой больницы, училища и библиотеки. При этом он отдельно отметил, что «в создании училища многое сделано Стефаносом, уже покойным Стефаносом Бубасом»¹⁹. В Нежине Степан Буба, как и другие проживавшие в городе греки, занимался торговлей. Успехи Бубы в коммерческой деятельности способствовали его выдвижению в лидеры греческой общины Нежина. Степана Бубу избирают бургомистром греческого магистрата. Точная дата начала его службы в этой должности неизвестна. Однако мы знаем, что в 1810 г. он уже был бургомистром: сохранился текст обращения к грекам Нежина, подписанный бургомистром Нежинского греческого магистрата Степаном Бубой 23 октября (3 ноября) 1810 г.²⁰ Данное обращение, призывающее местных греков к созданию в городе греческого училища, включало в себя и обстоятельно разработанную программу устройства такого национального учебного заведения. Наиболее важные вопросы жизнедеятельности греческой общины Нежина решались на ее собраниях, которые проводились в здании греческого магистрата²¹. Вероятно, и в данном случае Буба собрал нежинских греков и выступил перед ними со своим планом. Вначале он пытается убедить их в необходимости учреждения в Нежине греческого училища. В зависимости от решения этого вопроса он предрекает и судьбу самой греческой общины Нежина: «При первоначальном поселении греков в Нежине... общество нежинских греков приметным образом увеличивалось, следовательно, тогда были греки оригинальные, то есть приезжие прямо из своего отечества. Ныне же члены сего общества большей частью если не третье, то второе поколение. А вновь поступающих в оное греков из Греции, в сравнении прежнего времени, мало. Из сего происходит... что нежинский грек, родившийся в Нежине, иногда не может писать и объясняться правильно на греческом языке... Возросший таким образом сочлен нашего общества остается только с одним именем нежинского грека. Он не может принимать участия в торговле, которая большей частью заграничная... Ваши дети (я не имею и не могу, может быть, иметь сего счастья) или дети ваших детей, то есть третье поколение, не имея средств поддержать языка предков своих, а с тем купно и духа деятельности ... не будут в силах поддержать имени греческого нежинского общества, и тем самым лишатся выгод, коими имеем мы счастье наслаждаться по щедротам всемиловивейших монархов всероссийских». Выход из создавшегося положения Степан Буба видит «... в неотлагательном учреждении на прочном

и незыблемом основании под надзором греческого нежинского общества училища для детей греческого нежинского сословия и для приходящих вновь из Греции греков». Бургомистр не упомянул о греческой школе в церковном приходе. Или она уже не существовала, или же те элементарные знания греческого языка, которые там получали с отрочества, при новом состоянии греческой общины Нежина, так точно оцененного Бубой, были явно недостаточными. Далее Буба предложил «главные положения», которые должны были лечь в основу деятельности греческого училища. Фактически речь шла об уставе нового учебного заведения. Важным условием успешной деятельности училища Буба считал наличие у него специального здания. Поэтому в 1-м «главном положении» – назовем его статьей устава – он записал: «Училище должно иметь особый собственный дом с приличными для помещения учителей и учеников покоями, [со] службами и библиотекою». Буба предлагал использовать для этой цели одно из тех зданий, которые принадлежали греческим церквям и сдавались в аренду под жилье и складирование товаров. Принципиальное значение имели статьи 2-я и 3-я устава, призванные обеспечить национальный характер нового учебного заведения. Во 2-й статье в качестве главного предмета обучения называется греческий язык как «... нужный, с одной стороны, для поддержания отечественной словесности, принадлежащей нашей нации, а с другой – для приохочивания приезжать к нам из Греции молодых людей, имеющих склонность к наукам и торговле». Предлагались еще два языка: русский – как язык отечества, «...в коем ученики живут, и немецкий как язык коммерческий и нужнейший по торговым отношениям нашим с Саксонией, Германией и другими местами европейскими». Здесь же перечислены и другие «...науки, необходимые для коммерции: арифметика, бухгалтерия, история и география». 3-я статья гласила: «Училище сие будет принимать безденежно только детей нашего общества и приезжающих из Греции юношей, другое сословие участвовать будет в оном не иначе как из платежа, который зависит будет от рассмотрения и положения общества». Одновременно Буба стремился закрепить за греческой общиной Нежина право на безраздельное управление училищем. В статье 4-й устава говорилось: «Надзор за училищем поручается от общества по выбору одному из почтеннейших членов нашего сословия, заслужившему в обществе доверие нравственностью, твердостью и другими изящными качествами своими, который будет именоваться директором сего греческого нежинского училища. Директор обязан выслужить в настоящем звании не менее трех лет и за все управление давать обществу ясный и удовлетворительный отчет, которому сия служба вменяется как служба общественная, впрочем, общество может такового отчета требовать и прежде истечения трехлетия». Затем, уже без пометки номера статьи, определялась финансовая база училища. Буба

понимал, что для его устройства потребуются значительные денежные средства и что рассчитывать на государственную казну не придется. Нежин же имел то, что ему было положено – уездное училище. Создаваемое учебное заведение могло стать делом рук только самих греков. Поэтому Буба призывает греческих жителей Нежина принять участие в пожертвованиях в пользу нового училища. Для того, чтобы ежегодно иметь стабильную сумму, необходимую на содержание училища, выплата которой была бы гарантирована, он предложил собрать не менее 50 тыс. рублей ассигнациями и положить их под проценты в сохранную казну Московского императорского воспитательного дома. Опекунский совет этого учреждения принимал денежные вклады от населения и выплачивал ежегодно 5% от внесенной суммы. Сам Буба в случае, если пожертвованная нежинскими греками сумма достигнет 50 тыс. рублей ассигнациями, обязывался дополнить ее из своих личных средств 10 тыс. рублей ассигнациями. Кроме того, бургомистр греческого магистрата предложил ввести еще «постоянный и всегдашний ежегодный сбор от каждого сочлена нашего... по 20-ти процентов (вероятно, имелось в виду с доходов от торговых сделок. – Г.П.) под именованием на содержание училища». Процентом с денежной суммы, внесенной в Московский императорский воспитательный дом, вместе с обязательным ежегодным сбором с нежинских греков в пользу училища, по подсчетам Бубы, должно было хватить на оплату труда учителей, закупку необходимой учебной литературы, другие расходы, связанные с деятельностью учебного заведения. «Почтенное сословие! – обращался в заключение Буба к нежинским грекам. – Я именем детей и потомков ваших зываю содействовать сему благовому делу... Греки! Явите себя достойными сего имени и потомство будет благословлять память нашу...»

Однако далеко не все нежинские греки были склонны раскрыть свои кошельки, и решение о создании училища, несмотря на соответствующее воззвание бургомистра греческого магистрата, принято тогда не было. Три раза подряд: 23 и 28 ноября (5 и 10 декабря) 1810 г. и 21 января (2 февраля) 1811 г. греческие жители города безрезультатно собирались по повесткам нежинского греческого магистрата по одному и тому же поводу²². Но в конце концов, после бурных дебатов, большинство греческих коммерсантов Нежина проявили готовность оказать финансовую помощь новому учебному заведению. Правда, только в форме добровольного пожертвования, т. е. без ежегодного обязательного 20-процентного сбора. Собравшись 22 марта (3 апреля) 1811 г., греки Нежина приняли решение о создании в городе греческого училища²³. При этом они утвердили устав училища, ранее предложенный Степаном Бубой, и решили некоторые другие организационные вопросы. В частности, были выбраны попечители греческого училища. Ими оказались: сам Степан Буба, а также Георгий Кромида, Иван Клица, Иван

Спиридонов, Христофор Боний и Дмитрий Буров. Как и инициатор создания училища, все остальные также принадлежали к числу богатых и авторитетных греческих купцов Нежина. Из шестерых трое входили тогда в состав Нежинского греческого магистрата: Христофор Боний был вторым, после С. Бубы, бургомистром, а Дмитрий Буров – одним из ратманов. На попечителей возлагалась вся подготовительная работа по созданию греческого училища. После ее выполнения институт попечителей ликвидировался. Кроме того, было решено незамедлительно объявить добровольную подписку в пользу нового учебного заведения, причем не только в Нежине, но и в ряде других городов России, а также за границей, среди находившихся там по торговым делам нежинских греков. Добровольная подписка была спланирована следующим образом. Сначала участвовавшие в ней расписывались в специальных листах, где указывали сумму, которую они собирались пожертвовать. Затем подписные листы предполагалось отправить для сведения и хранения в Нежинский греческий магистрат. Первая половина жертвуемой суммы должна была быть внесена до 1(13) июля 1811 г., а вторая половина – до 1(13) июля 1812 г. Местом сбора пожертвований в Нежине был определен греческий магистрат. Ответственными за сбор пожертвований в Москве назначили живших там нежинских греков Федора Медовитова и Анастасия Мацо. Назначение ответственных за подобную деятельность в других городах России и за границей было возложено на Нежинский греческий магистрат. Заседание магистрата по этому вопросу состоялось 1(13) мая 1811 г. Было решено поручить организацию сбора пожертвований следующим нежинским грекам (каждому из них в месте его постоянного пребывания): Федору Пондикию – в Одессе, Ивану Доболию – в Петербурге, Константину Пелтскому и Козьме Гожо – в Яссах, Ивану Скуфе (Скуфасу) и Анастасию Котопулию – в Бухаресте, Дмитрию Прихову – в Бродах²⁴. С целью привлечения денежных средств, необходимых для создания греческого училища, а также стремясь поднять престиж начатой в связи с этим кампании, нежинские греки на своем очередном собрании, проходившем 19 июня (1 июля) 1811 г., предписали греческому магистрату ознакомить с планом учреждения нового учебного заведения и пригласить к участию в пожертвованиях в его пользу видных представителей греческой диаспоры в России: Константина Ипсиланти и Александра Маврокордато – бывших господарей Дунайских княжеств, фанариота Григория Калиархи, известного банкира Эммануила Калерджи и богатого купца Иоанниса Варвакиса²⁵. Что и было сделано посредством посылки по их адресам деловых бумаг: К. Ипсиланти – в Киев, А. Маврокордато и Г. Калиархи – в Москву, Э. Калерджи – в Петербург и И. Варвакису – в Астрахань.

Подписная кампания в пользу греческого училища, проводившаяся весной и в начале лета 1811 г., прошла успешно. Греческий магистрат стал располагать сведениями о потенциальных жертвователях. Шла работа и над проектом перестройки здания, выделенного под училище нежинскими греческими церквями. Этим строением оказался каменный добротный одноэтажный многоквартирный дом, построенный еще в 1694 г. Его помещения, включая большие погреба, использовались соответственно под жилье и как товарный склад. Согласно плану попечителей создаваемого училища, согласованному ими с губернским архитектором, предполагалось увеличить высоту фасада здания, но самое важное – расширить площадь некоторых комнат в нем за счет перестановки внутренних стен, что сделало бы удобным проведение там учебных занятий. О своих намерениях С. Буба, Г. Кромиды, И. Клица, И. Спиридонов, Х. Боний и Д. Буров известили генерал-губернатора Малороссии Я.И. Лобанова-Ростовского в письме от 29 апреля (11 мая) 1811 г.²⁶ Данное письмо позволяет утверждать, что организаторы греческого училища не рассчитывали затягивать на длительное время ремонт здания и другую деятельность, связанную с созданием учебного заведения. В этом же письме они сообщали о вероятном начале необходимых строительных работ уже летом, а кроме того, просили малороссийского генерал-губернатора исходатайствовать у Александра I разрешение на открытие в Нежине греческого училища. Обнаружить какой-либо документ, отправленный в связи с этим Лобановым-Ростовским в Петербург, не удалось. Однако не вызывает сомнений то, что изначально поддерживавший идею создания в Нежине греческого училища малороссийский генерал-губернатор доложил по инстанциям об уже проведенных нежинскими греками подготовительных мероприятиях. Вероятнее всего, он обратился к министру народного просвещения А.К. Разумовскому, прерогативой которого обычно были такие дела. Так или иначе, известно, что министр вошел с соответствующим представлением к царю, о чем свидетельствует нижеизложенный документ.

3(15) ноября 1811 г. Александр I подписал указ об учреждении в Нежине греческого училища²⁷. Указ этот был адресован министру народного просвещения. «Рассмотрев представленное мне от вас предположение нежинского греческого общества об учреждении в Нежине греческого училища, повелеваю: ...в ознаменование благоволения моего к ревностному подвигу упомянутого общества, составившего добровольными приношениями знатный капитал на устройство и содержание училища, наименовать училище сие Александровским». Включив свое имя в название училища, Александр I по своему усмотрению определил и статус нового учебного заведения. Автономии, как того хотели нежинские греки, училище не получило. Признав за греческой общиной право на непосредственный надзор за своим детищем,

Александр I вместе с тем включил это училище в официальную систему народного образования, т. е. поставил под обязательный контроль учебных органов: «Училищу сему состоять в ведении губернского директора училищ и университета²⁸ на общих правилах... Надзор за училищем поручить по выбору от общества одному из почетнейших его членов с наименованием директором училища, который в управлении оным дает отчет, кроме училищного начальства, также греческому обществу». 3(15) ноября 1811 г. Александр I скрепил своей подписью еще два документа – рескрипт на имя бургомистра Нежинского греческого магистрата Степана Бубы и поручение малороссийскому генерал-губернатору Я.И. Лобанову-Ростовскому. За усердие, проявленное в деле организации в Нежине греческого училища, Степан Буба награждался орденом святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени²⁹. Малороссийскому же генерал-губернатору поручалось объявить нежинским грекам и всем другим лицам, участвовавшим в пожертвованиях в пользу греческого училища, царское «особенное благоволение»³⁰.

Нам неизвестна точная цифра общей суммы этих пожертвований на момент подписания указа об учреждении в Нежине греческого училища. 21 декабря 1811 г. (2 января 1812 г.) Главное правление училищ рассматривало предложение министра народного просвещения А.К. Разумовского о публикации всех трех царских документов, касающихся нежинского греческого училища, в издаваемом Академией наук «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения». В своем официальном письме, отосланном в Главное правление училищ еще 6(18) ноября, Разумовский назвал эту цифру. Он заявил, что «нежинское греческое общество, по предложению бургомистра тамошнего греческого магистрата Бубы, пожертвовало более восьмидесяти тысяч рублей на устройство и содержание из процентов в Нежине греческого училища»³¹. По всей видимости, эта цифра фигурировала и в его докладе Александру I о желании нежинских греков создать национальное учебное заведение. Но она явно не соответствовала действительности. Названная сумма была собрана значительно позже – через пять лет – накануне открытия училища. Совпадение же размера суммы, названной Разумовским в 1811 г., с тем, что было пожертвовано в конечном итоге, может свидетельствовать о следующем: министр указал сумму, которую нежинские греки обязались внести. В 1817 г., уже после открытия училища, она достигла 86 тыс. рублей ассигнациями и стала итоговой³². Имеющиеся в нашем распоряжении документы об этих пожертвованиях не позволяют назвать имена всех тех, кто давал деньги на создание в Нежине греческого училища. В остальных из них вместо имен записано – «от разных соотечественников»³³. Поэтому нам неизвестно, прислали ли деньги, например, К. Ипсиланти, А. Маврокордато, Э. Калерджи и И. Варвакис. Г. Калиархи пожертвовал 3 тыс. рублей ассигна-

циями³⁴, бургомистр Нежинского греческого магистрата Степан Буба, как и обещал, 10 тыс. рублей ассигнациями³⁵. Назовем еще некоторые из известных нам имен. Нежинские греки Георгий Горголи с сыном пожертвовали 3 тыс. рублей ассигнациями³⁶. Также нежинские греки: Дементий Асташов – 500 руб. ассигнациями³⁷, Павел Кобзарев – 50 руб. ассигнациями³⁸, Иван Николопуло – 1 тыс. рублей ассигнациями³⁹. Петербургский купец Полизо – 500 руб. ассигнациями⁴⁰. Согласно завещаниям в пользу греческого училища поступило 2 тыс. рублей ассигнациями от нежинского грека Христофора Бония и 100 руб. ассигнациями от жительницы Нежина, русской по происхождению, Гуляевой⁴¹.

1816 год явился завершающим в плане подготовки к открытию Александровского греческого училища. Перечислим наиболее важные подготовительные мероприятия того года. На одном из своих собраний нежинские греки избрали директора нового учебного заведения. Им стал один из богатых и авторитетных греческих купцов Нежина Иван Спиридонов⁴². Он был известен и своей деятельностью в качестве одного из попечителей греческого училища. Из биографии первого директора Александровского греческого училища за период до избрания его на эту должность удалось выяснить, что в Нежине он поселился не позднее 1800 г.⁴³, а в феврале 1816 г. ему было 53 года⁴⁴. Нежинские греки приняли решение ввести еще должность помощника директора училища. До января 1817 г., когда ее займет нежинский грек Иван Вафа, она оставалась вакантной. Эта должность, как и должность директора, была выборной и не оплачивалась. С позволения учебного начальства греческому магистрату было предоставлено право подбирать кандидатов на службу в должности учителей. Правда, отобранные из них, в отличие от директора училища и его помощника, впоследствии должны были утверждаться руководством учебного округа и при положительном результате значились на государственной службе. Задача поиска учителей оказалась нелегкой. Среди греческих жителей Нежина обладателей данной профессии не оказалось. Но и эту проблему в 1816 г. в конце концов решили. Греческий магистрат обратился к одному из преподавателей нежинского уездного училища Платону Рудановскому, известному в городе как «здешний житель... имеющий добрую нравственность и похвальное поведение»⁴⁵. Рудановский дал согласие на свой переход в новое учебное заведение и на преподавание в нем сразу нескольких предложенных ему учебных дисциплин: арифметики, русского языка, истории и географии. Он получил образование в Харьковском университете, откуда в 1812 г. был направлен на должность учителя Нежинского уездного училища⁴⁶. При поиске учителя немецкого языка организаторы греческого училища лучшей кандидатурой сочли жившего в Нежине дерптского уроженца Христиана Гантца. Гантц обладал документом на

право преподавания немецкого языка. Такое свидетельство ему в 1812 г. было выдано Московской губернской гимназией, где он на сей счет выдержал экзамен⁴⁷. Священнику Исаакию Черняховскому, служившему в городском магистрате «увещевателем колодников», было предложено занять должность учителя Закона Божия⁴⁸. Учителя ведущего предмета училища – греческого языка – решили пригласить из самой Греции. Но для осуществления задуманного требовалось специальное разрешение российского Министерства народного просвещения. Содействие основателям училища в получении такого разрешения в ведомстве министра А.К. Разумовского оказал давний покровитель нежинских греков генерал-губернатор Я.И. Лобанов-Ростовский⁴⁹. В 1816 г. учитель греческого языка был уже в Нежине. Им оказался Иван Сомов. О нем известно лишь то, что это был «природный грек» и что с ним условились о проведении занятий еще и по бухгалтерии⁵⁰. В 1816 г. были закончены строительные работы в училищном доме и в его комнатах расставили необходимую мебель⁵¹.

30 января (11 февраля) 1817 г. состоялось официальное открытие Александровского греческого училища. Открытие нового училища, созданного специально для греческих юношей в небогатом на учебные заведения городе, каким являлся уездный Нежин, стало большим событием культурной жизни. На торжественной церемонии, происходившей при огромном стечении местных жителей, присутствовали малороссийский генерал-губернатор Я.И. Лобанов-Ростовский, директор училищ Черниговской губернии М.Е. Марков, уездное начальство, нежинское духовенство, многие местные греки. К собравшимся с поздравлениями и напутственными речами обратились Лобанов-Ростовский, Марков, архимандрит Нежинского Благовещенского собора о. Виктор. Проникновенные слова о пользе образования произнесли директор Александровского греческого училища Спиридонов, учителя Сомов и Рудановский. Затем 36 зачисленных в училище учеников приступили к учебным занятиям⁵². К сожалению, их списки обнаружить не удалось. Даже если предположить, что все 36 учеников являлись греками, то и в этом случае можно считать, что в Александровском училище оказалась лишь весьма небольшая часть мужской греческой молодежи города. Греческие семьи традиционно были многодетными, а общее количество греков, проживавших в Нежине, по данным за 1816 г., составляло 838 человек⁵³. Столь небольшая численность учащихся в новом училище являлась одним из показателей далеко зашедшего процесса интеграции общины Нежина в местное городское общество. Не удалось также выявить списки учащихся Александровского греческого училища и за последующие несколько лет вплоть до 1821 г. Сохранилась «Ведомость, являющая учеников Александровского греческого нежинского училища... за 1-ю половину 1821 года», т.е. за второе

полугодие учебного года, закончившегося летом 1821 г.⁵⁴ В ней значатся имена учеников во всех трех классах, а также показано время зачисления каждого в указанный класс и сословное состояние его родителей. Из 51-го человека детьми нежинских греков указаны 38.

Александровское греческое училище в Нежине состояло из трех классов. Штат его учителей длительное время состоял из четырех человек. В 1837 г., когда при училище был открыт еще один класс – подготовительный на правах и по программе приходской школы, учителей стало пять человек. В Нежинском училище изучался лишь один предмет, имевший отношение к греческой культуре – греческий язык. За годы существования Александровского греческого училища в нем сменилось немало преподавателей-словесников. Среди них по уровню образованности и длительности срока службы в данном учебном заведении выделяется Христофор Иеропес. Должность «учителя еллиногреческого (древнегреческого. – Г.П.) языка» в Александровском греческом училище он занял 5(17) сентября 1821 г. В области греческой словесности Иеропес получил достаточно глубокие знания. Родился он в г. Трикала (Фессалия) в 1790 г. Сначала учился в местном Трикальском училище, затем – в Салоникском. В 1809 г. Иеропес поступает в одно из лучших греческих национальных учебных заведений той поры – в «Филологическую гимназию» Смирны. В гимназии он учился у известных в греческом мире ученых – профессоров братьев Константина и Стефана Экономосов и профессора Константина Кумаса и окончил ее по двум отделениям: филологическому и философскому. Как одного из лучших студентов его оставили в гимназии преподавателем греческого языка. В 1819 г. Христофор Иеропес переезжает в Триест, где также занимается преподавательской деятельностью. В следующем, 1820 г., он получает приглашение из Нежина занять должность учителя греческого языка в Александровском греческом училище⁵⁵. В начале 1821 г., уже будучи в Нежине, Иеропес решает навсегда остаться в России и принимает ее подданство⁵⁶. В Александровском греческом училище он прослужил ровно 20 лет. 5(17) сентября 1841 г. его переводят во 2-ю Киевскую гимназию на должность старшего учителя греческого языка⁵⁷. Отчеты Христофора Иеропеса о выполнении учебной программы, составленные им летом и зимой 1823 г., соответственно за второе полугодие одного закончившегося учебного года и первое полугодие начавшегося другого⁵⁸, позволяют утверждать, что на своих уроках он пытался использовать отводимое время не только для освоения учащимися грамматических правил изучаемого языка, но и для ознакомления их с героической историей греческого народа, литературой Греции, с ее культурой в целом. Под его руководством ученики переводили тексты с «еллинского (древнегреческого. – Г.П.) языка» на «простогреческий (новогреческий. – Г.П.) язык», обращаясь при

этом к произведениям древних авторов, среди которых были художественные, исторические и философские сочинения. Недостатка в такого рода литературе, а также в учебниках ученики не испытывали.

Александровское греческое училище имело свою библиотеку. Когда училище открылось, в ней насчитывалось 385 названий разного рода изданий, что составляло 708 томов⁵⁹. Эти книги были пожертвованы нежинскими греками из их домашних библиотек. Инициатор создания училища Степан Буба, кроме имевшихся у него книг, передал и различные учебные пособия, специально приобретенные им по этому случаю. Он пожертвовал библиотеке книги по истории Греции, по грамматике греческого языка, по греческой каллиграфии; географические карты; книги на немецком языке – сочинения И.-Ф. Шиллера и К.-М. Виланда. В общей сложности этот вклад Бубы состоял из 211 единиц⁶⁰. Более крупный дар библиотека училища получила лишь один раз – в 60-е годы XIX в., когда, согласно завещанию умершего нежинского грека Василия Антоновича, в ее фонды поступило 375 томов⁶¹. Кроме пожертвований, библиотека училища имела и другие источники приобретения книг. За счет училищных средств книги заказывались в специализированных магазинах крупных городов. Как правило, литература присылалась из книжного магазина Харьковского университета. С самого начала деятельности Александровского греческого училища у него установились тесные связи с этим магазином. Поступавшая в училищную библиотеку литература распределялась по трем ее фондам: в основной, или как его называли, в «неподвижную», или в «фундаментальную», библиотеку, в ученический и в фонд книг, предназначенных для продажи. В двух последних находилась только учебная литература. Фундаментальная библиотека состояла главным образом из научных трудов и художественных произведений древних, средневековых и современных авторов. Здесь были книги по богословию, философии, истории, словесности и среди них такие, которые могли составить гордость любой тогда именитой библиотеки. Это переплетенные кожей философские сочинения Платона (венецианские издания 1513 и 1517 гг.), медицинские труды Галена (1514 г.), поэмы Гомера (1541 г.), трагедии Софокла (1548 г.), сочинения Синесия – епископа Киринейского «Духовные подвиги Лоренца Скупони» (парижское издание 1512 г.) и «Экумения толкования на деяния святых апостолов и на апокалипсис» (веронское издание 1532 г.); комедии Аристофана (базельские издания 1547 г.), сочинение Стефана Византийского «О городах и народах» (1568 г.). Список подобных фолиантов, выпущенных первыми европейскими типографиями и хранившихся в Александровском греческом училище, можно было бы продолжить⁶². В 1841 г. количество названий различных изданий, составляющих фонды фундаментальной библиотеки, достигло 442 (1134 тома). Из них на русском языке было

244 наименования (379 т.), на греческом – 131 (483 т.), на немецком – 28 (206 т.), на итальянском языке – 18 (32 т.), на латыни – 21 название (34 т.)⁶³. В последующие годы фундаментальная библиотека Александровского греческого училища продолжала пополняться. Так, в 1867 г. она насчитывала уже 662 названия (1787 томов)⁶⁴, а в 1871 г. – 690 (1900 т.)⁶⁵, в 1908 г. – 736 названий (2384 т.)⁶⁶. Установить, в каких пропорциях находились книги в зависимости от различных отраслей знаний из-за отсутствия соответствующих статистических данных не представляется возможным. Имеются лишь общие сведения за 1832 г. На запрос директора училищ Черниговской губернии П.С. Левицкого о состоянии библиотеки в Александровском греческом училище директор этого учебного заведения Григорий Манцов 12(24) декабря 1832 г. отвечал: «Неподвижная библиотека онаго училища состоит из 1028 книг, по большей части на древнем греческом языке с латинским переводом, частью же на одном еллинском (древнегреческом. – Г.П.), итальянском, немецком и российском языках. Содержание книг сих вместе взятых многообразно; большая же часть из оных заключает в себе исторические сочинения по разным отраслям как церковной, так и политической истории...»⁶⁷ Мы не располагаем никакими сведениями о тематике учебной литературы, находившейся в ученическом фонде и в фонде книг, предназначенных для продажи. В ежегодных отчетах директора Александровского греческого училища на сей счет обычно ограничивались следующей фразой: «Училище имеет все нужные учебные пособия». Данные о количестве учебников, имевшихся в греческом училище, носят отрывочный характер. В 1841 г. для продажи имелось 20 учебных книг на сумму 10 руб. серебром. Все они были куплены⁶⁸. В 1895 г. в ученическом фонде библиотеки насчитывалось 378 названий различных изданий (429 томов)⁶⁹.

Любопытно отметить, что в Александровском греческом училище с 1827 г. проводились метеорологические наблюдения. Их осуществлял с помощью карт, барометра и термометра директор училища Иван Вафа⁷⁰. Тот самый, который при первом директоре Иване Спиридонове был его помощником. Три раза – в 1821, 1826 и 1829 гг. Иван Вафа избирался нежинскими греками на должность директора Александровского греческого училища. Среди греков Нежина он имел репутацию одного из самых образованных. Родился Иван Вафа в 1785 г. в г. Каларитес (Эпир). В Россию он прибыл в 1804 г. С этого времени жил в Москве, где в качестве вольноприходящего слушал лекции в Московском университете. В 1808 г. выехал в Лейпциг «для усовершенствования в коммерческих науках, эллиногреческом (древнегреческом. – Г.П.) и немецком языках». В 1810 г. Иван Вафа возвратился в Россию и поселился в Нежине, приняв в том же году российское подданство⁷¹. Итогом его метеорологических исследований в Александровском греческом учи-

лише были таблицы, которые он по мере составления пересылал в Училищный комитет Харьковского университета⁷².

Для Александровского греческого училища был характерен рост числа учащихся. Отчасти это объясняется созданием подготовительного класса. При увеличении общего количества учеников число детей греческого происхождения не росло, а, наоборот, уменьшалось. Так, в марте 1825 г. в училище насчитывалось 46 учеников, из них греков было 34⁷³; в январе 1841 г. здесь занималось 53 человека, из них греков – 20⁷⁴; в апреле 1852 г. всего было 85 учеников и лишь 18 из них являлись греками⁷⁵. В последующие годы количество учеников-греков в Александровском греческом училище продолжало снижаться. Многие обрусевшие нежинские греки отдавали своих детей в общегородские учебные заведения. Но были и другие причины снижения количества греческих детей в Александровском греческом училище. В Нежине наблюдался отток его греческих жителей. Уезжали вместе с семьями в иные места русского государства, где заниматься торговлей было выгоднее. При этом новые переселенцы сохраняли за собой все права и привилегии членов нежинского греческого общества. Показательны статистические данные о состоянии греческой общины Нежина и ее Александровского училища, приведенные в предписании Черниговского гражданского губернатора К.П. Шабельского, которое он отправил в Нежинский греческий магистрат 21 мая (2 июня) 1857 г.: «Директор лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии⁷⁶, основываясь на том, что в г. Нежине из 17 000 жителей считается греков 1621 обоего пола, а собственно живущих в Нежине только 188 мужчин и 186 женщин, и что в греческом нежинском училище из 64 воспитанников лишь девять так называемых греков, из которых почти ни один не понимает по-гречески, находит, что существующее в Нежине греческое училище было бы гораздо полезнее обратить в женское учебное заведение, так как обучающиеся ныне в оном училище могут беспрепятственно поступать в Нежинскую гимназию или в уездное училище. Получив об этом отзыв попечителя Киевского учебного округа, я предварительно выражения своего мнения о пользе обращения греческого нежинского училища в такое женское, предписываю греческому магистрату донести мне – согласно ли на подобное обращение нежинское общество греков?»⁷⁷. Из Нежинского греческого магистрата 28 июня (10 июля) 1857 г. ответили, что поскольку «...главные пожертвователи на устройство и содержание в г. Нежине Александровского греческого училища капитала нежинские греки и их наследники в настоящее время преимущественно находятся в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе и Кишиневе», то греческий магистрат, сняв копии с полученного предписания, ознакомит с ним живущих там нежинских греков⁷⁸. Вскоре на посланные в перечисленные города запросы в Нежин пришли от-

веты. Все они были отрицательными⁷⁹. Кроме того, в самом Нежине состоялось собрание местных греков, также выразившее несогласие с предлагавшимся преобразованием Александровского греческого училища. Училище, считали нежинские греки, не может быть преобразовано, так как создано оно по указу Александра I, давшего и название этому учебному заведению. Важным обстоятельством в пользу сохранения греческого училища, по мнению нежинских греков, было и то, что оно «содержится единственно с процентов капитала, пожертвованного лицами, принадлежавшими нашему обществу...»⁸⁰. Училище тогда осталось за греческой общиной Нежина. Однако в связи с абсолютным меньшинством учащихся-греков преподавание в нем греческого языка как обязательного предмета становилось нецелесообразным. В 1868 г. греческий язык из учебной программы был изъят. Для тех из учеников-греков, которые пожелали продолжить изучение данного предмета, такая возможность была предоставлена. С ними отдельно занимался псаломщик греческих церквей Нежина Александр Флоров⁸¹. Но эти занятия продолжались лишь до 1872 г. Когда в 1872 г. Нежинский греческий магистрат был упразднен, училище полностью перешло под контроль учебного начальства, местных и губернских властей. Денежные же суммы, – проценты с того капитала, который когда-то был пожертвован на основание Александровского греческого училища, – продолжали поступать. Они шли на оплату труда учителей и другие нужды этого учебного заведения.

Постепенное, длившееся в течение десятилетий, размывание греческой общины Нежина привело к тому, что, сохранив в своем названии слово «греческое», училище практически окончательно утратило свой национальный характер. В августе 1904 г., к началу очередного учебного года, в Александровском греческом училище значилось 227 учащихся. Греков среди них было уже всего трое⁸². Но закрытие училища обусловили иные обстоятельства. В ноябре 1919 г., в результате прихода к власти в Нежине большевиков, в здании Александровского греческого училища разместилась советская школа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такова была судьба и других аналогичных балканских национально-просветительных движений.

² Общую характеристику новогреческого просвещения в России см.: *Ари Г.Л.* Новогреческое Просвещение в России (К постановке проблемы) // Балканские исследования. М., 1984. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. С. 304–313.

³ *Camariano-Cioran A.* Les Académies princières de Bucarest et de Jassy et leurs professeurs. Thessaloniki, 1974; *Καραθανάσης Α.* Φλαγγένιος σχολή

της Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975; *Арш Г.Л.* Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. Из истории новогреческого Просвещения // Балканские исследования. М., 1987. Вып. 10: Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. С. 31–62.

⁴ Об учебном заведении иного типа – пансионате «Атенеум» для греческих юношей в Мюнхене см.: *Γρισερ. Γόρω από τη διαμόρφωση του νεοελληνικού κράτους.* [χ.т.], [χ.χ.] Σ.42–44.

⁵ О греческой общине Нежина см.: *Сторожевский Н.К.* Нежинские греки. Киев, 1863; *Плохинский М.М.* Иноземцы в старой Малороссии // Труды двенадцатого археологического съезда. М., 1905. Т. 2. С. 175–367; *Харлампович К.* Нариси з історії грецької колонії в Ніжені XVII–XVIII ст. // Записки історично-філологічного відділу (Всеукраїнська Академія наук). Київ, 1929. Кн. 24. С. 109–205.

⁶ *Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851. С. 474–475.

⁷ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Жизнь Николая Николаевича Бантыш-Каменского. М., 1818. С. 7.

⁸ *Федотов-Чеховской А.А.* Акты Греческого нежинского братства. Киев, 1884. С. 78–79.

⁹ Подробнее см.: *Эймонтова Р.Г.* Просвещение в России первой половины XIX в. // Вопросы истории. 1986. № 10. С. 78–93.

¹⁰ Государственный архив Черниговской области (далее – ГАЧО). Ф. 229. Оп. 1. Д. 1. Л. 37об.

¹¹ Там же. Л. 278об.

¹² Пансион Филибера появился не ранее 1805 г., так как в приложении к рапорту директора училищ Черниговской губернии М.Е. Маркова попечителю Харьковского учебного округа С.О. Потоцкому от 26 июля (7 августа) 1805 г. в разделе частных пансионеров в Нежине значится лишь один – принадлежащий Иосифу Кампиони. См.: ГАЧО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2. Л. 147об.

¹³ Подробнее см.: *Арш Г.Л.* Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. 1969. № 3. С. 85–95.

¹⁴ См.: *Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII – первой трети XIX в. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 33–60.

¹⁵ *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 150–151; *Сторожевский Н.К.* Указ. соч. С. 16–17.

¹⁶ ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1143. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3–3об.

¹⁸ Там же. Д. 1385. Т. 1. Л. 133об.–134. Вместе с ним в этом документе значатся также находившиеся в Нежине «братья его Иван Кириллов Буба 42 (лет. – Г.П.), Анастасий Кириллов Буба 40, племянники его Иван Анастасиев Жука 24, Кириак Анастасиев Жука 23, Кирилл Федоров Манарий 22, Ивана Кириллова Бубы жена Мария... 17 (лет)». Сам Буба, видимо, был холост.

¹⁹ Ερμής ο Λόγιος. 1819. N 18. Σ. 750.

²⁰ Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (далее – ЦГИА Украины). Ф. 2162. Оп. 1. Д. 115. Л. 11–16об.

²¹ Дом этот, построенный в 1785 г. для размещения в нем греческого административного органа, сохранился. Он расположен по адресу: ул. Гребенки, 21. Его описание и фотографическое изображение см.: Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР (Иллюстрированный справочник-каталог). В 4-х т. Киев, 1986. Т. 4. Сумская область; Тернопольская область; Харьковская область; Черкасская область; Черниговская область; Черновицкая область. С. 283–284.

²² ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 648. Л. 98, 100об.; Д. 653. Л. 7.

²³ См.: Там же. Д. 649. Л. 69–72об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 97–97об.

²⁶ Там же. Д. 3211. Л. 3–6.

²⁷ Его полный текст см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24847; Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1812. № XXXII. С. 260–261.

²⁸ Речь шла о директоре училищ Черниговской губернии и стоящем над ним училищном комитете Харьковского университета. Университет, в свою очередь, был подведомствен попечителю Харьковского учебного округа. В 1832 г. был образован Киевский учебный округ, и учебные заведения Черниговской губернии, в том числе и Нежина, оказались в его составе.

²⁹ Периодическое сочинение... № XXXII. С. 262.

³⁰ Там же. С. 261–262.

³¹ Российский государственный исторический архив (б. ЦГИА СССР, далее – РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Д. 10. Л. 279.

³² Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 214. Л. 7об. – «Статистические сведения за греческое нежинское училище» (приложение к письму директора Александровского греческого училища К. Попова директору Лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии Е.П. Стеблину-Каминскому от 15(27) января 1860 г. на запрос последнего). 5% с 86 тыс. рублей ассигнациями, вложенных в сохранную казну Московского императорского воспитательного дома, составляли 4.300 руб. ассигнациями. Эти деньги Александр

ровское греческое училище получало ежегодно на протяжении всего периода своего существования.

³³ Там же. Л. 6об.

³⁴ ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 682. Л. 3.

³⁵ Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 247. Л. 6.

³⁶ ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 662. Л. 5б.

³⁷ Там же. Д. 659. Л. 21об.

³⁸ Там же. Д. 675. Л. 42.

³⁹ Там же. Д. 665. Л. 43.

⁴⁰ Там же. Д. 649. Л. 105.

⁴¹ Там же. Д. 475. Л. 22.

⁴² См.: ЦГИА Украины. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 775. Л. 9–10об.

⁴³ См.: ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1180. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Д. 1385. Т. 1. Л. 62–63.

⁴⁵ ЦГИА Украины. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 775. Л. 9об.

⁴⁶ Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1. Л. 82–83.

⁴⁷ ЦГИА Украины. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 775. Л. 9.

⁴⁸ Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 2. Л. 119об.–120.

⁴⁹ См.: ЦГИА Украины. Ф. 707. Оп. 1. Д. 196. Л. 46об.

⁵⁰ Там же. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 775. Л. 9.

⁵¹ Дом этот сохранился. По справочному изданию за 1990 г. он имеет следующие координаты: ул. Гребенки, 24. В нем находится цех Нежинской швейной фабрики (См.: Чернігівщина: Енциклопедичний довідник. Київ, 1990. С. 197).

⁵² См.: РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 152. Л. 229–231. Текст церемониала открытия Александровского греческого училища (приложение к письму, посланному 5(17) октября 1817 г. из Главного правления училищ Министерства народного просвещения в Комитет правления императорской Академии наук). В письме предлагалось опубликовать данный текст церемониала в издаваемых Академией наук «Санкт-Петербургских ведомостях».

⁵³ См.: ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 689. Л. 50.

⁵⁴ Филиал ГАЧО в Нежине. Оп. 1. Д. 391. Л. 1об.–6.

⁵⁵ Там же. Д. 8. Л. 21об.–23.

⁵⁶ См.: ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1538. Л. 1.

⁵⁷ Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 30. Л. 55.

⁵⁸ Там же. Д. 1. Л. 60–62об., 78–81.

⁵⁹ См.: Там же. Д. 165. Л. 12.

⁶⁰ Там же. Д. 3. Л. 185.

⁶¹ Там же. Д. 302. Л. 16.

⁶² См.: Институт рукописи Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Ф. 127. № 257. Л. 1–10об. «Список книг библиотеки Александровского греческого училища в г. Нежине». Дата его составления неизвестна. Автор также не указан. В «списке» значатся 286 названий различных изданий. Самое позднее из них относится к 1834 г. Следовательно, «список» составлен не ранее этого времени. «Список» неполный (сравним: в 1817 г., как уже отмечалось, в библиотеке было 385 названий различных изданий).

⁶³ Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 12. Л. 5об.

⁶⁴ Там же. Д. 287. Л. 3об.

⁶⁵ Там же. Д. 311. Л. 38об.

⁶⁶ Там же. Д. 336. Л. 39об.

⁶⁷ Там же. Д. 4. Л. 183.

⁶⁸ Там же. Д. 12. Л. 7.

⁶⁹ Там же. Д. 313. Л. 186.

⁷⁰ Там же. Д. 3. Л. 91об.

⁷¹ Там же. Л. 110.

⁷² Проводились ли подобные научные изыскания в Александровском греческом училище после ухода в 1831 г. с должности его директора И. Вафы, нам неизвестно.

⁷³ Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

⁷⁴ Там же. Д. 15. Л. 4.

⁷⁵ Там же. Д. 133. Л. 16.

⁷⁶ Еще в 1820 г. в Нежине появилось новое учебное заведение – Гимназия высших наук князя Безбородко. В 1833 г. она была преобразована в одноименный лицей. В 1840 г. как подготовительное отделение при этом лицее создается гимназия. Директором Лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии в 1856–1866 гг. являлся Е.П. Стеблин-Каминский. См.: Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 27, 118, 212.

⁷⁷ ГАЧО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4124. Л. 5–5об.

⁷⁸ Там же. Л. 13.

⁷⁹ Там же. Л. 22, 24, 47.

⁸⁰ Там же. Л. 18–18об.

⁸¹ Там же. Д. 3400. Л. 32, 78.

⁸² Филиал ГАЧО в Нежине. Ф. 220. Оп. 1. Д. 349. Л. 93.

Ольга Александропулос
(Греция)

РУССКИЕ СЮЖЕТЫ НА СТРАНИЦАХ ГРЕЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ XIX ВЕКА

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Изучение греческих литературных журналов XIX в. предоставляет богатый материал для нескольких направлений в современных исследованиях греко-русской тематики. Вполне закономерно, что один из основных циклов составляют материалы по греческой диаспоре в России. Благодаря одной из текущих библиографических программ Центра новогреческих исследований (Национальный фонд научных исследований, Афины) в скором времени появится сравнительно полная их опись¹.

Обширное тематическое единство составляют материалы, воскрешающие эпизоды русско-греческих взаимоотношений, а также отдельные страницы русской истории. Мощным стимулом к их публикации послужило издание «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в середине XIX в. И факт ее перевода в Греции, и широкий резонанс, который она получила в прессе, связаны с известным взлетом греческой историографии в условиях молодого государства, переживавшего интенсивный процесс национального самопознания, стремившегося восстановить разорванную связь времен².

Немалое, как теперь выясняется, место уделяли греческие журналы и русской литературе. Картотека семинара «Русская литература в Греции», который функционирует в Янинском университете, констатирует факт значительного и неуклонно расширявшегося присутствия русских авторов, начиная с середины XIX в.³

Заметную роль в укреплении этой тенденции играет стремительный рост интереса к русской литературе в культурной жизни Западной Европы. Некоторые из обнаруженных публикаций явно опираются на западные источники, для других интерес Запада к России послужил стимулом. Не случайно обращение к русской теме в греческой критике нередко сопровождается горьким признанием, что в то время как изумленная Европа уже давно сосредоточила свое внимание на русской литературной жизни, в греческом ми-

ре, «за исключением мудрой истории Карамзина и некоторых богословских трактатов, ничего почти не сделано для ознакомления с чрезвычайно интересной русской литературой». Цитируемая оценка принадлежит Стефаносу Каратеодорису. Его доклад, зачитанный на 284 заседании Греческого филологического общества в Константинополе и опубликованный в журнале общества в 1871 г., следует охарактеризовать как первую краткую историю русской литературы на греческом языке. У него же впервые прозвучало уже ставшее известным яркое определение: «Китайская стена и поныне отделяет от нас мир, изучение которого нам, пожалуй, предписано от природы»⁴.

Впрочем, и вне сопоставления с успехами западноевропейских «коллег» встречаются весьма резкие суждения о неосведомленности греков относительно российской культурной жизни. Ссылка на этот печальный факт практически является неперменным зачином литературных и литературоведческих публикаций вплоть до конца XIX в. Показательно свидетельство (правда, не из сферы периодических изданий), весьма красочно выражающее все ту же мысль и непосредственно примыкающее к греческой журнальной пушкиниане. Речь идет о предисловии к сборнику поэм Пушкина в переводе Хараламбоса Вулодимоса (Одесса, 1888), построенном на контрастном сопоставлении двух явлений. С сердечной похвалой говорит Вулодимос о любознательности как о качестве, по его мнению, бесспорно отличающем греков и принесшем блестящие плоды, в частности, помогая греческому читателю увидеть «энергетические пружины» творения муз и наук основных европейских наций. В этой картине новейшего мира Вулодимос констатирует полное отсутствие русской нации, несмотря на то, что она занимает огромную территорию с многомиллионным населением и имеет оригинальную культуру, к тому же многообразно связанную с греческой.

Парадоксальную позицию своих соотечественников автор определяет как систематическое уклонение от богатой литературы русской нации – не только со стороны тех греков, кому не довелось вступить с ней в прямой контакт, но и тех, которые, следуя различными путями, обосновались и дожили до седин в этом безграничном государстве. Обращаясь далее к своему непосредственному предмету, литературному переводу, Вулодимос уточняет, что помимо других причин этого удивительного равнодушия (не делающего чести греческой любознательности) серьезным препятствием является сложный русский язык; вследствие этого некоторые из немногочисленных в целом попыток ознакомить греческого читателя с русской литературой опираются не на оригинал, а на промежуточный перевод⁵.

Комментируя этот фрагмент, можно также отметить (как побочное объяснение описываемой в нем действительности) значительную разобщенность пишущих, отсутствие более или менее полного представления о том,

что было написано и опубликовано в многочисленных журналах, выходивших к тому же в разных, весьма отдаленных друг от друга культурных центрах (Афины, Константинополь, Париж, Лейпциг и т. д.). Нет достаточных оснований сомневаться в том, что во многих случаях обращение к русскому сюжету сопровождается вполне добросовестным заблуждением, будто затрагиваемая тема никем ранее не разрабатывалась.

Эта особенность приобретает еще больший масштаб в последующие десятилетия. Многие из публикаций, не запечатлеваясь в некоей общей культурной памяти, «забываются», и таким образом «открытие» греками многообразных явлений русской культурной жизни приурочивается к значительно более поздним периодам – возможно, и потому, что, несмотря на усилия греческих ученых и литераторов XIX в., явления эти продолжают находиться на периферии общих интересов, целеустремленно обращенных к Западу.

Признание русской литературы на Западе явно стимулировало аналогичный возрастающий интерес со стороны греческих литературных изданий, и, соответственно, основная масса публикаций пришлась на последние десятилетия XIX в. При этом, учитывая общеизвестный факт, что в хронологии (отличной от реальной исторической последовательности) ознакомления Европы с русской литературой Пушкин занимает особое место и долгое время облечен магией одного только имени, следует признать, что в греческом мире дела обстоят несколько иначе.

К Пушкину в Греции обращаются сравнительно рано. Данные последних изысканий позволяют не только дополнить, но и хронологически раздвинуть пушкинскую библиографию, составленную Ласкарисом как приложение к публикации «Пушкин и греческая революция» в журнале «Неа Эстиа»⁶. Самой ранней работой, касающейся Пушкина, является в этом списке упомянутая статья Каратеодориса; что касается доступных на греческом языке сочинений Пушкина, на первом по хронологии месте стоит «Капитанская дочка» в переводе Н.Г. Политиса, опубликованная в 1883 г. в журнале «Эстиа». Целью настоящей статьи является выявление сведений, существенно уточняющих это представление о греческой пушкиниане.

Применение громкого термина «пушкиниана» было бы, пожалуй, не вполне корректным без некоторых уточнений относительно специфики занимающего нас явления. В соответствии с духом времени часть обнаруженных на сей день текстов обращена к рядовому, а не к ученому читателю, имеет общепросветительский характер, некоторые из них прямо сопряжены с понятием «любопытный» и находятся в русле душеполезного, занимательного чтения.

Интересно, что первая из зарегистрированных публикаций – не перевод и не критический очерк, а рассказ «Русский писатель Пушкин» в сборнике Иоанниса Делиянниса⁷. Рассказ открывается общим замечанием о том,

что блистательные таланты могут появиться даже в самых неблагоприятных условиях и снискать общественное признание там, где просвещение в целом не процветает. Такова, по мнению автора, российская ситуация, обусловленная пестротой национального состава и, особенно, многоязычием, затрудняющим движение прогресса. Вполне красноречиво сравнение с греческим государством – только что народившимся, но сформированным на основе единого языка, нравов и обычаев, а потому и преуспевшим в просвещении более, чем обширное и великовозрастное российское государство. В этом контексте образ Пушкина выступает иллюстрацией изначальной мысли – он тот гений, который возник в России, стал самым прославленным ее писателем и безвременно погиб, ввергнув все общество в глубокую печаль. Драматические события, предшествовавшие дуэли Пушкина, и составляют сюжет этого этюда, исполненного в традиции греческой романтической прозы первой половины XIX в.⁸ Примечательно, что роль родоначальника русской литературы и современного русского языка, отводимая Пушкину, несет в рассказе совершенно особую беллетристическую нагрузку, эмоционально оттеня трагическую развязку его жизни и по сути дела оформляя необходимые декорации для вариации на тему «исключительная личность» в ее романтической интерпретации.

Беллетристический интерес, потребность в издании занимательных и нравоучительных текстов, предназначенных для семейного чтения, предопределили на первых порах и выбор, и характер подачи материала. Знаменательно, что даже серьезный литературный журнал «Пандора» опубликовал в 1850 г. повесть «Метель» Пушкина без указания автора, а как «русский рассказ «Снежная буря»», с усечением эпиграфа и некоторых деталей повествования⁹. Что касается дальнейшей судьбы «Метели» в греческой прессе, она сложилась вполне благополучно и, кроме двух известных Ласкарису переводов, обнаружен еще один, более ранний, выполненный Агафоклисом Константиноидисом и опубликованный в журнале «Эвдомас» в 1891 г. О методе «абстрагирования» от автора и преподнесения публике безымянных экзотических рассказов следует сказать, что он использовался довольно широко. Очевидно, что в этих случаях доминировал поиск увлекательных историй, а не сознательное стремление к знакомству с иноязычной литературой, что отразилось и на греческой пушкиниане.

Наибольший интерес вызывают опыты представления творчества Пушкина в контексте исторического развития русской литературы. В первом греческом очерке «Русская филология», увидевшем свет в журнале «Апотики тон офелимон кэ терпнион гносеон» («Αποθήκη των ωφέλιμων και τερπνών υψώσεων») в октябре 1847 г.¹⁰, внимание направлено преимущественно на «эпоху младенчества» русской литературы. Изложение останавливается на

пороге XIX в., и Пушкин лишь бегло упоминается с однословной характеристикой «сатирик», вместе с «баснописцем Крыловым, филологом Гнедичем, знаменитым историографом Карамзиным, очистившим русский язык от иностранных слов и выражений» и др. В заключение автор¹¹ поясняет, что предложенный краткий очерк служит предисловием к серии переводов с русского – басен, од и произведений других литературных жанров; все это позволит читателю составить хотя бы малое представление о богатстве литературной жизни русской нации, о которой, как он подчеркивает, даже у многих ученых до сих пор сохраняется крайне бедное и ошибочное представление.

Среди произведений, которые он предложил, господствуют басни Крылова, в чем нельзя не усмотреть отклика на общее нравоучительное настроение греческой прессы того времени. Единственное исключение – «История финского пастуха и жестокой Нанны. Эпизод из поэмы Пушкина о Руслане и Людмиле»¹². Заключительная часть первой песни, рассказ финна, публикуется с кратким и скупым на оценки предисловием, трактуемом преимущественно о контексте выбранного фрагмента. О Пушкине сказано, что ему принадлежат различные оды, гимны, сатиры и другие стихотворения, среди которых героическая поэма «Руслан и Людмила» выделяется прелестью вымысла, увлекательными описаниями и другими художественными совершенствами. Любопытно, что, если в переводе басен автор не без успеха пытается передать художественную ткань текста, то в данном случае он избирает неприятный путь прозаического переложения, лишь сообщив читателю, что поэма написана в легком игровом стиле.

Серьезное обращение к творчеству Пушкина, определение его места в процессе развития русской литературы намечается в уже гораздо более развернутых очерках в журналах «Эвтерпи» («Ευτέρπη»), «Хрисалис» («Χρυσάλλις»), «Аттико Имерологио» («Αττικό Ημερολόγιο») и т. д.

Первый из них, изданный в журнале «Эвтерпи» в 1851 г. с инициалами П.И. и указанием «с французского», заслуживает особого внимания¹³. Угол зрения определен в названии: «О русской филологии. Пушкин, Лермонтов, Гоголь». В списке греческой журнальной пушкинианы это первый филологический этюд, представляющий Пушкина в контексте предшествующего культурного процесса и в соотношении с двумя последующими знаменитыми писателями России. В развернутом введении внимание сосредоточено преимущественно на эволюции языкового вопроса, отмечается роль реформ Петра I, Ломоносова, а также Карамзина, Жуковского, Державина, Крылова и Грибоедова; при этом роль основателя подлинной русской литературы отводится Пушкину, Лермонтов характеризуется как истинно великий поэт, а самая высокая оценка дается творчеству Гоголя, первого совершенно оригинального русского писателя, осуществившего решительную революцию в

литературе. Некоторые суждения автора едва ли можно признать удачными¹⁴, тем не менее важно упомянуть, что в контексте публикаций о русской классической литературе это первый очерк, содержащий ряд метких наблюдений о трех писателях, написанный квалифицированно и (хотя не принадлежит греческому автору) введенный стараниями переводчика в греческий литературный обиход.

Опубликованный на страницах авторитетного и популярного издания, он, надо думать, оставил свой след – но только не в греческой пушкиниане, где, как уже говорилось, наблюдается удивительная разрозненность усилий. Перелистывая ее страницы, почти никогда не встретишь диалогическую ситуацию, за одним, пожалуй, серьезным исключением – вопроса о филлелинизме Пушкина, который возник несколько позже.

Так, неудивительно, что хронологически следующая статья «Александр Пушкин», принадлежащая Эпаминондасу Стаматиадису¹⁵ и не лишенная собственных достоинств, развернута на принципиально ином уровне наблюдения. По известным к настоящему времени данным, здесь впервые представлена общая биографическая схема со вставными краткими характеристиками основных произведений. Автору, как видно, наиболее любезна поэма «Руслан и Людмила», определяемая им как серьезный рубеж в творчестве поэта, а также как причина его южной ссылки. О других сочинениях обычно упоминается лишь вскользь: более подробна информация о южных поэмах, а, например, о «Евгении Онегине» сказано, что это поэма, имеющая определенное сходство с «Дон Жуаном» Байрона и тяготеющая к некоторой монотонности, в то время как публикация в «Эвтерпи», отмечая влияние Байрона в наиболее известных Европе первых поэмах Пушкина, особо выделяла менее известного «Онегина» и характеризовала пушкинский роман в стихах как истинно русский шедевр. Неровен и биографический подход: например, при том, что личной жизни поэта Стаматиадис намеренно не уделяет особого внимания, пожалуй, несколько неожиданно звучит акцент на смерти Дельвига как важной вехе в жизни Пушкина.

Следующий автор, уже упоминавшийся Каратеодорис, также не знает своих предшественников, за исключением автора «Апотики» («Αποτίκη»)¹⁶. Свой доклад он составил, видимо, сразу по возвращении из Петербурга (где находился на службе в турецком посольстве) и очевидно, что, помимо цитируемых французских источников, сам факт пребывания в российской столице немало содействовал более подробному ознакомлению автора с русской литературой. Пушкину в нарисованной панораме отводится почетное место национального и народного поэта. Впервые затрагиваются такие темы, как связь Пушкина с декабристами (по словам автора – с движением 1825 года), отношения Пушкина с цензурой и его личным цензором

Николаем I; впервые упоминается распространенное суждение о Пушкине как «беспечном поэте», недруге длительных и тяжелых трудов, которое решительно опровергается указанием на его научные историографические работы¹⁷. Характеристика произведений значительно развернута – или как подробнейшее описание сюжета («Полтава»), или как оценка в контексте русского литературного и социального процесса («Евгений Онегин»). Что касается последнего произведения, то, кроме выражения (напоминающего известное суждение Белинского), что «Онегин» явился правдивым зеркалом русской жизни, любопытно замечание о том, что, как и в других произведениях последнего периода, автор не приводит сюжет к приятной развязке. Впрочем, как поясняет Каратеодорис, это вполне понятно: «Евгений Онегин» представляет собой горькую сатиру на воспитанное под иностранным влиянием русское общество, и поскольку Пушкин прекрасно понимал, что из этого ничего хорошего не произойдет, а предсказать, когда и каким образом Россия преодолет свою зависимость, он не мог, то, естественно, предпочел молчание.

Очерк пушкинского творчества, местами беспрецедентно подробный, все же не завершен, особенно ощутимо торопливое, расплывчатое упоминание о последнем периоде и слабое представление о лирике Пушкина. Следует выделить, что на всем протяжении интересующего нас отрывка творческий путь поэта соотнесен с тем, что сам Пушкин называл национальным «самостоянием», и с народными традициями, в которых, по определению автора доклада, Пушкин видел единственный источник истинной поэзии. Каково бы ни было мнение о Пушкине, заключает Каратеодорис, вклад его не только в развитие филологии и поэзии этой нации, но и в нравственное и социальное ее преобразование был велик.

Исходя из взгляда Белинского на Пушкина как на народного поэта, именно темой народности в его творчестве начинает свой очерк Константинос Палеологос¹⁸. По его мнению, творческое наследие поэта продолжает быть для греков *terra incognita*, в то время как для них собственно Пушкин являет собой особо ценный пример не только редкого (для России того времени) свободолюбия, но и явственного филэллинизма. Последнее и составляет предмет очерка, опубликованного в журнале «Парнасос» («*Παρνασσός*») в феврале 1879 г. под названием «Русский поэт Пушкин как филэллин рассматриваемый». Филэллинизм Пушкина продемонстрирован на ряде примеров – отрывков из дневника и произведений Пушкина. Так на периферии опытов по ознакомлению греческого читателя с Пушкиным¹⁹ возникает тема, которая затем привлечет особое внимание и создаст ту единственную, по сути дела, диалогическую ситуацию, которую можно усмотреть в греческой пушкиниане.

Последующие публикации, несомненно, должны быть отнесены к особой категории. Все они появились после торжеств по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 г. – события, как правило, упоминаемого в зарегистрированных греческих текстах. Один из первых откликов, в журнале «Эстиа», рекомендовал Пушкина как национального поэта России и страстного филэллина, однако в другой статье в этом издании (перевод с французского) речь шла не столько о творчестве Пушкина, сколько о его судьбе, и с особенным вниманием прослеживалась коварная и пагубная роль высшего петербургского света в истории дуэли²⁰.

В других журналах получает развитие греческая тема. Журнал «Аполлон» («Απόλλων») в 1884 г., после краткого введения о жизненном пути поэта помещает, без комментариев, более обширный фрагмент из пушкинского кишиневского дневника в переводе А.Н. Сворноса²¹. В 1887 г. (тогда, как известно, отмечалось 50-летие со дня смерти Пушкина) на страницах журнала «Эвдомас» появляется сперва отрывок из знаменитого письма Каподистрии, незадолго до того опубликованного в «Русской Старине»²², а затем две одноименные публикации, в первой из которых автор (инициалы И.Г.Фл.) на основе известных уже фрагментов превозносит филэллинизм Пушкина, а во второй (автор под инициалами К.К.) яростно опровергается это заключение. Здесь, видимо, впервые в греческой прессе, представлены совершенно иного характера одесские суждения Пушкина о греках²³.

Так возникают две противоположные точки зрения на вопрос об отношении Пушкина к греческому освободительному движению. К этой теме, равно как и к отношениям между Пушкиным и Каподистрией, кроме упомянутых авторов и Ласкариса (по случаю следующего, уже столетнего, юбилея), обратились и новейшие исследователи, так что дальнейшее ее обсуждение не представляется необходимым. Отметим одну только деталь, отчасти отвечая на гневные реплики второго автора о маниакальном и самоуничижительном разыскивании греками всевозможных филэллинов, в то время как «европейцы в течение ряда лет изучали нас со всех сторон, как если бы мы были зулу или полинезийцы, и, что печально, – до сих пор еще не пришли к какому-либо заключению о зачислении нас в категорию, промежуточную между гориллами и орангутангами».

Относительно греческой пушкинианы с уверенностью можно утверждать, что стимулом ее было совершенно бескорыстное обращение к русскому автору, не преследующее лестные для эллинизма впечатления и поначалу направляемое характерным для того времени поиском занимательного чтения, а затем сознательным стремлением познакомить читателя с родоначальником русской литературы.

Завершая обзор статей, посвященных Пушкину, остановимся на двух работах Теодороса Веллянитиса. В своем очерке «Александр Пушкин» в «Аттико Имерологио» он превозносит поэта как первого борца против российского крепостничества²⁴. Социальный подход, различимый и в публикации Каратеодориса, получает здесь более явственное выражение: идея народа, его освобождения и просвещения, выдвигается как одна из ведущих тем. Кроме того, текст Веллянитиса обогатил страницы греческой пушкинианы рядом новых деталей. В характеристике произведений наибольшее внимание уделяется им «Борису Годунову» как одному из прекраснейших сочинений русской литературы и «первому счастливому плоду национальной драмы»; освещаются исторические события, положенные в основу сюжета, с особым вниманием анализируется психологический рисунок персонажей. Впервые в очерке Веллянитиса появляется (в известном своем амплуа) образ Арины Родионовны, а также развернутое описание сцены экзамена в Царскосельском лицее; биографические эпизоды перемежаются с идиллическими картинами, рисующими, например, любовь поэта к природе. Будучи не столько критиком, сколько писателем, Веллянитис предлагает беллетристическое, яркое и не всегда точное описание.

Например, не может не вызвать улыбку заверение, что «Песнь о вещем Олеге» породила разнообразные мысли, несомненно, содействовавшие брожению идей в канун «петербургской революции 1825 г.»: так Пушкин одной своей песнью потряс основы российской аристократии и сподвигнул толпы к движению, подготавливавшему осуществление «великого события нашего века, освобождения 30 миллионов крепостных». Чрезвычайно свободно и построение развязки с высвечиванием пророческих автобиографических мотивов в сцене гибели Ленского на дуэли.

В ином ракурсе развернута другая статья того же автора – в журнале «Парнасос» («Παρνασσός») в феврале 1889 г. – под названием «Современная русская филология»²⁵. В ней внимание акцентируется на равнодушии греков к России и российской литературе: «Дух нашего народа засоряется обломками европейской филологии, а сочинения или даже имена поистине великих писателей нашего времени по-прежнему нам неизвестны, и я уверен, что для подавляющего большинства само существование русской филологии равносильно мифу».

В этом втором тексте Веллянитиса отметим любопытный сдвиг. Если прежде критерием оценки русской культуры была степень ее европеизации и только после этого национализации культурных ценностей европейского уровня, то Веллянитис явственно отстраняется от этой схемы, подчеркивает молодость русской литературы, не воспринявшей всерьез волны классицизма и романтизма и последовавшей по своему естественному пути, ко-

торый привел ее к натуральной школе, в то время как в литературе, да и в общественной жизни Запада, все еще господствует романтизм. Бегло изложив историю литературы до Грибоедова и Пушкина, автор отмечает, что писатели этого периода не имеют иных заслуг, кроме усилий по совершенствованию русского литературного языка, остававшегося, впрочем, мертвым, вплоть до Пушкина. Непосредственному обращению к пушкинскому периоду предшествует еще одна диахроническая картина, демонстрирующая всевозможные гонения и ссылки и включающая судьбы Бакунина, Герцена и Достоевского. Из этого выводится вторая посылка – о социальном характере русской литературы.

По убеждению автора, секрет общенародной любви к Пушкину следует искать не только на страницах десяти больших томов его сочинений, представляющих фотографическую картину русской жизни, но и в его жизненном пути политического борца (прежде всего, за освобождение народа), а также в самом русском языке, им созданном. Реальная последовательность творчества Пушкина в этом страстном рассуждении явно смещена: «Борис Годунов» отнесен чуть ли не к последнему периоду творчества, куда присовокупляется уже знакомая схема трагической смерти, как будто бы заранее предугаданной в «Евгении Онегине».

Точность явно уступает место пафосу Веллянитиса, но интересно, что на этот раз пафос прославления истинно национального русского поэта в какой-то момент обрушивается на греческую действительность, где на роль национальных поэтов претендуют несколько пишущих, однако никто не в силах потрясти свою нацию, воодушевить ее высокими идеалами, оторвать от кофеен и от дыма кальянов. Вставленный как интермедия в поток стремительного развития основной мысли, этот фрагмент дает повод задуматься над его психологической подоплекой. Финал статьи, переходящей далее к Грибоедову, Лермонтову и Надсону, предоставляет нам дополнительные аргументы для размышления. Сославшись на Воюоз, сказавшего, что для оживления французской литературы необходим приток новых соков из русской, Веллянитис пишет: «Если это представляется необходимым для богатой французской литературы, можете себе представить, насколько полезным это может быть для нашей, тщедушной; перед ней предстает богатый рудник национальной жизни и национальных традиций, которые могут быть реализованы и в драме, и в рассказе, и в поэзии и могут оказать на нас благотворное влияние, содействуя социальному и политическому преобразованию нашего отечества».

Такова эволюция греческой пушкинианы XIX в.: от картины полуцивилизованной России в рассказе И. Делиянниса до восторженных оценок Веллянитиса.

Параллельно продолжается знакомство с Пушкиным в переводах, из которых отметим лишь несколько наиболее значительных достижений переводческого искусства. Высоким для своего времени качеством отличаются переводы из лирики Пушкина в журнале «Вирон» («*Viron*»), принадлежащие Константиносу Попу («Поэт» и «Демон») ²⁶. Эта же оценка приложима к работе двух крупных переводчиков с русского в конце XIX в. – Панайотиса Аксиотиса, которому, в частности, принадлежит неизвестный Ласкарису перевод «Дубровского» («*Эстиа*», 1886) ²⁷, и Агафоклиса Константинидиса (из не упомянутых Ласкарисом назовем серию переводов в журнале «*Эвдомас*» 1891 г.: «Кирджали», «Грбовщик», «Скупой рыцарь», «Граф Нулин») ²⁸. Естественно, что с наибольшей готовностью почти полностью переводится пушкинская проза ²⁹.

Любопытный пример иллюстрирует формирование все более тесных связей с Россией и все более непосредственный отклик на русские публикации. В 1880 г. впервые увидела свет так называемая «пропущенная глава» «Капитанской дочки» о бунте крестьян в деревне Гринева, остававшаяся неопубликованной, вероятно, по цензурным соображениям. На следующий же год этот текст появился в журнале «Парнассос» под названием «Эпизод гражданской войны в России. Незданный рассказ Пушкина». Примечательно, что неизвестный переводчик счел полезным заменить имена Буланин и Гринева «пропущенной главы» на Гринева и Зурина, согласно версии основного текста. Не исключено, что эта публикация содействовала вскоре состоявшемуся переводу «Капитанской дочки» Николаоса Политиса, напечатанному в следующих номерах журналом «*Эстиа*» в 1883 г.

В заключение настоящего весьма скромного представления переводного ³⁰ Пушкина можно наметить два основных, на наш взгляд, направления дальнейшего исследования. С одной стороны, и это касается вообще переводов с русского, появившихся в греческой прессе XIX в., закономерно ставить вопрос о вероятных литературных параллелях, которые за «забвением» этих переводов, возможно, ускользали от внимания специалистов. С другой стороны, интересен сам анализ этих переводов. Перевоплощение пушкинского слова средствами кафаревусы во многих случаях делает уместным итальянское выражение *traduttore traditore* ³¹.

В пушкиниане, развернувшейся на страницах греческих журналов XIX века, есть, разумеется, немало неточностей и курьезов. Так, например, в статье Стаматиадиса в «*Хрисаллис*» ³² упоминание о историографических опытах Пушкина контаминирует «Историю Петра Великого» с не называемой «Историей Пугачева». Целиком курьезна публикация Де Кигалласа в журнале «*Неа Пандора*» в 1852 г. под названием «Краткая заметка о замечательнейших российских поэтах и прозаиках», в которой он предложил снаб-

женный различными сведениями список сочинителей, где, например, дважды упоминается Тредиаковский – второй раз как Фредьяковский, автор «Тилемахиды», а непосредственно перед ним – Георг Генрих Лангсдорф со вполне точным пояснением, что он был российским консулом в Бразилии и издал книгу своих путешествий. В этой странной панораме Пушкин аттестован как первый творец новой национальной поэзии, подражавший по мере сил знаменитому Байрону³³.

Завершая обзор, назовем некоторые темы, которые, как представляется, регулярно сопутствуют обращению к Пушкину. Прежде всего весьма заметно значительное внимание к проблеме русского литературного языка и отчетливая соотнесенность рождения новой (истинной) русской литературы и – даже шире – самого национального становления с решением языкового вопроса... И то, и другое не нуждается в особых комментариях, поскольку речь идет о стержневых проблемах греческой духовной жизни того времени.

Как явствует и из публикации Де Кигалласа, особенно устойчиво впечатление о пушкинском байронизме, начавшее преодолевать лишь в последние десятилетия века. Из сочинений Пушкина почти непременно выделяется «Руслан и Людмила», довольно часто южные поэмы и «Борис Годунов», а также «Евгений Онегин», не получивший, впрочем, единодушного высокого признания. Любопытно, что нередко упоминается и «История Петра». Так, в первой публикации, касающейся Пушкина, в рассказе Делиянниса, неоконченная «История Петра Великого» – единственное называемое сочинение русского поэта, причем не вскользь, а с указанием на тщательные архивные изыскания Пушкина, на обнаруженную им корреспонденцию царя, вплоть до немецко-русских заметок Петра к своим генералам. Вообще фигура Петра вызывает живейший интерес в греческой прессе, ему посвящаются многочисленные и многожанровые публикации, и это увлечение, как видно, проецируется на подчеркнутое выделение петровской темы в греческой пушкиниане.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиографическая программа как составная часть более широкого плана греко-украинского сотрудничества была представлена директором Центра проф. Лукией Друль в сообщении на VII Международном конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы (Салоники, 29.8 – 4.9. 1994).

² Греческому изданию «Истории» Карамзина и, в частности, отклику, который она снискала на страницах греческих литературных журналов XIX в., посвящена работа автора настоящей статьи, находящаяся в печати.

³ Отдельные вопросы этого тематического цикла разрабатывает в некоторых из своих последних публикаций руководитель семинара

проф. С.Б. Ильинская. См., например: *Ιλινσκαγiα: Αλεξανδροπούλου Σ. Οι Έλληνες της Ρωσίας ως συνδετικός των δύο πολιτισμών (19ος αιώνας)* // Ο Ελληνισμός στην Ευρώπη. Ευρώπη. Παρόν και μέλλον της πολιτιστικής του παρουσίας (4–8 Απριλίου 1992. Βερολίνο). Βρυξέλλες. 1992. Σ.24–30.

⁴ См. *Καραθεοδωρής Σ.Κ.* Περί Ρωσικής φιλολογίας // Ο εν Κ/Π Ελληνικός Φιλολογικός Σύλλογος. 1871. № 5. Σ.60–86.

⁵ Αλεξάνδρου Σεργιάδου Πούσκιν εκλεκτών ποιημάτων μετάφρασις // *Μετάφ.Χ.Βουλοδήμου.* Εν Οδησώ, 1888. Τ.1. Σ.11, 13.

⁶ См.: *Λάσκαρις Μ.Θ.* Ο Πούσκιν και η Ελληνική Επανάστασις // *Νέα Εστία*, 1937. № 247. Σ.485–492.

⁷ *Δελιγιάνης Ι.* Ο Ρώσος Συγγραφεύς Πουσκίνος // *Διηγήματα.* γπο Ιω. Δελιγιάνη. Εν Αθήναις, 1845. Τ.1. Σ.61–76. На эту публикацию, расцениваемую на сей день как самое раннее обращение к Пушкину в Греции, любезно обратила наше внимание исследовательница переводов английской литературы в Греции XIX века г-жа София Дениси.

⁸ Упомяная Делиянниса среди греческих прозаиков первой половины XIX в., К. Димарас отмечает свойственное ему тяготение к современным сюжетам, которым обычно придается явственный романтический колорит. См.: *Δημαρά Κ.Θ.* Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 1975. 6 η έκδ. Σ.328.

⁹ Идентификация и включение этого рассказа в греческую пушкиниану произошли лишь в последнее время. См.: *Ιλινσκαγiα Σ.* Η ρωσική λογοτεχνία στην Ελλάδα. Στιγμιότυπα μιás πορείας (19ος αιώνας) // *Δωδώνη*, 1989. Τ.18. Σ.171.

¹⁰ См.: *Ρωσική φιλολογία* // *Αποθήκη των οφελίμων και τερπνών γνώσεων*, 1847. Σ.87–89.

¹¹ Считается установленным, что посвященные русской литературе публикации в этом журнале принадлежат К. Дзорвадзоглу, преподавателю петербургского института восточных языков. См.: *Ιλινσκαγiα: Αλεξανδροπούλου Σ. Οι Έλληνες της Ρωσίας...* Σ.27.

¹² Ιστορία του Φιλλανδού Ποιμένος και της Σκληράς Νάϊνας. Επεισόδιον του ποιήματος του Ρουσλάνου και της Λουδμίλα υπό Α.Πούσκιν // *Αποθήκη των οφελίμων και τερπνών γνώσεων.* 1848. № 10. Σ.76.

¹³ См. *Π.Η.* Περί της Ρωσικής φιλολογίας. Πούσκιν, Λέρμунτοφ, Гόγολ // *Ευτέρπη.* 1851. Τ.4. № 95. Σ.534–537.

¹⁴ Например, о полном отсутствии личностного начала в творчестве Пушкина, который «жил жизнью всех» и выразил в своем творчестве чувства, испытанные каждым, не открывая читателю ничего неожиданного, фантастического. Видимо, на основании этого впечатления автор говорит далее, что Пушкин не принадлежит к числу талантов, редко возникающих на необъятных горизонтах всех времен и народов, но достоин широкой известности,

поскольку мысль его последовательна, человечна, свободна и подлинна, а его прекрасные сочинения вызывают сочувствие читателей.

¹⁵ *Ε.Σ.*, Αλέξανδρος Πουσκίνος // *Χρυσάλλης*. 1864. Τ.2. № 36. Σ.369–370, 374.

¹⁶ Каратеодорису мы обязаны указанием на К. Дзорватзоглу.

¹⁷ См.: *Καραθεοδωρής Σ.Κ.* Περί Ρωσικῆς φιλολογίας. Σ.69–73.

¹⁸ См.: *Παλαιολόγου Κ.Α.* Ο Ρώσος ποιητής Πούσκιν ως φιλέλληνα ἐξεταζόμενος // *Παρνασσός*. 1879. Τ.3. № 3. Σ.159–165.

¹⁹ Палеологос, очевидно, отдавая себе отчет в том, что избранный в этой публикации угол зрения не позволяет составить представление о творчестве Пушкина, обещает вернуться к этой теме при другой okazji. Действительно, из произведений Пушкина, не имеющих отношения к греческой тематике, упоминаются лишь «Руслан и Людмила» как первое значительное его сочинение и «Евгений Онегин», который некоторым образом увязывается с основным сюжетом статьи: «Примечательно, что именно в этот период начинается развитие поэтической фантазии Пушкина, поскольку через год была опубликована первая часть его шедевра, эпоса “Евгений Онегин”». Далее высказывается предположение о том, что греческие события 1821 г. могли оказать значительное влияние на творческую судьбу русского поэта. Идеологическая направленность статьи просматривается и в одной мелкой детали, не получающей, впрочем, дальнейшего развития: поясняя в начале публикации, что предметом ее будет филэллинизм Пушкина, Палеологос тут же, как бы по контрасту, подчеркивает, что Пушкин родился в колыбели панславизма «матушке Москве».

²⁰ См.: *Σ.[Joel Le Savoureux]*. Αλέξανδρος Πούσκιν // *Εστία*. 1880. Τ.10. № 46. Σ.589–592.

²¹ См.: *Απόλλων*. 1884. Τ.1 № 11. Σ.170–172.

²² См.: *Καποδίστριας και Πούσκιν* // *Εβδομάς*. 1887. Τ.4. № 4. Σ.6.

²³ См.: *Ι.Γ. Φλ.* Φιλελληνισμός του Πούσκιν // *Εβδομάς*. 1887. Τ.4. № 12. Σ.8; *Κ.Κ.* Ο Φιλελληνισμός του Πούσκιν // *Εβδομάς*. 1887. Τ.4. № 24. Σ.6–7.

²⁴ См.: *Βελλιανίτης Θ.Α.* Αλέξανδρος Πούσκιν // *Αττικό Ημερολόγιο*. 1886. Σ.422–439.

²⁵ См.: *Βελλιανίτης Θ.Α.* Σύγχρονος ρωσική φιλολογία // *Παρνασσός*. 1889. Τ.12. Σ.253–274. Отрывок текста лекции в обществе «Парнассос», состоявшейся 16 декабря 1888 г., опубликован также в *Εβδομάς* (1888. Τ.5. № 51. Σ.4) под названием «Основы русской филологии».

²⁶ См.: *Πωπ Κ.* Ο ποιητής. (Εκ του ρώσου ποιητού Πούσκιν) // *Βύρων*. 1875. Τ.1. № 12. Σ.934–935; *Κ.Π.* Ο Δαίμων [κατά τον ρώσον ποιητήν Πούσκιν]. 1878. Τ.3. № 2. Σ.128.

²⁷ В 1890 г. в журнале «Εβδομάς» Аксиотис опубликовал полный перевод «Бориса Годунова», упоминаемый Ласкарисом.

²⁸ Кроме этого Константинопольский опубликовал там же фрагменты из «Евгения Онегина» (1888), а в 1890 г. – «Барышню-крестьянку», «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя» и другие переводы, вошедшие в библиографию Ласкариса.

²⁹ Как уже было отмечено, в прозаическом переложении публиковались некоторые поэтические произведения. В качестве еще одного примера приведем публикацию в журнале «*Ἀπόλλων*» (1886. Т. 4. № 39. Σ. 620–624. инициалы Ν. Ι. Δ.), где под названием «История об умершей царевне и 7 рыцарях» помещается как неиздававшийся ранее рассказ пушкинская сказка в стихах «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

³⁰ Полный его обзор коренным образом трансформирует библиографию Ласкариса. Примера ради укажем еще три перевода, ускользнувшие от его внимания: «Египетские ночи» в переводе А.Г. Скалидиса (Εθνική Βιβλιοθήκη. 1866. Т. 2. № 53. Σ. 65–71). «Барышня-крестьянка» в переводе Софии Шлиман (Εβδομάς. 1886. Т. 3. № 140. Σ. 550 и след.) и «Пиковая дама» в переводе П. Димитриадиса (Ἑσπερος. 1887. № 139. Σ. 295–299, № 140. Σ. 309–311, № 141. Σ. 325–327).

³¹ Итальянская «пословица» упоминается применительно к западноевропейским переводам Пушкина в переведенной с французского публикации «Эвтерпи» (см. выше). Как одно из наблюдений относительно языка греческих переводов можно привести следующий пример. Хорошо известен излюбленный метод игры Пушкина с узаконенными классицизмом и романтизмом литературными масками, игры, сообщающей его тексту неповторимый эффект неожиданности и первозданности. При «уравнении» языка в общем потоке чистой кафаревусы структура пушкинского текста неизбежно упрощается. Интересно проследить, насколько переводчики отдают себе отчет в сложности предпринимаемого ими труда и прилагают ли они какие-либо усилия с тем, чтобы в какой-то мере сохранить разнообразие стилистических аспектов пушкинского текста. Первый серьезный опыт анализа греческих переводов Пушкина в XIX веке (на материале изданий его произведений) был предпринят И. Соколовым в его работе «Пушкин в новогреческом переводе» // Пушкин в мировой литературе. Сб. ст. Л., 1926. С. 188–196.

³² См. выше.

³³ См.: *Δε Κιγάλλας. Σύντομος σημείωσις των ἐξοχωτέρων τῆς Ρωσίας ποιητῶν καὶ πεζογράφων* // Πανδώρα. 1852. Т. 2. № 44. Σ. 1073–1077.

Дмитрий В. Триандафилидис
(Греция)

ПЛАТОН В ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

В истории обращения русской религиозной философии к Платону центральное место, без сомнения, принадлежит Владимиру Соловьеву. Это обусловлено уже тем, что он явился основоположником философии всеединства – наиболее мощного течения русской религиозной (да и не только религиозной) философской мысли. Платоновские элементы, содержащиеся в разработанной им метафизике всеединства, оказали огромное влияние на формирование воззрений многих представителей этой философской традиции. В то же время в лице Соловьева мы имеем не только мыслителя, мировоззрение которого впитало в себя черты платонизма (что, повторим, было в той или иной мере характерно для большинства русских религиозных философов), но и ученого-платоноведа, автора блестящих переводов платоновских диалогов, вдумчивого исследователя жизни и творчества великого философа. Если можно говорить о своеобразном сосуществовании в России академического, строго научного платоноведения с традицией философствования, опирающегося на платоновские идеи, то в творчестве Соловьева эти линии сходятся, что и определяет его особое место как в академических исследованиях Платона, так и в процессе рецепции платонизма русским религиозно-философским сознанием.

Владимир Соловьев – крупнейшая фигура в истории русской философии. О нем восторженно отзывались представители самых разных, подчас противоположных течений русской мысли. «Правые и левые, православные и католики одинаково ссылались на него и искали в нем опоры», – писал Н. Бердяев. Вполне естественной выглядит восторженная оценка его ближайшего друга Л.М. Лопатина, считавшего, что Соловьев явился для русской философии тем же, кем Пушкин для русской поэзии. Но не менее высоко отзывался о нем и человек, долгие годы остававшийся его горячим оппонентом, – П.Б. Струве, написавший после его смерти: «Владимир Соловьев был, несомненно, первый по дарованиям и по оригинальности русский философ». Появление философской системы Соловьева ознаменовало собой вступление русской философии в пору зрелости: «Он вывел русскую мысль на обще-

ловеческие просторы». И в то же время «он для целого ряда поколений был и остается вождем в определенном философском направлении», все лучшее, что было создано в русской философии всеединства, в той или иной степени восходит к идеям этого замечательного мыслителя.

Русский идеализм всегда находился в особом отношении к философии Платона. Эта черта отличала его еще до появления системы Соловьева. Но «Соловьев был первым в ряду русских философов... по сравнению не только с современниками, но и с предшественниками», и в его творчестве мы впервые встречаемся с тем типом отношения к Платону, который будет отличать и его последователей. Для этого отношения характерна своеобразная интимно-личностная окрашенность, ощущение глубокого внутреннего родства. Не случайно многие из лучших стихотворений Соловьева написаны под влиянием платоновских мотивов, поэтическое же наследие философа весьма важно для проникновения в глубины его мирозерцания.

Платонизм был столь глубоко ассимилирован мыслителем, что составил целый пласт его оригинального философского мировоззрения, и это впоследствии привело к платоновской окраске, отличающей взгляды последователей созданной им метафизики всеединства.

Через всю жизнь Соловьев пронес мечту об издании полного собрания сочинений Платона в его переводах и под его редакцией, но внезапная смерть прервала успешно начатую реализацию этого замысла. Но даже то, что успел сделать ученый, явилось новым словом в русской науке. И, наконец, незадолго до смерти им создается работа «Жизненная драма Платона», ставшая опытом глубоко личного переживания трагедии платонизма.

Подобное отношение к Платону окажет огромное влияние на формирование облика русского идеализма. В понимании Платона Соловьевым уже содержатся черты, отличающие именно русское философское сознание. Это дает основание утверждать, что у Соловьева, как и у его последователей, мы имеем дело не с зависимостью от платонизма или простым заимствованием ряда его идей, а с восприятием философии Платона как учения, глубоко конгениального исходным установкам русской национальной философской традиции.

Следует иметь в виду, что Соловьев, сохраняя интерес к Платону на протяжении всей жизни, проявлял его по-разному в различные периоды своего творчества. Творчество Соловьева прошло через ряд этапов, отличающихся преобладанием того или иного круга интересов. Естественно поэтому, что и обращение к Платону у философа определялось этими интересами и может быть понято только в контексте его творческой биографии.

Практически все биографы и исследователи мировоззрения русского мыслителя указывают на то, что его творчество разделяется на ряд периодов.

Чаще всего принимается периодизация, основанная на выделении трех этапов его деятельности. Ее, в частности, принимает и С.М. Соловьев: «Жизнь Соловьева прежде всего разбивается на три периода. Первый – чисто умозрительный и славянофильский – борьба с материализмом и позитивизмом, второй – церковно-публицистический – борьба с национализмом, третий, синтетический период – возвращение к философии, занятие поэзией и критикой – борьба с Ницше и Толстым». «Это различение разных периодов в жизни Вл. Соловьева очень важно, так как в разные периоды его суждения по целому ряду вопросов оказываются разными», – замечает В. Зеньковский. Это в полной мере относится и к взглядам Соловьева на Платона, которые могут быть поняты только в контексте его духовной эволюции, на основных моментах которой мы сейчас и остановимся.

Владимир Сергеевич Соловьев родился в 1853 г. в семье крупнейшего русского историка Сергея Михайловича Соловьева. Влиянию отца впоследствии будет приписываться присущее философу «необычайно острое ощущение истории». По линии матери, Поликсены Владимировны, в числе предков Вл. Соловьева следует назвать выдающегося украинского философа Григория Сковороду. В 1869 г., после блестящего окончания гимназии, Соловьев поступает в Московский университет на физико-математический факультет. Выбор факультета был не случаен: уже в гимназические годы Соловьевым овладевает столь модный в 60-е годы нигилизм, ярким сторонником которого он оставался с 12 до 16 лет. О своих взглядах в это время Соловьев так писал в автобиографии: «Самостоятельное умственное развитие началось у меня с появления религиозного скептицизма на тринадцатом году жизни. Ход моих мыслей в этом направлении был совершенно последователен, и в четыре года я пережил один за другим все фазисы отрицательного движения европейской мысли за последние четыре века. От сомнения в необходимости религиозности внешней, от иконоборства я перешел к рационализму, к неверию в чудо и божественность Христа, стал деистом, потом пантеистом, потом атеистом и материалистом». Неудивительно, что при таком умонастроении Соловьев поступает на естественный факультет, где, подобно тургеневскому Базарову, с увлечением анатомирует лягушек, занимаясь преимущественно сравнительной анатомией и морфологией растений.

Но насколько типичным был юношеский нигилизм и атеизм Соловьева, настолько же типичным оказался и дальнейший ход его духовной эволюции: проведя четыре года на физико-математическом факультете, он, с одной стороны, обнаружил полную неспособность к естественным наукам, а с другой – разуверился в том естественнонаучно-материалистическом мирозерцании, которое привело его на этот факультет. В 1873 г. он успешно сдает экзамены на степень кандидата историко-филологического факультета,

а следующий учебный год проводит в стенах Московской духовной академии. Подобный путь «от материализма к идеализму» будет впоследствии пройден многими видными деятелями русской культуры.

Трансформация взглядов Соловьева в немалой степени была обусловлена углубленным изучением философской и религиозной литературы, которому он уделял очень много внимания на протяжении всех студенческих лет. Его «первой философской любовью», по собственному признанию, был Спиноза. Весьма сильное впечатление произвело на него знакомство с Шопенгауэром. Для настоящего исследования важно отметить влияние на формирование философских взглядов Соловьева со стороны П.Д. Юркевича – одного из тончайших интерпретаторов Платона в России, мыслителя, центральные принципы собственной философской системы которого «в своем первоисточнике восходят к Платону». Опыт творческой переработки платонизма, осуществленный Юркевичем, не пройдет бесследно для Соловьева, всегда с большой теплотой отзывавшегося о своем учителе.

Итогом учебы Соловьева в университете явилось кандидатское сочинение, опубликованное в переработанном виде в 1873 г. под названием «Мифологический процесс в древнем язычестве». В следующем, 1874 г., Соловьев защищает в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Кризис западной философии. Против позитивистов». Блестящая защита сразу сделала молодого ученого знаменитым. О впечатлении, которое произвело выступление Соловьева на магистерском диспуте, красноречиво свидетельствует восторженная оценка известного историка К.Н. Бестужева-Рюмина: «Если будущая деятельность оправдает надежды, возбужденные этим днем, Россию можно поздравить с гениальным человеком». В этом же году Соловьев назначается доцентом кафедры философии и приступает к чтению курса философии вместо П.Д. Юркевича, умершего в ноябре 1874 г.

Одновременно с работой в университете Вл. Соловьев читает лекции на Высших женских курсах, организованных В.И. Герье. Если быть совершенно точным, то именно на курсах Герье началась преподавательская работа Соловьева – к чтению лекций здесь он приступил на две недели раньше, чем в университете. И в этой связи особенно показательно, что предметом своих лекций молодой ученый избрал философию Платона. По свидетельствам самого В.И. Герье и одной из его слушательниц – Е.М. Поливановой, эти лекции читались в форме обширных комментариев платоновских диалогов. «Соловьев объяснял диалоги Платона, – вспоминал В.И. Герье, – причем читал в переводе и отрывки из диалогов. Не могу сказать, что более очаровывало слушательниц: древнегреческий мудрец или юный истолкователь его; думаю, что скорее последний... Он был настоящий провозвестник Платона». Отсутствие текстов этих лекций не позволяет составить о них сколько-нибудь

точного представления, но сам факт выбора Соловьевым Платона для своего дебюта на лекционном поприще весьма красноречиво свидетельствует о его философских пристрастиях.

Летом 1875 г. Соловьев, по его просьбе, был командирован университетом за границу «преимущественно для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой философии», как говорилось в донесении историко-филологического факультета. Из Англии он на некоторое время уезжает в Египет. Впечатления от этой поездки, мотивы которой во многом остаются загадкой, нашли отражение в знаменитом стихотворении «Три свидания». Находясь в Каире, Соловьев вместе со своим другом Д.Н. Церетелевым пишет диалог «Вечера в Каире». «В это время, – замечает С.М. Соловьев, – Соловьев чувствует влечение к диалогической форме, конечно, не без влияния Платона, которым он усиленно занимался, читая лекции по древней философии на курсах Герье». Явное влияние Платона дает о себе знать и в другом сочинении, написанном в Каире и Сорренто, – диалоге «Sophie».

В 1876 г. Соловьев возвращается к преподавательской деятельности в Московском университете, но уже в марте 1877 г. переезжает в Петербург. В это время им создается работа «Философские начала цельного знания», а в 1880 г. Соловьев защищает докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». «Это сочинение, – пишет В.А. Кувакин, – вместе с его магистерской диссертацией и работой “Три силы” (1877 г.) составляет теоретический базис философских воззрений первого этапа духовной эволюции Вл. Соловьева. В указанных работах были заложены основы его учения о всеединстве как начале и цели мирового развития, его концепция истории и человека. В них же – в ходе критики западноевропейского эмпиризма и рационализма – определилась и теоретико-познавательная позиция философа».

Переехав в Петербург, Соловьев не получил кафедры и часто выступал с публичными лекциями. Так, в 1878 г. он прочел 12 благотворительных лекций «Чтения о Богочеловечестве». «Чтения...», успех которых был небывалым, содержали в концентрированной форме центральные идеи метафизики Соловьева, в ряде случаев прямо перекликающиеся с платонизмом (в особенности чтения четвертые и пятые).

Успех «Чтений...» побудил К.Н. Бестужева-Рюмина пригласить Соловьева прочесть курс лекций по истории философии на возглавлявшихся им Высших женских курсах в Петербурге. Текст лекций, прочитанных в 1880–1881 гг., к счастью, сохранился. Здесь, как и на курсах Герье, философ тоже значительную часть курса посвящает Платону («Прошлый год я остановился на Платоне», – пишет Соловьев Бестужеву-Рюмину 18 сентября 1881 г.),

причем осуществляет своеобразное систематическое конструирование его учения, на анализе которого мы подробнее остановимся ниже.

Успешная лекционная деятельность Соловьева прервалась внезапно: 28 марта 1881 г. он произнес в зале Кредитного общества лекцию, в которой обратился с призывом к Александру III помиловать цареубийц-первомартовцев. Соловьеву грозила высылка из Петербурга, но по решению царя ему лишь было запрещено чтение публичных лекций.

Соловьев уходит из университета и полностью посвящает себя литературно-публицистической деятельности. Этот новый период его творчества отмечен преобладанием интереса к церковному вопросу и социальным проблемам. В.В. Зеньковский отмечал, что в этот период сознанием Соловьева овладевает «теократическая утопия». В 80-е годы им создаются «Духовные основы жизни», «История и будущность теократии», «Россия и вселенская церковь». Происходившее в это время сближение мыслителя с католицизмом нашло отражение в работе «Великий спор и христианская политика». Большое внимание философ уделял в этот период национальному вопросу, вступив в полемику со славянофилами (его статьи по этой проблеме объединены в двух выпусках «Национального вопроса в России»).

Рубеж 90-х годов ознаменован глубокими сдвигами в мировоззрении Соловьева. В значительной мере разуверившись в своей теократической утопии, Соловьев вновь обращается к философии. Он создает свой самый крупный труд – трактат «Оправдание добра», посвященный нравственной философии, пишет «Теоретическую философию», являющуюся незавершенным введением в его гносеологию, а также блестящие произведения «Смысл любви» и «Красота в природе». Характерно, что в это время вновь возрождается его интерес к Платону.

Весьма сильны платоновские мотивы в эстетических сочинениях Соловьева этого периода. В «Смысле любви» он «излагает свой взгляд на значение и цель половой любви», «отчасти повторяя Платона». Свое итоговое сочинение – «Три разговора» – философ пишет в форме платоновского диалога. «Если занятия Платоном в 1875 г. вдохновили Соловьева на сочинение маленького диалога “Вечера в Каире”, то теперь, окунувшись снова и глубже прежнего в вечно-свежий поток Платонова творчества, Соловьев задумывает изложить свои воззрения в трех диалогах, построенных по образцу Платона», – пишет С.М. Соловьев. Во всех этих случаях дает о себе знать тот элемент платонизма, который всегда присутствовал в философском мировоззрении Соловьева.

Но в последние годы жизни мыслитель уделяет особое внимание изучению философии Платона. О мотивах, побудивших Вл. Соловьева обратиться тогда к Платону, мы читаем у С.М. Соловьева: «Конец жизни Соловь-

ева совпадает с началом. Мы видим, что в 1875 г., перед поездкой в Египет, Соловьев особенно усердно занимался Платоном и был его вдохновенным истолкователем на курсах Герье. В 1897 году К. Солдатенков предложил Соловьеву издать полный перевод диалогов Платона. Соловьев принял предложение и разделил работу с братом Михаилом, которым переведена половина сократических диалогов. Перевод посвящен А.А. Фету. В предисловии к переводу Соловьев говорит: “В начале этого труда я ставлю имя Афанасия Афанасиевича Фета как его первого внушителя. Еще семнадцать лет тому назад, сам погруженный в перевод латинских стихотворцев, он стал уверять меня, что мой патриотический долг – “дать русской литературе Платона”. Я с ним не соглашался. Его доводы были для меня более лестны, чем убедительны. К тому же все мои помышления и замыслы были в то время обращены совсем в другую сторону...

Лишь после смерти Фета пришла пора, когда его внушение должно было подействовать. С нарастанием жизненного опыта, безо всякой перемены в существе своих убеждений, я все более и более сомневался в полезности и исполнимости тех внешних замыслов, которым были отданы мои так называемые “лучшие годы”. Разочароваться в этом значило вернуться к философским занятиям, которые за это время отодвинулись было на задний план. Нравственная философия, с которой я начал эти возобновленные занятия, неизбежно приводила меня к основным теоретическим вопросам знания и бытия. И вот в 1897 году, через пятнадцать лет после того разговора о Платоне, я стал ощущать неодолимое влечение окунуться снова и глубже прежнего в этот вечно свежий поток юной, впервые себя опознавшей философской мысли».

Прямым результатом этих занятий явилась подготовка к изданию сочинений Платона. К сожалению, при жизни философа увидел свет лишь первый том (Творения Платона. М., 1899), второй том вышел уже после смерти философа, в 1903 г. Кроме Вл. Соловьева, над переводами для этого издания работали М.С. Соловьев и С.Н. Трубецкой.

В 1898 г. в 46-м томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона была опубликована статья Соловьева «Платон», в которой философ, проведя критический анализ существующих точек зрения на «платоновский вопрос», обосновывает свою позицию относительно подлинности платоновских сочинений и времени их написания. Отличительной чертой предложенного Соловьевым подхода к решению этих традиционных проблем платоноведения (подробный анализ этой статьи еще предстоит) является попытка рассмотрения эволюции философского мировоззрения Платона через призму действия «жизненных факторов», определявших судьбу древнегреческого мыслителя. Тем самым академическая статья для энциклопедии оказывается

глубоко созвучной идеям, содержащимся в шедевре позднего Соловьева – очерке «Жизненная драма Платона», написанном в начале 1898 г. Ощущая глубокое внутреннее родство с великим греческим идеалистом, Соловьев наполняет очерк о Платоне опытом своей личной жизненной драмы.

Эсхатологические настроения этих лет, получившие столь яркое воплощение в «Трех разговорах», словно указывали на предчувствие философом своей близкой кончины. Действительно, 31 июля 1900 г. в имении своих друзей князей Трубецких Вл. Соловьев, никогда не отличавшийся крепким здоровьем, умер от «общего истощения организма».

Смерть Соловьева потрясла современников своей безвременностью. Но, говоря о преждевременности кончины Соловьева, следует, на наш взгляд, обратиться к словам, сказанным философом за три года до ухода из жизни в напумевшей статье «Судьба Пушкина». «Судьба, – писал Соловьев, – не есть произвол человека, но она не может управлять человеческой жизнью без участия собственной воли человека, а при данном состоянии воли этого человека то, что с ним произошло, должно было произойти и есть самое лучшее из того, что вообще могло бы с ним произойти». Действительно, «суд над самим собой», осуществленный в «Жизненной драме Платона», вера в разумность судьбы, определяющей жизненный путь гения, высказанная в «Судьбе Пушкина», апокалиптические пророчества «Трех разговоров» – все это говорит о том, что жизненный путь самого Соловьева неудержимо приближался к концу. И если его раннюю смерть нельзя назвать совершенно неожиданной с точки зрения личной судьбы, то в судьбе русской философии она не прервала духовную традицию. Без сомнения, Соловьев унес с собой множество нереализованных философских замыслов, но то, что он успел сделать, позволяет говорить о том, что он состоялся как мыслитель, как философ, исполнивший жизненный подвиг, к которому его определило Провидение. Его философское дело уже при жизни было подхвачено соратниками и учениками, развивавшими на почве его учения философию всеединства – самый ценный плод русского философского сознания.

Наше беглое знакомство с основными фактами творческой биографии Соловьева показывает, что пристальный интерес к Платону философ пронес через всю жизнь, причем этот интерес был обусловлен глубокой внутренней близостью мировоззрений обоих мыслителей. Поэтому было бы целесообразно рассмотреть отношение Соловьева к Платону и платонизму в двух плоскостях. Во-первых, следует остановиться на платоновских элементах собственного философского мировоззрения Соловьева, и, во-вторых, проанализировать интерпретацию Платона, содержащуюся в сочинениях выдающегося русского идеалиста.

Обращение к биографии Соловьева показало, сколь велико было внимание, уделявшееся этим философом Платону на протяжении всего творческого пути. Но теперь следует выяснить, в какой мере интерес к Платону сказался на характере собственных философских воззрений мыслителя. Можно ли говорить о влиянии, испытанном философией всеединства Соловьева со стороны платоновского идеализма, и, даже более, о наличии в его взглядах платоновских элементов?

Практически никто из исследователей творчества Соловьева не отрицает некоторой платоновской окрашенности его взглядов.

Александра Иоанниду
(Греция)

ГРЕЦИЯ В РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ (поэтическое преподавание древнегреческого языка Иннокентием Анненским и Вячеславом Ивановым)

Для многих поколений учеников и студентов во всем мире урок древнегреческого языка является скучной и тяжелой обязанностью. В очень редких случаях одаренные и вдохновенные преподаватели могут внушить студентам страсть к этому языку. Еще реже случаи, когда преподаватели древнегреческого являются поэтами, причем считают преподавание не препятствием, а продолжением своего поэтического труда. К этой категории просвещенных педагогов в России рубежа веков принадлежали Иннокентий Анненский (1855–1909) и Вячеслав Иванов (1866–1944), сумевшие осуществлять и теоретически обосновать преподавание древнегреческого языка как “поэтическое объединение”, где учитель и ученики становились священнослужителями, активно и взаимно участвуя в духовном и культурном общении, что возможно только в атмосфере настоящего искусства.

Иннокентий Анненский родился в 1855 г. Получив образование в Санкт-Петербурге, в 1879 г. начал преподавать древнегреческий и латинский языки в различных гимназиях страны. В 1891 г. он стал директором гимназии в Киеве – в колледже Павла Галагана, через два года, в 1893 г., был переведен в 8-ю гимназию Санкт-Петербурга, а позднее, в 1896 г., в Царское Село. Затем его назначили инспектором среднего образования. С 1908 г. вплоть до своей внезапной смерти от сердечного приступа в 1909 г. он читал лекции о греческом эпосе и драме на знаменитых Высших женских Бестужевских курсах¹.

Вячеслав Иванов родился в 1866 г. После изучения древней истории в России и Германии и долгого проживания в Италии, Англии и Греции он, вернувшись на родину, в 1910 г. стал преподавать древнюю поэтику на Бестужевских курсах. В 1920 г. поэт переехал в Баку, где взялся за преподавание древнегреческой и латинской литературы в недавно основанном университете. Уехав в 1924 г. в Италию, он и там продолжал свою педагогическую карьеру в качестве репетитора по подготовке к дипломным экзаменам в Collegio Borromeo в Павии.

Оба поэта могут считаться главными носителями греческой культуры в России рубежа веков. Эта эпоха, чреватая огромными общественно-

политическими изменениями, не благоприятствовала людям, безраздельно посвятившим себя духовным занятиям. Те, кто упорно отказывался принять ту или другую политическую сторону, отстаивая независимость своего мышления и самовыражения, существовали достаточно изолированно и подвергались обвинениям в утопизме.

Это негативное отношение к интеллигенции, особенно к филологам – почитателям античности, стало проявляться и значительно повлияло на обоих поэтов-педагогов в период, когда русское общество при первом взрыве либерализма отвергло изучение древности, видя в нем привилегию богатых и способ затруднения пути к социальному продвижению для низших слоев населения. Со времени основания в 1803 г. Министерства народного просвещения вопрос о преподавании древнегреческого и латинского языков постоянно вызывал большие споры и в этом ведомстве, и в обществе². Само разделение гимназий на реальные и гуманитарные ограничивало обучение древнегреческому языку в немногочисленных школах и духовных семинариях, где внимание уделялось преимущественно византийскому греческому. После наполеоновских войн, как реакция против французского образования, преподавание древних языков вступило в несколько более благоприятную фазу: считалось, что знание их способствует лучшему владению русским языком. В 1870 г. министром просвещения назначается граф А.Д. Толстой, слывший консерватором. Споры о целесообразности обучения древнегреческому языку вспыхнули снова. Основной заботой министра с того момента, как он приступил к службе, стало восстановление древнегреческого языка, который тогда преподавался только в 12 гимназиях (в остальных 65 изучался латинский язык). Протесты были направлены главным образом против дискриминации в системе просвещения тех учащихся, которые не получали достаточной домашней подготовки. Только при поддержке со стороны царя Александра II министру все-таки удалось отстоять свою позицию. В результате проведения реформ во всех гимназиях 41% учебной программы составляло изучение древних языков. Конечно, в преподавании их оставалось много уязвимых моментов, которые оправдывали в глазах общественного мнения радикальные требования его отмены. Как часто будет и позднее, основное внимание на уроках уделялось грамматическим упражнениям и заучиванию наизусть, что вызывало негодование учеников и их родителей. Спор продолжался много лет и вместе с защитниками механического заучивания наизусть ставил в трудное положение и тех, кто всегда настаивал на глубоком изучении культуры, образа мысли и жизни греков.

Иннокентий Анненский не скрывает в своих письмах досады относительно дискредитации преподавания древних языков, с которым связана вся его профессиональная деятельность. В августе 1900 г. он пишет Анне Вла-

димировне Бородиной: «Вы спросите меня: “Зачем вы не уйдете? О, сколько я думал об этом... Сколько я об этом ни мечтал ... Но знаете, как вы думаете серьезно? Имеет ли нравственное право убежденный защитник классицизма бросить его знамя в такой момент, когда оно со всех сторон окружено злыми неприятелями?»³

Когда Вячеслав Иванов около 1884 г. должен был выбрать направление своего образования, общественное мнение по отношению к классической филологии было настроено весьма негативно. Поэтому, хотя склонность к древнегреческому языку проявилась у него уже много лет назад (еще будучи учеником, он помогал преподавателю в исправлении работ своих одноклассников, переводил с другом Софокла на русский язык и на каникулах давал частные уроки), он предпочел изучение древней истории. Судя по автобиографическим заметкам поэта, дилемма выражалась тогда необычным для сегодняшних условий образом – в выборе между историей и вообще науками социально-политического направления и классической филологией, считавшейся реакционной. Вяч. Иванов объяснял свое решение в пользу истории пробуждением в нем политического сознания: «Со страстью занимался я греческим языком за год до начала его преподавания. Перейдя в четвертый класс, уже давал уроки; а в пятом, внезапно и безболезненно, осознал себя крайним атеистом и революционером ... Через историю мечтал я самостоятельно овладеть проблемами общественности и найти путь к общественному действию»⁴.

Этот выбор поэта встретил позднее поддержку берлинского профессора истории Моммзена, у которого он продолжил свое образование. Моммзен всегда категорически отрицал проведение различительной линии между историей и филологией, так что его студенты не сталкивались с подобными дилеммами. Лишь обожание Ницше, книги которого он читал с восхищением, вернуло Иванова сначала к изучению дионисийского культа, а затем и древнегреческой литературы. В 1896 г. Иванов не стал защищать свою диссертацию о системе налогообложения Римской империи, решительно покинув таким образом историю. Много позже, в 1922 г., он представил к защите в университете Баку новую диссертацию на тему «Дионис и прадиионисийство» – исследование, результаты которого подтвердились учеными нового поколения, такими, как А.П. Нильсон и др.

По возвращении Иванова в Россию в 1904 г. круги интеллигенции принимают его как «наилучшего русского эллиниста» (по Н. Бердяеву)⁵, как организатора вдохновенных «поэтических симпозиумов», проходивших по вечерам каждую среду в его доме в Санкт-Петербурге, как руководителя духовных поисков своего времени, как «учителя».

Понятие «учитель» в теоретических работах обоих поэтов тесно связано с понятием «поэт». Образ художника создается в статьях Иннокентия Анненского согласно принципам романтизма, а затем и символизма. Это значит, что при сравнении настоящего с прошлым воспевается, как прежде, скорбь одинокого поэта при одновременной идеализации древности, поскольку с нею связывается представление об общественной значимости поэта-жреца, художника-нравотворителя (*etho-poios*).

По Иннокентию Анненскому, в древнегреческой повседневной жизни поэт считался жрецом, философом и учителем. В «Речи о Достоевском» 1883 г. Анненский подчеркивает: «Начиная с классической древности до сих пор поэты были воспитателями нравственного Я чувства. Гомер у греков лежал в основе не только образования, но и воспитания; из него черпали не только мудрость, знания, но и понятия о справедливости и добродетели. Древнейшая поэзия была то религиозного, то поучительного характера, поэты являлись и жрецами, и философами, и учителями»⁶.

То, что Иннокентий Анненский наделял поэта свойствами жреца, не являлось случайностью: учитель и жрец берут на себя духовное и душевное воспитание мира, обременены многочисленными обязанностями, выполняют свой долг перед обществом. Трагедия удалившегося от людей поэта выражается в противопоставлении им себя народу-толпе (вспомним стихотворение Пушкина «Поэт и толпа», 1828), который не участвует активно в рождении искусства.

«Поэт и чернь» назвал и Вяч. Иванов свое первое теоретическое выступление на литературной сцене в 1904 г. В нем первым поэтом, стоящим перед массой как учитель, изображен певец дифирамба в дионисийских культовых действиях – еще до становления древнегреческой драмы. Сократ, писал Иванов, следуя традиции Ницше, не смог завоевать признание общества и увлечь народ своей философией, потому что не использовал вместо философского языка музыкальный, не говорил языком искусства. Хотя «теоретический человек» Сократ описывается Ивановым с меньшей строгостью, вывод, однако, тот же: подлинный учитель должен пользоваться языком искусства, если хочет быть понятым массами. Сократ, презирая музыку, терпит полный провал, лишает мир сновидения, экстаза, пророческой одаренности, тайного общения душ и принимает смерть по справедливому приговору за презрение божественного.

С другой стороны, если поэт должен выступать перед обществом как учитель, то и учитель должен выступать перед своими учениками как поэт. И. Анненский описывает преподавание языка как художественное образование, как введение в понимание красоты и гармонии. Если у древних греков есть что-нибудь поучительное для нас, то это не грамматика и синтаксис, не

национальные и церковные идеалы, которые часто пытаются обосновать на примере древних греков. Напротив, это – «тщательное художественное образование», в котором И. Анненский видит надежду на прогресс нового поколения в России и которое требует вдохновенных учителей, просвещенных Святым Духом поэзии. Изучение языка должно сопровождаться ознакомлением с мифологией древних греков и их поэзией. Урок древнегреческого языка должны дополнять и украшать беседы о последних археологических открытиях, этимологические игры, театральные представления, опыты самих учеников в поэтическом творчестве. Он пишет: «Нельзя знать языка, не изучая его поэзии, и нельзя понять поэзии народа, не зная его языка»⁷.

Влияние И. Анненского на своих учеников отмечалось многими, однако среди воспоминаний особенно выделяются стихи его ученика в гимназии Царского Села Николая Гумилева и стихи Анны Ахматовой – «Подражание Иннокентию Анненскому» (1911) и «Учитель» (1945). На вопрос, воспитывал ли Анненский поэтов в широком смысле слова, отвечает случай из школьной жизни, вспоминаемый Дмитрием Кленовским: «И невольно думается: не так уж важно, пожалуй, что Анненский не справился со своими директорскими обязанностями по отношению к одному из них (Николай Гумилев). Да и не к одному только. Мне рассказывали, что когда на педагогическом совете гимназии стоял вопрос об исключении одного ученика за неуспеваемость, Анненский, выслушав доводы в пользу этой строгой меры, сказал:

“Да, да, господа! Все это верно! Но ведь он пишет стихи!” И новый поэт был спасен»⁸.

К педагогической деятельности И. Анненского, посвященной Греции, относятся и его уроки на женских курсах Раева в последние годы жизни, с 1908 г. Немало подробностей о пребывании Анненского на курсах приводит его коллега Ф. Зелинский, описывающий манеру речи поэта. Он подчеркивает импровизированный характер лекций Анненского, которые протекали свободно, без текста, согласно ходу беседы и интересам студентов, и добавляет: «Есть филологи (по-немецки их называют *Nurphilologen*) и есть филологи, окрашенные в своем научном естестве еще какой-нибудь другой, научной или художественной предилекцией»⁹.

Возможно, когда Анненский писал стихи или когда сочинял трагедии на греческие темы, даже когда переводил на русский язык своего любимого Еврипида, он чувствовал себя не столько учителем, сколько поэтом. Возможно, занимаясь преподаванием, он думал, что отнимает время у поэтического вдохновения. И все же кажется, что все его усилия были направлены на то, чтобы уравновесить эти два занятия по примеру Леконта де Лиля, о котором он пишет со строгостью: «Казалось бы, работа, где добросовестный учитель че-

редуется с поэтом, должна была наложить невыгодный отпечаток на обоих, заставляя одного забывать о своих обязанностях ради привилегий другого»¹⁰.

Вячеслав Иванов, с другой стороны, проявился в своих теоретических работах прежде всего учителем, руководителем. Воспринимая поэтическое творчество как сопротивление упадку сугубо материалистической действительности, он выражает в серии статей с 1904 до 1919 г. свое пожелание и надежду на формирование нового искусства и жизни по образцу Древней Греции. В статьях на эту тему – «Копье Афины» (1904), «Символика эстетических начал» (1905), «Кризис индивидуализма» (1905), «О веселом ремесле и умном веселии» (1907), «Две стихии в современном символизме» (1908), «Заветы символизма» (1910), «О границах искусства» (1913), «Мысли о символизме» (1914), «Кризис гуманизма» (1919), – а также в других произведениях этого плодотворного для Иванова периода, Греция приобретает символический характер, становится идеей, нитью Ариадны для выхода из мрака современного лабиринта. В глазах его слушателей, которые еще до того, как он начал преподавать на женских курсах и потом в Баку, встречали его на вечерах, Вяч.Иванов поднимается на уровень пророка, учителя. Его ученики становятся верующими участниками мистерий. О. Дешарт, подруга и биограф поэта, пишет о содержании уроков, а также о влиянии учителя на своих учеников:

«Чем мучительнее, болотистей делался быт, тем острее, живее становилась тоска по подлинному бытию: образовывались кружки, собиралась молодежь, жаждающая знаний, восприимчивая. Слушатели, ученики приходили нищенски одетые, замороженные, голодные, но восторженные, духовно горящие. В.И. любил беседовать с ними о религии, о поэзии, об Элладе; он учил их стихосложению, открывая “многострунность в ладе и строе речи”, завлекал их в “стихию языка”, где “искони посеяны” и умозрение народа и его святость»¹¹.

Воспоминания о преподавательской деятельности Иванова написали многие его ученики и студенты. Свидетельством восхищения, которое испытывали слушатели его лекций, является воспоминание одной из его студенток в Баку, С.А. Маковельской, которая говорит о, по крайней мере, «тысяче студентов», теснившихся даже в коридорах, чтобы слушать Иванова. Из программы лекций поэта, исследованной В.Н. Котрелевым, видно, сколь тесной видел Иванов связь греческой культуры со всей европейской литературной традицией¹². Так, кроме курсов об Эсхиле и Платоне, о греческой литературе и религии, он проводил занятия по творчеству Данте, Петрарки, Ницше, Байрона, Достоевского и Гете. В преподавании Иванов пользовался собственным переводом Эсхила, который можно считать не столько лексически, сколько поэтически достоверным.

Что касается переводов с древнегреческого на русский язык, то кажется, что оба поэта разделяли одну и ту же точку зрения. Перевод, по их мнению, – исключительно творческая работа, целью которой является не столько точность, сколько содействие передаче и сохранению культурных традиций Древней Греции.

Анненского, например, раздражал язык перевода древних текстов, которыми обычно пользовались в учебном процессе. В целях «точного перевода» поэтическая речь подлинника насильственно искажалась и портилась, так что ученики отнюдь не совершенствовали свое эстетическое чувство и свой язык. Анненский иронически называл этот язык, который наспех конструировался на уроке, «интерлингвальной речью». Сам он посвятил себя драмам Еврипида, которые хотел полностью представить русской публике в собственных переводах: «Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего и все еще питаю твердую надежду в пять лет довести до конца свой полный перевод и художественный анализ Еврипида – первый на русском языке, чтоб заработать себе одну строчку в истории литературы, – в этом все мои мечты»¹³.

Свою особую любовь к Еврипиду Анненский объяснял тем, что из трех великих трагиков древности он наиболее близок духу христианства, поскольку ограничил вмешательство богов в жизнь людей и даровал героям своих произведений свободу воли и ответственность за собственные поступки. Очень важными в этом отношении были его предисловия к еврипидовским трагедиям, в которых Анненский описывает не только действия героев, главную идею, основные сюжетные моменты пьесы, но и связывает каждое произведение с мифологией, с историей, с археологическими данными, включая его в мировой литературный процесс. В этих вступительных статьях вновь проявляется его точка зрения на непрерывность жизни древнегреческого духа в художественном процессе мира и его вера, что «греки» душой и духом, независимо от их национального происхождения, существуют всегда и всюду. Из воспоминаний современников Анненского узнаем, что поэт часто представлял результаты своей переводческой деятельности как поэтическое событие: «Время от времени И.Ф. устраивал нам и своим многочисленным петербургским друзьям особый праздник: по мере окончания он читал свои переводы трагедии Еврипида ... Сам хозяин изящнее и одушевленнее обыкновенного, своеобразно-красиво декламирует свои ямбы, в которые прелился родственный ему по духу “трагичнейший” из греческих поэтов, так много говорящий современному читателю»¹⁴.

Переводы И. Анненского публиковались до 1921 г.¹⁵ под редакцией Ф. Зелинского¹⁶ в серии «Памятники мировой литературы» издательства Сабашниковых (Т. I–III)

В той же самой серии планировалось опубликовать и переводы произведений Эсхила¹⁷, выполненные Вяч. Ивановым. Подробности относительно принципов и результатов переводческой деятельности Иванова стали известны из последнего критического издания переводов Эсхила в 1989 г.¹⁸ Очевидно, что и в данном случае побуждением для перевода явилась любовь переводчика к древнему поэту. Из драматургической теории Иванова вытекает, что Эсхил очаровал поэта господствующей ролью хора в его трагедиях¹⁹. В силу этой своего рода идеологической близости с Эсхилом Вяч. Иванов взялся воплощать его творчество в русской поэтической речи (однако не завершил свой труд): «Ибо, ежели перевод будет удовлетворять меня как художественная работа (а удовлетворять он, по существу задачи, должен – или не должен существовать вовсе), то он так же органически приобретает место в моей поэзии, как, например, “Одиссея” в поэзии Жуковского»²⁰.

В переводах, естественно, обнаруживается и поэтический стиль переводчиков. Стих Еврипида на русском языке отличается легким лиризмом И. Анненского, не допускавшим никакого двусмыслия и никаких осложнений в понимании глубинного содержания произведения. Слегка модернизированные диалоги придают тексту отпечаток диахронии. Совсем иным предстает перевод Эсхила Вяч. Иванова, придавшего тексту триумфальный характер благодаря введению многих архаизмов. Язык ивановских переводов когда-то раздражал критиков, например, Вересаева, но в то же время вызвал энтузиазм и нашел подражателей, например, С. Соловьева и В. Нилендера в переводе «Прометея прикованного»²¹.

Оба поэта относились к переводу как к культурному «переливанию», имеющему поучительный характер. «Рес» Еврипида ставился в 1896 г. учениками Царского Села – русские зрители принимали представление с энтузиазмом²². Вяч. Иванов, в свою очередь, включает переводческую деятельность в рамки некоего метафизического продолжения древнегреческой цивилизации в России: «Есть сферы общности между эллинской и национальной живой стариной, которую мне хочется открыть и воплотить в этих переводах»²³.

Для Вяч. Иванова и И. Анненского понятие «грек» касается не национального происхождения, а образа человеческой жизни. Оба они своей поэтической и преподавательской деятельностью стремятся к воспитанию нового поколения молодых людей, которые могли бы считаться «греками» согласно гетевскому понятию «Griechendasein»²⁴.

В Гете И. Анненский видел выдающуюся личность, умеющую гармонически сочетать трагический пафос с христианской традицией и верой. По Анненскому, Гете глубоко «понимал древность», жил «любовью к древним образам», «торжественно» относился «к красоте древних» и, следовательно, всей своей жизнью выражал свой «эллинизм». Согласно

Вяч. Иванову, Гете умел «смотреть на мир глазами греков», так как отрицал различия между «языком богов» и «языком людей» и, словно «теург», поднимал искусство до уровня религии. И Пушкин, по мнению Иванова, смотрел на мир как «грек»²⁵. Таким же образом являлся и Винкельман, который смог преобразить себя, «чтобы стать греком, язычником, тем гармоническим существом, исполненным меры и стройности, для которого греки имели на своем языке обозначение *kalos kagathos*». Что касается спасения человечества, то оно могло свершиться только с помощью «воспоминания», возвращения к общему греческому прошлому, ибо, как подчеркивает Иванов, Эллада всегда была для европейского духа родником жизни и вечно обновляемой молодости.

Сведения о жизни и творчестве Анненского и Иванова не исчерпываются вышеизложенным. Можно было бы затронуть еще не мало тем, доказывающих их особое отношение к греческой культуре, их «эллинизм», как например, их драматургия, ориентированная на образы греческой трагедии, их поэзия, насыщенная, особенно у Вячеслава Иванова, греческими мотивами. Оба были поэтами-учителями, всю жизнь они старались и сумели вдохновить окружающих идеями, образом жизни, чувством и обществом настоящих – по Иванову – «*humaniorum studiorum cultores*» вести их «*a realibus ad realiora*».

Утром в день своей смерти от сердечного приступа на железнодорожной станции Царского Села, 30 ноября (13 декабря) 1909 г., И. Анненский выступил на Раевских (Бестужевских) курсах с докладом о древнегреческой литературе. Ф. Зелинский, первым простившийся с покойным, писал через несколько дней: «Вспоминается античная *euthanasia*, вспоминается желание еврипидовой героини *euschemos thanein*, “благообразно умереть”²⁶.

Что касается Иванова, то за несколько недель до своей смерти в разговоре с другом А. Раннитом в Риме он подчеркивает свою преданность Греции: «На прощание я спросил поэта, что он думает о будущем европейской мысли. Он ответил мне улыбаясь, что ничего не знает о судьбах европейской мысли, но одно знает наверное: если ему на том свете не дадут возможности читать, говорить и писать по-гречески, он будет глубоко несчастен»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Директором был тогда Н.П. Раев. См.: Высшие женские Бестужевские курсы. Библиографический указатель. М., 1966.

² См.: *Kazoknieks M.* Studien zur Rezeption der Antike bei russischen Dichtern zu Beginn des 19. Jhs. München, 1968; *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. СПб., 1912.

³ См.: *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 448 (письмо А.В. Бородиной, 1900 г.).

⁴ См.: *Иванов В.* Автобиографическое письмо // *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1971–1987. Т. II. 1974. С. 13, 14.

⁵ См.: *Бердяев Н.* Ивановские среды // *Русская литература XX в.* /Ред. С.А. Венгерова. М., 1916. Т. III.

⁶ См.: *Анненский И.* Речь о Достоевском // *Анненский И.* Книги отражений. С. 235.

⁷ См.: *Анненский И.* Педагогические письма // *Русская школа.* 1892. № 7/8. С. 163.

⁸ См.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред. В. Крейда. Dusseldorf, 1989. С. 29–30.

⁹ См.: *Зелинский Ф.* Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик // *Аполлон.* 1910. № 4. С. 5.

¹⁰ См.: *Анненский И.* Леконт де Лиль и его «Еринии» // *Анненский И.* Книги отражений. С. 404.

¹¹ См.: *Дешарт О.* Вячеслав Иванович Иванов // *Иванов В.И.* Собр. соч. Т. 1. С. 160.

¹² См.: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов – профессор Бакинского университета // *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии.* 1968. № 11. Вып. 209. С. 325, 327.

¹³ См.: *Анненский И.* Книги отражений (письмо от 29.XI.1899). С. 454.

¹⁴ См.: *Мухин А. И.* Анненский. Некролог // *Гермес.* 1909. № 20. С. 611.

¹⁵ См.: *Анненский И.* Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем. СПб., 1916; 1917; 1921.

¹⁶ Редакция и исправления текстов Ф. Зелинским вызвали резкую критику со стороны семьи Анненского, в чем в очередной раз проявились различные точки зрения относительно точности и способа перевода древних текстов на русский язык.

¹⁷ В.Иванов перевел на русский язык и стихотворения Алкея и Сапфо.

¹⁸ См.: *Эсхил.* Трагедии в переводе Вячеслава Иванова / Ред. Н.И. Балашов, М.И. Гаспаров, Г.С. Гусейнов, В.Н. Ярхо. М., 1989.

¹⁹ См.: *Иванов В.* Новые маски (1904), Вагнер и Дионисово действо (1905), Предчувствия и предвестия (1906), Кризис театра (1909), О существе

трагедии (1912), Эстетическая норма театра (1914), О действии и действе (1919), Множество и личность в действе (1920), «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана (1925).

²⁰ См.: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил. Трагедии...* С. 501.

²¹ См.: *Вересаев В.В.* Алкей и Сафо в переводе Вяч.Иванова // *Вестник Европы.* 1915. № 2. С. 6, 390; *Эсхил.* Прометей прикованный. Трагедия. Пер. с греческого С. Соловьева и В. Нилендера. М.–Л., 1927. С. 47 и след.

²² См.: *Анненский И.* «Рес» на гимназической сцене // *Гермес.* 1909. № 10(36). С. 367–369.

²³ См.: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил. Трагедии.* С. 507.

²⁴ См.: *Анненский И.* Ифигения – жрица // *Анненский И.* Театр Еврипида. М., 1921. Т. 3. С. 154, 157.

²⁵ См.: *Иванов В.* Две стихии в современном символизме // *Иванов В.* Собр. соч. Т. II. С. 595.

²⁶ См.: *Зелинский Ф.* Указ. соч. С. 2.

²⁷ См.: *Раннит А.* О Вячеславе Иванове и его Свете Вечернем // *Новый журнал (Нью-Йорк).* 1964. № 77. С. 94.

Ю.В. Иванова
(Россия)

ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

На территории Содружества независимых государств исторически сформировалось несколько этнических общностей греков, разных по происхождению и местам выхода в Россию. Каждый из них имеет свое самоназвание (эндоэтноним), говорит на родном языке, который не всегда понимается остальными греками. Диаспора весьма широка. Однако, среди всех представителей диаспоры стойко держится сознание своего родства, независимо от истинного происхождения каждой этнической общности; сознание это поддерживается возможностью общения на одном языке – русском и постоянным употреблением общего экзоэтнонима, утвердившегося в русском языке – «греки». Сознание общности разных по происхождению групп – основная суть современной этнической ситуации в среде греческой диаспоры.

В эпоху складывания русской этнической культуры мощное культурное и политическое влияние на Древнюю Русь оказывала Византия, начиная с акта крещения Руси тысячу лет тому назад. На протяжении веков в Московии жили греки – деятели культуры, переводчики, торговцы, военные и др.¹ К XVII в. относятся документированные известия о Греческой слободе на окраине Москвы, за рекой Яузой. Никольский монастырь в Китай-городе был пожалован греческой монашествующей братии в XVII в.

Еще в византийские времена в Крыму существовали греческие поселения – возможно, наследники колоний эпохи Великой греческой колонизации I тысячелетия до н.э., например, Херсонес и Феодосия. Этноним Ρωμαίος («ромеос»), который носят ныне в качестве самоназвания несколько групп греческого населения России и других стран СНГ, означает «житель Восточной Римской империи», т. е. Византии.

Многие авторы считают потомками древнего греческого населения тех греков, которые ныне живут компактно на северном побережье Азовского моря, но возможно также, что их предки переселились на Крымский полуостров из Трапезундской империи (которая была расположена на южном побережье Черного моря) или других мест Анатолии.

Ряд специалистов полагают, что под общим названием «греки» подразумевались все жители полуострова христианского вероисповедания (как говорили тогда – «греческой веры») – и потомки древних эллинов, жителей

колоний, и тюрков разного происхождения, находившихся под сильным влиянием византийской культуры. Часть из этих христиан говорила на языке ромейском (или, иначе, крымскорумейском, или же таврорумейском²), другие же, главным образом, населявшие г. Бахчисарай, его окрестности и села, расположенные к югу и юго-западу от него, употребляли язык крымских татар. О происхождении этой группы греков в литературе имеются различные мнения: их предками называли алан³, готов⁴, половцев, тех славян, которые оказались на полуострове в качестве рабов и говорили на языке своих хозяев⁵, и, наконец, принявших христианство татар и турок или же группу христиан (возможно, греческого происхождения), перенявших тюркский язык еще в Анатолии до переселения в Крым.

Надо думать, что при формировании этнической общности, которая под именем крымских греков упоминалась в документах конца XVIII в., имели место несколько одновременно действовавших факторов: древнее население Таврики принимало христианство, греки, жившие в Бахчисарае и близлежащих селах, постепенно воспринимали язык окружающих их татар (не случайно в народной памяти сохранились предания о грекоязычности их предков). Здесь сказался престиж культуры социально превосходящего этноса, тем более, городской культуры; кроме того, постоянным и оживленным было бытовое общение.

Одним словом, происхождение средневекового христианского населения южного берега Крыма и его горной зоны имело за собой сложную историю. Когда в последней четверти XVIII в. российское правительство проявляло активную заинтересованность во влиянии на Крым, а затем и в присоединении полуострова к своим владениям, российские деятели нашли там около 30 тыс. человек, которые между собой называли себя ромеями, а в общении с другими людьми – греками, исповедовали православие и говорили на двух языках – румейском и татарском.

В 1779 г. по распоряжению правительства Екатерины II из Крыма были выведены христиане – греки, армяне, волохи и грузины. Греки были расселены (после некоторого перемещения в поисках удобных для жизни мест) по северному побережью Азовского моря между реками Кальмиусом, Волчьей и Мокрые Ялы (современная Донецкая область Украины). В 1807 г. был образован Мариупольский греческий округ со своим самоуправлением, судом и проч., что позволило длительное время сохранять сравнительно замкнутый быт, своеобразие культуры и общественных отношений. В 1859 г. самоуправление было ликвидировано, приселение людей других национальностей стало активным, хозяйственное развитие оживленным, урбанизация шла быстро⁶.

В настоящее время «мариупольские» (от имени их административно-го и культурного центра г. Мариуполя), или «донецкие», греки – компактно расселенная этническая общность. Самоназвание Ρωμιός (ед. число мужск. рода). Половина из них в качестве языка домашнего общения и устного народного творчества употребляют пять вариантов ромейского языка, который специалисты относят к разряду диалектов новогреческого языка⁷. В их лексике присутствуют и тюркизмы, и русизмы, и украинизмы, что естественно при смешанном расселении и интенсивном процессе урбанизации и вестернизации культуры⁸. Другая же половина греческого населения Мариупольщины в быту говорит на крымско-татарском языке, она еще больше расположена к усвоению русского языка в бытовой сфере. В Донецкой области школьное обучение, делопроизводство, весь объем аудио-видео-информации осуществляется на русском, частично на украинском языках.

Профессиональное творчество особенно интенсивно развивалось во второй половине 1920-х и до середины 1930-х годов: издавались газеты, поэтические произведения, детская литература на местном румейском (сначала на упрощенной греческой графике, потом на приспособленной к фонетическим особенностям русской графике) и на татарском языке (также на русской графике). Школьных учителей готовила семинария в г. Мариуполе. В 1937–1938 гг. национальная культура была разгромлена. По крайней мере два поколения греков Мариупольщины не получали образования на родном языке.

С конца 1980-х годов возобновилась национальная культурная жизнь. В ее основе – фольклорные формы культуры, практически никогда не исчезавшие, а ныне получившие активную поддержку в виде многочисленных ансамблей, ежегодных сельских праздников. Характерны реминисценции культурных навыков, идущих еще из крымской эпохи: борьба на поясах (куреш), победители в которой получают в качестве приза барана, – любимое и неперенное развлечение на всех праздниках; в устном народном творчестве – рубайи в поэзии и дастан в прозе.

Современная этническая ситуация в среде мариупольских греков характеризуется греко-русским бикультуризмом и русско-ромейским или русско-татарским двуязычием. Референтной группой (носителем престижной формы культуры) в течение XIX в., особенно в его последней трети, стал российский город. Он сохраняет такую позицию и в наше время, хотя точнее следует говорить об общеевропейской городской модели культуры.

Согласно переписи 1989 г., в Донецкой области числилось свыше 83,5 тыс. человек греков, из них 21,5 тыс. человек в сельской местности. В городах Мариуполе, Донецке, в районных центрах и в селах греки живут смешанно с украинцами, русскими и людьми других национальностей. Высок процент смешанных браков.

* * *

Иное происхождение имела та часть греческой диаспоры, которая появилась в России преимущественно после завоевания Балканского полуострова турками-османами и падения Византийской империи (1453 г.). Россия стала опорой и защитницей православных подданных Османской империи. Миграционные волны с Балканского полуострова и островов Эгейского моря подымались вследствие русско-турецких войн. Наибольший приток мигрантов пришелся на период с 1775 по 1812 гг. Многие греки жили в Москве и Санкт-Петербурге, состояли на военной и гражданской службе, со временем пополняли российское дворянство и купечество⁹. Основная же масса расселялась в южной приморской полосе – исторической области Новороссии¹⁰. С XVII в. существовала греческая община в г. Нежине. В новом российском городе Одессе греки составляли 10% его жителей¹¹. Крупные греческие контингенты были в городах Николаеве, Херсоне, Таганроге. В 1812 г. к России отошло междуречье Прута и Днестра; в южную его часть двинулись значительные волны переселенцев из балканских земель, принадлежавших Османской империи. Греки обосновались в Измаиле, Аккермане, Хотине, Рени, Кишиневе и других местах¹².

В Крыму вновь появилось греческое население, но это были люди иного, чем старожилы, происхождения: говорили на новогреческом языке и несли с собою культурные навыки балканской Греции. Много беженцев прибывало с островов, их называли «архипелажские греки». После успешных военных действий командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова в 1790-х годах значительная группа греков, поддерживавших российские силы против турок, обосновалась в Балаклаве. Их потомки до сих пор выделяют себя (в частности, по диалекту) и называются «ушаковскими греками».

Греки южной полосы России на первых порах несли пограничную военную службу: Греческий дивизион, набранный из греков и албанцев, помогавших русскому флоту, просуществовал до 1819 г., а Балаклавский греческий пехотный батальон – до 1859 г. Мореходство, рыболовство и торговля были главными занятиями причерноморских греков. Кроме того, они занимались ремеслами, виноградарством, хлебопашеством.

Первое время связи между колониями эмигрантов были оживленными: основывались учебные заведения, играли любительские театры, поддерживалось общение с соотечественниками в Греции и во многих городах Европы¹³. Особенно большую роль сыграло «Дружеское общество» («Филики этерия»), возникшее в Одессе в 1814 г. и ставшее центром подготовки восстания против османской власти на Балканах. Национально-освободительная

война греческого народа, начавшаяся 25 марта 1821 г. и завершившаяся признанием независимого греческого государства в 1830 г., оказала сильное влияние на общественную мысль в России, как и во всей Европе¹⁴.

В последующее время, на протяжении XIX и XX вв., греческая диаспора на Европейской части России постепенно размывалась, компактность расселения ослабевала, шла естественная ассимиляция русским и украинским этносами.

Греческая этническая общность сохранялась в этот период в Крыму. Его заселяли выходцы с материка и с островов. Самоназвание их эллины (ο έλληνας ед. число мужск. рода), язык – эллинский (τα ελληνικά). В большинстве своем они расселялись по южному побережью в сельской местности и в городах – Ялте, Евпатории, Керчи, Феодосии и др. Были среди них некоторые бытовые и языковые различия, например, евпаторийский говор отличался от балаклавского и т. п. В начале XIX в. в Феодосию приехало около полутора тысяч греков из Анатолии, принадлежавших к иной по происхождению греческой общности – понтийской. Приток понтийцев происходил и в 1918 г., когда множество христиан вынуждено было покинуть пределы Турции, а также в 1920-е годы в связи с передачей Турции Карсской области, принадлежавшей до тех пор России, где сосредотачивались христиане разных национальностей. Всего в Крыму, согласно переписи 1939 г., числилось 20,6 тыс. греков.

В 1944 г. после освобождения Крыма от немецкой оккупации разразилась политическая катастрофа: из Крыма были выселены греки, татары, болгары, армяне (немцев выслали в самом начале войны). «Спецпереселенцы», как их тогда называли, оказались разбросанными на громадных просторах России, включая Приуралье и Зауралье, Поволжье, Сибирь, республики Средней Азии¹⁵. Было выселено около 14,5 тыс. греков, в настоящее время вернулась примерно половина этого числа, однако не все они бывшие крымчане, много людей иного происхождения (некоторые крымские греки оседают на Северном Кавказе).

Современных крымских греков нельзя считать этнической общностью: это люди разного происхождения, носители различных родных языков. Объединяет их общее самосознание, которое присуще всем поколениям. Насущные нужды обустройства репатриантов и потребность общения на почве родной культуры составляют основу деятельности греческих земляческих обществ.

* * *

Греки, живущие в странах Закавказья и Северного Кавказа, принадлежат к территориально-языковой группе греческого этноса, известной под именем понтийской, т.е. расселенной по берегам Понта (Черного моря Εὐξεινός Πόντος). Их далекими предками были ионийцы, освоившие на рубеже II и I тысячелетий до н.э. побережья Малой Азии, и более поздние колонисты на этом полуострове. Со времени расселения в Малой Азии турков, – предков современных турок, – начиная с XIII в., местное земледельческое грекоязычное население или подвергалось постепенной тюркизации¹⁶, или же концентрировалось на Черноморском побережье в Трапезундской империи (XIII–XV вв.). В 1461 г. Трапезунд был завоеван турками и превратился в провинцию Османской империи. Наряду с греками в этой местности жили лазы, армяне и др. Изолированное положение этой группы позволило длительное время, вплоть до XX в., сохранять язык, религию и основные черты культуры.

Другим районом сосредоточения греков была область Шерия (или иначе Хериана) в горных районах Понта. После падения Трапезундской империи большое число греков сосредоточилось вблизи г. Гюмюшхане (или Аргирополиса). Там они работали на металлоносных рудниках, получая от османского правительства определенные льготы. Кроме того, занимались также добычей и обработкой мрамора¹⁷. Камнерезное мастерство, так же как и строительное дело, стало весьма характерным занятием их потомков, расселившихся в Закавказье. Ремесленная специализация послужила поводом миграционных потоков в Закавказье во второй половине XVIII в.¹⁸ В Армению для горных работ были приглашены греческие рабочие. Они поселились вокруг Ахтальских и Алавердских свинцово-серебряных рудников. В 1829 г. часть из них вследствие упадка горного дела в Армении переселилась на плато Цалка в Западной Грузии. Язык этой группы, характеризующийся своеобразием, значительными архаизмами, О.С. Широков предлагает называть кап-подокийским, или центральнокавказским, диалектом новогреческого языка (можно его определить и как самостоятельный язык, близкий к новогреческому)¹⁹.

В районе Шерии, несмотря на эмиграцию в Армению и другие местности, – особенно с середины XIX в., когда рудники истощились и их рабочие лишились былых привилегий, – греческое население сохранялось вплоть до 1919 г. – времени бегства всего христианского населения из Турции²⁰.

В 1828 г. после войны с Персией к России перешли ханства Эриванское и Нахичеванское (Восточная Армения). Туда стали переселяться христиане из Персии, среди них были греки. К началу XX в. районами наибольшей концентрации греческого населения в Восточной Армении стали Карсская область, Лори, Ширак, Гехаркуник, Зангезур. Греки жили и в городах, и

в селах – моноэтничных или со смешанным населением, где обычно образовывали отдельные кварталы. Занятия их – земледелие, в горных зонах – пастбищное скотоводство. В бытовой культуре преобладали черты переднеазиатского культурно-исторического комплекса, а в ее деталях просматриваются элементы типично греческие²¹.

Греческие миграционные потоки были особенно сильны на протяжении XIX в. Для их регулирования и обустройства вновь прибывавших людей в 1810 г. в Тифлисе был учрежден «Комитет по переселению христиан из Турции на Кавказ». В 1829 г. после военного поражения Османской империи к России отошло черноморское побережье, но одновременно Османской империи возвращались принадлежавшие России области Карс, Ардаган, Баязет, Эрзерум, где под защитой российских законов сосредотачивалось христианское население; теперь значительная его часть направилась в пределы России.

В 1860-х годах после окончания Кавказской войны интересы Османской империи, провоцировавшей переселение в ее пределы кавказских горцев-мусульман и ногайцев (что создавало земельную тесноту и еще более усложняло жизнь христианских подданных империи), совпадали с интересами российского правительства, стремившегося заселить опустевшие земли новыми подданными. Греков, покидавших Османскую империю, в частности, и из окрестностей Трапезунда (по-турецки – Трабзона), направляли на Северный Кавказ; была создана специальная Межевая комиссия в Ставропольской губернии, разработана система льгот (в частности, освобождение от постоя войск, отправления различных повинностей), обеспечения строительными материалами и посевным зерном.

В 1878 г. по условиям мирного Сан-Стефанского договора к России снова отошли Карс, Ардаган, Баязет. Многие греки, из числа еще оставшихся в Трабзоне, направились туда. В Карсской области они составили 11% населения. Одновременно к России присоединились окрестности Батума. Вблизи этого города на склонах гор, обращенных к морю, возникла цепочка греческих сел. В Абхазии к концу XIX в. греки составляли 5% населения²².

Кавказ и Закавказье не были совсем чуждыми краями для переселенцев: некоторые из них имели связи с родственниками, ранее там поселившись, другие были знакомы с этими местами, так как работали сезонниками – каменщиками и строителями. Многие греческие мореходы и купцы издавна посещали порты Новороссии, Крыма, прикубанские земли. До сих пор в Адыгее живет некоторое число греков, сохранивших адыгейский язык, – по всей вероятности, потомки давних поселенцев²³.

Освоение новых мест было нелегким, порою мучительным: на Северный Кавказ высылали ходоков для поиска лучших мест, они не всегда соглашались с предложениями администрации; случалось, что группа семей,

уже освоивших определенную местность, при затруднениях в хозяйственной деятельности или же при малейшей угрозе столкновения с русскими перво-поселенцами, особенно с казаками, снимались с обжитых мест и переходили на новые. Навыки земледелия в новых условиях давались с трудом²⁴. Повторение вновь прибывших в уже существовавшие поселения было обставлено строгими условиями. Те, кто не получали российского гражданства, были как нежелательные иностранцы удалены с Кубани за границу в 1898 г.

Первые десятилетия XX в., особенно годы после начала первой мировой войны, были наполнены трагическими событиями: печально известная «армянская резня» 1915 г. заставила армян, греков, айсоров и других христиан спасаться в буквальном смысле бегством за российскую границу. И снова Карс оказался в руках турок, и снова его жители уходили на север, в северокавказские села, где до сих пор потомков отличает своеобразный «карсский» говор.

Греко-турецкая война 1919–1922 гг. завершилась Лозанским договором об обмене населением. Многие греки из Трабзона и других мест намеревались отплыть в Грецию из Батума и Новороссийска, но не всем это удалось, случалось, что родственники, семьи оказывались разлученными (их потомки ныне ищут друг друга и находят на Балканах, в России, в Закавказье).

Процесс формирования греческого населения Закавказья и Северного Кавказа завершился в начале 1920-х годов²⁵. В начале 1930-х годов было образовано несколько греческих автономных районов и национальных сельских советов. В результате ряда преобразований к 1932 г. появились три района в Украине и по одному – на Северном Кавказе, в Абхазии и на Цалке.

По основным чертам культуры, в том числе и по языку и самоназванию греки Закавказья и Северного Кавказа составляют этническую общность. Самоназвание Ρωμαίος («ромеос» – ед. число мужск. рода), Ρωμαίσα (ед. число женск. рода), язык Ρωμαίικα («ромейка» или «ромейкон»). В самой Греции население причерноморских земель известно под названием Πόντιοι. В русском варианте «понтиец», «понтийцы», язык «понтийский». Это областное название укоренилось в словарном обиходе самих кавказских греков: они употребляют его, когда говорят по-русски. Язык «ромейка» или «понтикак» («понтийский») некоторые исследователи признают самостоятельным, таксономически равным современному литературному языку димотика, другие – диалектом димотики²⁶.

Процесс расселения греков – выходцев из Османской империи и их укоренение на Кавказе открывает нам адаптивные свойства этой этнической общности как по отношению к естественно-природным условиям, так и по отношению к социальной среде. Адаптация – один из видов нормальной жизнедеятельности человеческого коллектива²⁷, однако каждый этнос характеризуется степенью адаптационных возможностей. При разнообразии спо-

ков и обстоятельств переселения греческие мигранты обладали одной чертой – высокой адаптивной возможностью и в плане природопользования, и в плане ориентации в полиэтничной и социально сложной среде, в которой они оказались²⁸. Эти две линии адаптационных процессов между собою неразрывно связаны и зачастую причины и следствия этих связей меняются местами. «Для генофонда, – пишет Ю.Г. Рычков, – общество есть такая же среда и условие его жизни, как воздух, вода, климат и вся неживая и живая природа в целом. Духовная жизнь общества, его культура и мораль, общественные отношения, уровень развития производительных сил – все это прямо или косвенно сказывается на генофонде...»²⁹.

Внутри этнической общности кавказских греков можно различить несколько локальных групп, каждая из которых обладает определенным, только ей свойственным комплексом культурных особенностей, обусловленных главным образом направлением хозяйственной деятельности и условиями быта, а также культурой окружающего населения. Не всегда помогали традиционные формы хозяйства, отработанные на родине, порою приходилось осваивать новые, соответствующие природным условиям новых мест. В Аджарии на крутых склонах гор греки освоили террасовое садоводство, специализировались на разведении цитрусовых и чая, их культура, – в значительной степени европеизированная, – оказала влияние на их непосредственных соседей – аджарцев. В Абхазии главной товарной культурой стал табак, на Цалке – картофель, в Западной Грузии – фруктовые культуры. В горных местностях Грузии при возведении типичных для горцев двухэтажных домов ведущей оказалась грузинская традиция. Греки Северного Кавказа, – земледельцы и огородники, – весьма близки по культурным навыкам к русскому населению. Их специфический род занятий – выращивание табака, ценные сорта которого были вывезены из Трабзона.

Социальной адаптации мигрантов способствовали следующие факторы: общественные и семейные связи, толерантность по отношению к людям иной культуры, социальная мобильность.

Кавказ, как упоминалось выше, был в некоторой степени освоен отходниками-ремесленниками из Трабзона и других районов Османской империи. При выборе новых мест поселения имела значение личная осведомленность переселенцев. По следам отходников – каменщиков и строителей, – двигались, например, группы из Трабзона, осевшие в Аджарии, а также группы, обосновавшиеся в селе Мерчанское (1864 г.), в Красной Поляне (начало XX в.) и др. Ремесленная деятельность позволяла и помогала адаптироваться в городских условиях жизни. Греки-горожане заняли определенную нишу в хозяйственной жизни: они почти монополизировали хлебопекарное дело, работали сапожниками, в портах – рабочими, грузчиками, на побережье про-

мышляли рыболовством. Конечно же, они продолжали свое традиционное занятие камнерезным и строительным делом.

Другим чрезвычайно существенным фактором адаптации была глубокая традиция родственных и общественных связей. При переселении каждая семья не была предоставлена сама себе, но находилась в коллективе. Мигранты редко растекались одиночными семьями или малыми группами: предпочитали селиться сообща. Иногда случалось, что эмигранты расселились в местностях малообитаемых: в грузинских землях им зачастую предоставлялись заброшенные по разным причинам грузинские села, Цалкинское плато в Западной Грузии было практически неосвоенным до их расселения, на горных склонах близ Батума не было селений до водворения греков и т.д. Но и в этих малообжитых местах приходилось, естественно, вступать в контакты с окружающим населением, считаться с его бытовыми навыками и общественными установками. По большей же части вновь прибывающие греческие группы вливались в состав населения, сложного по этнической принадлежности, еще не укоренившегося и потому подвижного и плохо управляемого. Особенно это касается Северного Кавказа. Еще в конце XVIII в. там появились мигранты из разных мест России; в течение XIX в. прибывали новые. Здесь были казаки разного происхождения, отставные солдаты, отпущенные на волю крестьяне, беспаспортные бродяги, стремившиеся влиться в казачество, разночинцы и т. п. Были здесь крещеные чуваша, эстонцы, немцы, основавшие земледельческие колонии, армяне, промышлявшие ремеслами и торговлей, поляки – военнопленные из войск Наполеона, цыгане, татары, некрасовцы, члены разных религиозных сект и проч.³⁰ Стихийная колонизация, сложные земельные отношения создавали неустойчивое, беспокойное состояние мигрантов. Приходилось принаравливаться также к государственному и административному режиму Российской империи, к ее законам и порядкам.

В этой обстановке греки проявили способность и психологическую готовность к усвоению иной культуры, высокую степень толерантности.

Во вновь возникающих селах жизнь обеспечивалась системой взаимопомощи. Сразу возникал центр общественного притяжения – церковь и школа, вокруг располагалась жилая застройка, причем дома возводили по очереди всем коллективом. Идеологической основой внутригрупповой сплоченности служило православное вероисповедание.

Община и семья с их крепкими устоями помогали выжить в трудных условиях переселения. И одновременно необходимость искать способы выживания заставляла людей держаться за общинные традиции, за прочные семейные узы. Так причина и следствие постоянно менялись местами, создавая единый психологический фон жизни односельчан, а также горожан: люди

одной национальности в больших и малых многонациональных городах были объединены взаимной поддержкой.

Мигранты последующих волн, прибывавшие в уже построенные населенные пункты, в села и города, например, в Новороссийск и его окрестности, как правило, встречали доброжелательный прием. Последняя миграционная волна из Карсской области целиком влилась в уже устоявшуюся жизнь соплеменников. Прослышав о прибытии карсских беженцев, жители села Мерчанское и других соседних выезжали с подводами встречать вновь прибывших, принимали на свои подворья, помогали обустроиваться самостоятельно. Часть карсских осела в Екатеринодаре тоже не без помощи местных греков, имевших весьма приличные доходы от торговли табаком.

Историческая память до сих пор сохранила групповые наименования в соответствии с местами выхода из Турции «трабзонские греки», «самсунские греки», «карс-оглы» и др.

* * *

Самостоятельную этническую общность представляют собой греки, говорящие на турецком языке, расселенные на Цалкинском плато в Грузии. Переселение их предков произошло вследствие русско-турецких войн 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Живя во внутренних областях Анатолии в плотном окружении турок, они восприняли анатолийский диалект турецкого языка на бытовом уровне. Возникавшее в разное время предположение, что они были тюрками, принявшими христианство, опровергается данными языка, сохранившего греческие элементы, некоторыми особенностями культуры и народной памяти. Хотя и не исключено, что к потоку беженцев присоединялись и иные по происхождению христиане, растворившиеся со временем среди преобладавших греков³¹.

Цалкинское плоскогорье было выбрано для поселения благодаря удобным угольям для пастбищного скотоводства. Позже его сменила культура картофеля как главная товарная отрасль хозяйства. Дополнительные средства давали отхожие промыслы, главным образом строительное дело. Бытовая культура цалкинских греков входит в обширный комплекс переднеазиатской культурно-исторической области; этим они отличаются от остальных понтийцев, культура которых в данный комплекс не входит или входит лишь частично. Например, характерны жилые дома, углубленные в землю, бытовавшие примерно до середины или конца 1940-х годов (аналоги им можно встретить на северо-востоке современной Турции, в Армении и Грузии), женский традиционный головной убор на твердой основе³² и другие элементы культуры.

Несколько позже (в 1830-х годах и после Крымской войны 1854–1856 гг.) в непосредственной близости поселились греки-понтийцы. Соотношение турецкого, греческого, грузинского и русского языков представляет собой интереснейшее явление поликультурной и полилингвистической ситуации. Турецкий язык в одних случаях и понтийский – в других употребляются преимущественно в семейной жизни и частично в производственной деятельности. Турецкий часто используют и понтийцы для общения с тюркофонами (наряду с русским) в местах их компактного расселения. Грузинский язык знают немногие и необходимость в нем до начала 1990-х годов была невелика, так как окружающее население преобладало негрузинское (азербайджанцы, армяне, русские). Русский – язык школьного обучения, делопроизводства, всех видов информации, аудио-визуальной культуры был главным средством общения между всеми жителями этого многонационального района, заместив, таким образом, функционально турецкий язык.

Названные языки обслуживают людей разных поколений: младшее, особенно горожане, все более предпочитает в общении между собою употреблять русский; турецкий ему нужен лишь для общения со старшими родственниками, еще меньше нужды в нем испытывают покидающие свою родину цалкинцы: в 1930-х годах происходило плановое переселение в Ставропольский край в связи с постройкой водохранилища; в 1990-е годы из-за сужения производственной базы и одновременного повышения требований к качеству жизни происходило переселение цалкинцев, особенно молодежи, на Северный Кавказ (по преимуществу в район Кавказских Минеральных Вод). Там они активно вливаются в массив греков-понтийцев, стараются овладеть их культурой, изучают литературный греческий язык.

Таким образом, турецкие культурные элементы, в том числе и язык, уходят из культурного фонда. Это явление вполне аналогично тому, что происходит в среде татароязычных греков Приазовья. На первых порах после переселения языком общения между разными греческими группами служил крымско-татарский (на нем говорили жители главного города греческого ареала – Мариуполя). Он довольно скоро потерял свое значение, уступив место русскому. Одновременно выходили постепенно из употребления этнические детали быта (одежда, некоторые особенности внутреннего декора жилого дома и др.), воспринятые из турецко-татарского культурного комплекса (дело в том, что культура крымских татар испытала сильное влияние турецкой). И у приазовских, и у цалкинских греков турецко-татарские культурные навыки являлись следствием культурной интерференции (вхождения), они сходят на нет при перемене социальной обстановки, теряя со временем свои престижные функции³³.

Цалкидские греки, даже те, кто практически не владеет греческим языком, субъективно признают его своим родным, выражая таким способом свою принадлежность к греческому этносу. Литературный греческий язык (димотика), усвоить который понтийцы (а тем более цалкинцы) могут только путем специального обучения, превратился в национальный символ, в моральную ценность, эмоционально окрашенную³⁴.

Численность греков Закавказья и Северного Кавказа сейчас определить весьма трудно, так как среди них, начиная с конца 1980-х годов, сильна установка на эмиграцию в Грецию. Ее вызвала общая нестабильная обстановка в кавказском регионе, националистические тенденции грузинского правительства Гамсахурдии (несмотря на попытки правительства Э.А. Шеварнадзе восстановить терпимое отношение к национальным меньшинствам в Грузии, механизм эмиграции уже запущен), но главное – грузино-абхазский и грузино-осетинский военные конфликты. По данным переписи 1989 г., 27,9% всех греков тогдашнего СССР жили в Грузии: 100 тыс. человек, что составляло 1,9% населения республики; в Краснодарском крае насчитывалось свыше 30 тыс. человек, в Ставропольском – около 28,5 тыс. в Северной Осетии около 3 тыс., в Адыгее свыше 1,5 тыс. человек.

* * *

В переписях населения под общей рубрикой «греки» включается и небольшая группа – потомки греческих политэмигрантов – бойцов народно-освободительной армии Греции, в 1949 г. эмигрировавших в СССР. Это были носители литературного греческого языка и современной культуры, их общественный и политический центр находился в г. Ташкенте, где до середины 1970-х годов (начало массовой реэмиграции) концентрировались эмигранты. Личные судьбы отдельных семей разводили их по разным городам страны. Сейчас в Ташкенте насчитывается около 5 тыс. человек бывших политэмигрантов и членов их семей, значительная часть которых состоит в этнически смешанных браках. Деятельность Ташкентского общества греков смыкается с усилиями других объединений греков России (и шире – СНГ), направленными на сохранение и дальнейшее развитие национальной культуры.

* * *

Естественный ход жизни российских греков был дважды не раз нарушен событиями, связанными с политической обстановкой в стране. В 1937–1938 гг. была пресечена вся культурно-просветительская деятельность: закрыты газеты, журналы, театры и т.п. учреждения, деятели культуры под-

верглись репрессиям. Школы в России, на Украине и в Грузии переведены на обучение на русском языке. Люди боялись сознаваться в своем знании греческого (бывали случаи, когда учителя уничтожали книги и учебники). В 1944 г. были выселены греки из Крыма (вместе с другими коренными жителями полуострова, о чем уже упоминалось выше), в начале второй мировой войны некоторые группы греческого населения были выселены с Кавказа (например, из Баку), в 1949 г. произошло массовое выселение его из Абхазии, частично из Аджарии, Цалки, Северного Кавказа, причем людям не предъявляли никаких обвинений, не давали каких-либо объяснений этой акции. В результате греки оказались рассеянными на обширных пространствах России, включая далекий Север, а большинство попало в Казахстан и республики Средней Азии. Широкая греческая диаспора наших дней по России и вообще в СНГ – это следствие исторических событий двоякого рода: во-первых, – результат естественного включения греков, как и граждан всех других национальностей, – в хозяйственную и культурную жизнь огромной страны (тяга к образованию и высокая социальная мобильность всегда была им присуща), а во-вторых, (и это главное!) – это следствие принудительной высылки из родных мест: многие «спецпереселенцы» и их дети осели в местах бывшей ссылки.

Перепись 1989 г. зарегистрировала греческое население в Казахстане свыше 46,7 тыс. человек, в Узбекистане – около 10,5 тыс. человек. Кроме исторических мест расселения, уже упомянутых выше, а также кроме Москвы (свыше 3,5 тыс. человек) и Московской области (около 1,5 тыс. человек), характерно расселение в следующих местах (в порядке убывающей численности): Тюменская область (свыше 2 тыс. человек), Челябинская и Свердловская области, Башкирия, Татария и Ханты-Мансийский округ насчитывали свыше 1 тыс. человек, в Якутии проживало свыше 600 человек, в Ямало-Ненецком округе и в Республике Коми – около 500 человек, в Чукотском округе, Удмуртии и Хакасии несколько менее двухсот человек, по несколько десятков человек – в Карелии, Туве, Марийской и Мордовской республиках. Во всех перечисленных республиках и областях греков расселяли по преимуществу в сельской местности. Пути к образованию и профессиональной квалификации им были искусственно затруднены. Как следствие – понижение социального уровня. После реабилитации и снятия запретов с бывших «спецпереселенцев» он стал быстро повышаться. Согласно переписи 1989 г., в Российской Федерации в городах насчитывалось 66,5% всех греков (около 61 тыс. человек), в селе соответственно – 33,5% (около 31 тыс. человек)³⁵.

Насильственное переселение целых народов имело трагические последствия и для них самих, и для государства в целом: когда подвергались

разрушению культура, гражданское состояние и сама жизнь нескольких народов, расшатывались моральные устои населения всей страны.

Для репрессированных народов физические страдания, приведшие к смерти сотен людей в переполненных эшелонах, в неприспособленных для жизни местах высылки, усугублялись утратой своей культуры, по крайней мере два поколения выросли, не зная родного языка. Люди оказались в тяжелых условиях и вынуждены были при определенных возможностях менять в документах сведения о национальности, тем более, что процент смешанных браков, главным образом с русскими, был велик. В настоящее время не только греки, но и представители других репрессированных народов, оказавшихся в столь же трудных условиях, стремятся вернуть себе национальную принадлежность отцов. Одновременно стараются восстановить греческое написание и звучание фамилий, в значительной степени уже русифицированных (особенно это касается цапкинских греков).

14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР провозгласил декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В июне 1991 г. Совет министров СССР издал постановление, отменявшее все решения бывшего ГКО относительно советских народов, подвергшихся репрессиям³⁶.

Греки Казахстана и Средней Азии за минувшие четыре с половиной десятилетия в известной степени укоренились, создали своеобразный культурный комплекс: развели садово-виноградарское хозяйство, наладили быт в соответствии с национальными вкусами. В их эстетике, например, в традиционных костюмах многочисленных ансамблей песен и танцев, чувствуется прямое восточное влияние. Эту группу нельзя считать этнической общностью: в непосредственном общении оказались высланные жители Кавказа, носители понтийского языка (или диалекта) и греки, жившие в Одесской, Херсонской областях, в Крыму и т.д., имевшие другие языки и другую культуру. Хотя, живя плотными анклавами, они и создали определенный хозяйственно-культурный тип. И эту группу затронули политические события конца 1980-х годов³⁷.

Отрыв от родных корней, нарушение естественного накопления генофонда создает неустойчивое моральное состояние. Потомки жителей Кавказа, Крыма, Южной Украины, несмотря на определенное укоренение на новых местах жительства, при возникновении политических коллизий и межэтнических трений уезжают на Северный Кавказ или в Крым (причем далеко не всегда на свою родину, а в соответствии с конкретными возможностями — куда придется), но, столкнувшись и там с бюрократическими препонами и

материальными затруднениями, уезжают в Грецию. Возникает смятенное душевное состояние вечных транзитников.

Для греков характерна высокая степень урбанизации быта; для сельчан не менее, чем для горожан, высок престиж общеевропейской городской модели. Однако, как установлено наукой, «... унификация цивилизации означала бы потерю ее адаптационного потенциала и в конечном счете стагнацию и гибель»³⁸. Внимание деятелей общественного движения греков направлено на развитие этнической культуры, на передачу ее последующим поколениям. Современное общественное сознание в России этому направлению благоприятствует. Следовательно, ситуационное поведение зависит от общественно-политической обстановки. Уровень устойчивости этнического сознания – это уровень сохранения этноса.

В годы репрессий, когда приверженность национальным ценностям не поощрялась, действовал внутренний психологический фактор: глубинная приверженность людей к этническим ценностям своих предков, к их предпочтениям и запретам. Одновременное действие таких противоположных сил, как внешний отказ от этнических установок (забвение языка, разрушение церквей и т. п.) и внутренняя к ним приверженность (тайное посещение разрушенных церквей, фольклорные формы проведения досуга) привело к такому явлению как сохранение, а ныне даже взрыву этнического самосознания при понижении уровня владения родным языком, а у значительного процента населения и полной его потере (44,5% российских греков считает родным языком греческий, а 52,3% – русский³⁹). Таким образом выясняется, что владение родным языком и уровень этнического самосознания не коррелируют между собою напрямую.

Этническое самосознание и этническая самоидентификация основываются на трех главных составляющих: на представлениях об общности происхождения и единстве культурного фонда, на православной религии и на признании литературного греческого языка, димотики, как связующего звена для всех иноязычных греков. Восприятию этих факторов на эмоциональном уровне сопутствует все более возрастающий интерес к жизни Греческого государства; литературный язык становится символом этнической общности и отвечает прожективному поведению. Символическое значение приобретают и стереотипизированные нормы поведения – обряды, обычаи, этикет. Для обыденного сознания устойчивость ритуала представляется залогом благополучия всего общества. Православная религия – также важный символ этнической общности, ведь в прошлом она именовалась греко-православной верой, или даже еще короче – «греческой верой».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Снегирев В.А.* Московские слободы. М., 1956. С. 35, 120, 200, 203; *Флоря Б.Н.* Выходцы из балканских стран на русской службе (рубеж XVI–XVII вв.) // Балканские исследования. Вып. 3 – Освободительные движения на Балканах. М., 1978. С. 57–63.

² Первый термин предложен А.А. Белецким, второй – О.С. Широковым.

³ *Григорович В.И.* Записки антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус. Одесса, 1874.

⁴ *Браун Ф.А.* Мариупольские греки // Живая старина. СПб. 1890. Вып. 2. С. 78–92.

⁵ *Гаркавец А.Н.* О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья // Советская тюркология. 1981. № 2; *Он же.* Тюркские языки на Украине. Киев, 1988.

⁶ *Иванова Ю.В.* Особенности формирования хозяйственного комплекса многонационального района Приазовья // Культурно-бытовые процессы на Юге Украины. М., 1979. С. 74–91. Там же см. библиографию вопроса. См. также: *Джуха Н.Г.* Одиссея Мариупольских греков. Вологда, 1993; *Кузьминков Л.Н.* Переселение крымских греков в Северное Приазовье в 1778–80 гг. Мариуполь, 1997.

⁷ Нет единой, общепризнанной классификации языков (или же диалектов, или же говоров) греческой диаспоры. В настоящей работе придерживаемся классификации, предложенной О.С. Широковым – см.: *Широков О.С.* Введение в балканскую филологию. М., 1990. С. 44–45.

⁸ *Чернышова Т.Н.* Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты Первомайского района Сталинской области. Киев, 1958; *Она же.* Тюркські елементи в соціальній сфері лексики грецьких говіров Донеччини // Мовознавство. 1975. № 4.

⁹ *Арш Г.Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М., 1976; *Он же.* Ипсиланти в России // Вопросы истории. 1985. № 3; *Он же.* Евгений Булгари в России // Вопросы истории. 1987. № 4; *Бочкарева С.И., Вяземская Е.К.* Россия и Балканы в XVIII – начале XIX в. // Балканские исследования. Вып. 5 – Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979. С. 41–79.

¹⁰ *Арш Г.Л.* Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. 1969. № 3.

¹¹ *Кирпичников А.И., Маркевич А.М.* Прошлое и настоящее Одессы. Одесса, 1894.

¹² *Иванова Ю.В., Чижикова Л.Н.* Из истории заселения Южной Украины // Культурно-бытовые процессы... С. 5. Там же см. библиографию вопроса.

¹³ *Патулидис К.* Просветительская и культурная деятельность греков Одессы в XIX и XX вв. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989.

¹⁴ *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970; *Он же.* И.Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976; *Пятигорский Г.М.* Движение за национальное освобождение Греции и греки Одессы. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1985.

¹⁵ Население Крымской области по данным переписи населения. Симферополь, 1989. С. 8–10.

¹⁶ *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. М., 1971.

¹⁷ *Попадиус А.Г.* География поселения, экономическое положение, быт, нравы и причины переселения греков Шерии в Россию в 60-е годы XIX в. // Вопросы истории понтийских греков в России. Пятигорск, 1994. С. 31–33.

¹⁸ *Харацидис Э.К.* Хозяйственный быт и материальная культура греческого населения Восточной Армении во второй половине XIX – начале XX века. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ереван, 1990. С. 6, 7. Появление греков на землях будущей Армении датируется IV–I вв. до н.э., наиболее значительная миграция – в IV–VI вв. н.э. В XIII в. (арабское нашествие) произошел отлив христиан в Трапезунд. Во второй половине XVIII в. – новый этап греческой миграции.

¹⁹ *Широков О.С.* Диалект греков Алаверды // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Ереван, 1973). Тезисы докладов. М., 1973. С. 149–150; *Он же.* История греческого языка. М., 1983. С. 28.

²⁰ *Попадиус А.Г.* Указ. соч. С. 34–35.

²¹ *Харацидис Э.К.* Указ. соч. С. 8–21.

²² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XVI. СПб., 1905. С. 244–253, 288–291.

²³ *Кузнецов П.В.* Pontica Caucasica Ethnica II // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 31–45.

²⁴ *Прозрителев Г.Н.* Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. М., 1925. Ч. 1. С. 57–66; *Папандопуло С.П.* Моя малая родина. Ставрополь, 1990. С. 4–8, 15; Образование, быт и нравы греков Ставрополя. Материалы и документы 60–90-х гг. XIX в. Пятигорск, 1998.

²⁵ Подробнее см.: Понтийские греки. С. 6–23, 73–79, 125–192.

²⁶ *Лопашов Ю.А.* Новогреческий язык // Основы балканского языкознания. Л., 1990. С. 43; В своих последних работах О.С. Широков склоняется к определению капподокийского и таврорумейского как самостоятельных языков, род-

ственных димотике, за понтийским он оставляет статус варианта димотики (*Широков О.С.* Введение в балканскую филологию. М., 1990. С. 45).

²⁷ *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1.

²⁸ *Иванова Ю.В.* Роль адаптации в формировании этнической культуры греческой диаспоры на Кавказе // Греки на Северном Кавказе. Тезисы докладов. Пятигорск, 1993. С. 23–26.

²⁹ *Рычков Ю.* Лики генофонда // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 19.

³⁰ *Прозрителев Г.Н.* Указ. соч. С. 12–75; *Волкова Н.Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978; *Она же.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 193–211.

³¹ *Пашаева Л.Б.* Семья и семейный быт цалкинских урумов (историко-этнографическое исследование). Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1972; *Она же.* Порядок раздела в семье урумов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. IV. Тбилиси, 1972; *Колесов В.И.* Материалы по истории и этнографии греков-урумов // Понтийские греки. С. 90–106.

³² *Бочиришвили Л.* Головной убор цалкинских женщин // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1956. Т. VIII.

³³ *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 114, 116, 126.

³⁴ *Аклаев А.Р.* Этнотыковая ситуация и особенности этнического самосознания грузинских греков (по материалам исследования в Цалкинском районе) // Советская этнография. 1988. № 5; *Он же.* Язык в системе национальных ценностей и интересов (по материалам Цалкинского района Грузинской ССР) // Духовная культура и этническое самосознание наций. М., 1990. Вып. 1. С. 12–37.

³⁵ Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 433–440, 443; *Коцюнис А.Н.* Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. С. 80–89.

³⁶ Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1991. Вып. XII. С. 31.

³⁷ В с. Славянке (Казахстан), например, греки составляли 14% его населения. См.: *Брусина О.И.* Многонациональные села Узбекистана и Казахстана осенью 1989 г. (миграции некоренного населения) // Советская этнография. 1990. № 3.

³⁸ *Арутюнов С.А.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 44.

³⁹ Народы России. С. 441.

Т.В.Никитина
(Россия)

**НЕОЭЛЛИНИСТИКА
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

Культурные отношения между государствами, как правило, нуждаются в изучении и знании как исторического прошлого, так и современной жизни этих стран. Не являются исключением взаимосвязи Греции и России, история которых, причудливо переплетаясь, выработала традицию тесных контактов двух народов – греческого и русского.

История Греции с древности и до настоящего времени заняла прочное место как в программе обучения студентов, так и в проблематике научных исследований преподавателей Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Однако если древний эллинизм и история Византии изучаются на кафедрах истории древнего мира и средних веков, а также кафедрах археологии и этнографии с момента основания факультета, т. е. с 1934 г., то новая и новейшая история Греции стала исследоваться после второй мировой войны.

С конца 50 – начала 60-х годов специализация студентов по неозллинистике была довольно редким явлением и связывалась с изучением недавнего прошлого, а именно, английской политики в Греции накануне и в годы второй мировой войны, а также гражданской войны в этой стране. Но уже с середины 60-х годов тематика научных исследований заметно расширилась.

У истоков неозллинистики на кафедре новой и новейшей истории стоял ее заведующий, профессор И.С. Галкин, ныне покойный. В 1960 г. была опубликована его книга «Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1910 гг.», специальный раздел в которой посвящался Критской революции 1905 г. и политике Греции в этот период. Именно И.С. Галкин, представлявший общество дружбы «СССР–Греция», оказался первым историком-преподавателем, который в марте 1965 г. посетил Грецию с чтением лекций в Афинах и городах Фессалии о системе образования в СССР и проблемах истории балканских стран. Об этом визите писали многие греческие газеты. Газета «Авги» (Αυγή) 16 марта 1965 г. в статье под заголовком «Да здравствует дружба Греции и СССР» подробно осветила работу конференции общества «Греция–СССР», состоявшейся в здании театра «Диана». С греческой стороны совет-

ского гостя приветствовали преподаватели, господа Калогереас, Пиромаглу, Георгиадес. Профессор И.С. Галкин зачитал обращение общества «СССР–Греция», которому тогда исполнилось 20 лет со дня основания, и выразил надежду на развитие плодотворных отношений между двумя странами.

Встречаясь с преподавателями философского факультета Салоникского университета им. Аристотеля, И.С. Галкин прочитал лекцию «Греческая революция 1821 г.», в которой подчеркнул значение русско-турецкой войны 1828 г., а также большую роль И. Каподистрии, А. Ипсиланти, общества «Филики Этерия» в национальной борьбе греков против османского господства. С ответной лекцией выступил преподаватель Салоникского университета, господин Криарас, после чего состоялась интересная научная дискуссия. Греческая пресса подробно освещала визит советского историка, помещая материал с фотографиями. 17 марта та же «Авги» опубликовала беседу с ним, в которой обсуждались проблемы современной истории балканских стран, европейского рабочего движения, а также преподавание неоэллинистики в СССР. Профессор И.С. Галкин рассказал, что каждые три–четыре года на его кафедре объявляется специальный семинар для подготовки специалистов по истории Греции, что готовится к подписанию договор между университетами, который откроет регулярный обмен студентами и преподавателями. 18 марта газета «Фессалика неа» («Φεσσαλική νέα») сообщила о лекциях русского преподавателя в городах Фессалии, а 19 и 20 марта о его визите информировала читателя «Эллиникос воррас» («Ελληνικός βορρας»). Комментарии прессы были чрезвычайно теплыми и благожелательными. Логическим итогом визита И.С. Галкина явились переговоры о возможности заключения договора о сотрудничестве между Афинским и Московским университетами. Однако события 1967 г. в Греции помешали завершению начатых в Афинах переговоров.

Тем не менее специализация студентов по новой истории Греции на Историческом факультете МГУ продолжалась. Курс истории страны с византийского периода до конца XIX в. читал известный ученый, эллинист, профессор Г.Л. Арш, новейшей истории – кандидат исторических наук С. Зорбас. Новогреческий язык студенты изучали на филологическом факультете. В 1972 г. в спецсеминаре профессора И.С. Галкина были подготовлены две дипломные работы: «Русская печать о революции 1862 г. в Греции» Э. Бакопулу – студенткой из Греции (сегодня она квалифицированный редактор исторической литературы в Афинах) и «Либеральная политика правительства Э. Венизелоса. 1909–1912 гг.» – Т.В. Никитиной. Этот же спецсеминар посещал А. Сидерис, студент из Греции, успешно защитивший дипломную работу на кафедре археологии (в настоящее время работает в Афинах, в библиотеке Геннадийон). В 1984 г. было опубликовано по существу первое в Мо-

сковском университете исследование в области неозллинистики – Т.В.Никитина «Греция накануне первой мировой войны. Внутренняя политика кабинета Э.Венизелоса. 1909–1912 гг.», написанная на материале ее кандидатской диссертации, защищенной в 1978 г. В книге было показано, что благодаря реформам либерального правительства Э.Венизелоса была осуществлена комплексная модернизация страны, подготовившая Грецию к решающей битве за национальное освобождение и воссоединение исконно греческих земель.

Именно с 1978 г. на Историческом факультете под руководством Т.В. Никитиной начинается регулярная специализация по неозллинистике с изучением новогреческого языка. Новогреческий преподает Э.Г. Даванкова. Причем на кафедре новой и новейшей истории обучаются как русские, так и греческие студенты. Выбор тем спецсеминаров и дипломных работ диктуется в первую очередь наличием в нашей стране источников по истории Греции. В спецсеминарах по неозллинистике работе с источниками уделяется серьезное внимание. Участники семинаров обучаются не только поиску документов, но и обработке их различных видов, умению определить достоверность источника, выявить его подтекст. При подготовке дипломной работы студенты используют прежде всего опубликованные материалы, как правило, на нескольких иностранных языках, а затем, если есть возможность, привлекают архивные документы. Благоприятными для исследования проблем неозллинистики являются российские архивы, хранящие богатые материалы по греческой истории. Например, наиболее ранние свидетельства о деятельности греков-миссионеров в России XVI–XVII вв. находятся в фондах Посольского приказа в Государственном архиве древних актов. Среди них есть данные о том, что греческая церковь получала от России и духовную, и материальную помощь как для своего выживания в условиях османского господства, так и для весьма масштабной культурно-просветительской деятельности.

Чрезвычайно интересные документы находятся в Архиве внешней политики Российской империи. Донесения русских посланников, консулов создают многоцветную палитру греческой истории XVIII–XIX вв. Красной нитью через все донесения проходит глубокая заинтересованность и участие русских дипломатов в деле национального освобождения греков от турецкого господства. В фонде «Греческого стола» можно обнаружить свидетельства о благотворительной деятельности греческой диаспоры в России – это пожертвования (иногда в виде целых наследств) на развитие учебных заведений, помощь пострадавшим от стихийных бедствий. Особенно много благотворительных обществ было создано на юге России – в Одессе, Севастополе, Керчи, Ростове. Есть материал об утверждении в 1893 г. устава греческого благотворительного общества в Севастополе, о выдаче пособий, оказании по-

кровительства пострадавшим грекам, об устройстве их на службу в русскую армию и на учебу в учебные заведения.

О тесных связях двух государств, России и Греции, свидетельствуют коллекции документов из личных архивов русских посланников в Греции – А.М. Ону, С.Д. Сазонова, И.Л. Татищева. Небольшой, но весьма важный фрагмент из русско-греческих отношений представляет, например, папка с документами под названием «Дело о магазинах на о. Поросе. 1834–1898 гг.» В 1829 г. по устному соглашению между вице-адмиралом русского флота графом Гейденом и президентом И. Каподистрией Греция предоставила России участок в 9 тыс. кв. м на о. Порос, где для нужд русского флота были построены каменные склады для кораблестроительных материалов и провизии. Правда, в письме Сабурова говорится о том, что граф Гейден должен был возвратить этот участок Греции «по окончании военных действий». Но это не было сделано. Дважды, в 1834 и 1854 гг., правительство России собиралось передать эти склады греческой казне за определенную сумму, однако продажа по ряду причин так и не состоялась. И хотя российское правительство не имело никаких документов (существовала лишь устная договоренность на владение поросским участком), греческое правительство никогда не оспаривало прав России на это владение. В 1878 г. император Александр II повелел передать этот участок с находящимися на нем постройками Греции безвозмездно¹. Однако из имеющихся в деле сведений явствует, что и в 1892 г. греческое правительство продолжало считать поросский участок законным владением России. Очевидно, ввиду выгодного расположения построек, занимающих единственное на всем острове место, естественным образом защищенное от огня нападающего с моря неприятеля и лежащее на полпути из Афин в Навплию, правительство Греции предпочитало оставить все в ведении русского флота, рассчитывая и в дальнейшем на благосклонность и сотрудничество с Россией. Не последнюю роль в отношениях двух государств играли и династические связи, – об этом говорят письма и телеграммы в Россию греческой королевы Ольги. Кстати сказать, любопытный материал содержат ее записные книжки, находящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Новые возможности для исследователей появились с открытием бывшего Особого архива, созданного в 1946 г. (ныне это Центр хранения историко-документальных коллекций), где сосредоточены трофейные документы времен второй мировой войны, проливающие свет на многие стороны движения Соппротивления в Греции.

Однако, кроме обеспеченности источниками темы, избираемой студентом для исследования, на ее определение оказывали влияние также поли-

тические события как в Греции, так и в СССР. Остановимся более подробно на тематике спецсеминаров и дипломных работ.

В 1982 г. в спецсеминаре «История компартии Греции» студентами-греками были разработаны две темы: «Образование СРПГ и первые годы ее деятельности (1918–1920 гг.)» А. Даскалопулосом и «Компартия Греции в борьбе за сохранение республики. 1926–1933 гг.» В. Давискасом. В них дипломники на основе опубликованных партийных документов, материалов прессы, а также мемуаров лидеров партии изучили как положительные стороны деятельности компартии, так и ошибки, допущенные ею в рассматриваемый период. Этот первый опыт показал, что такие достаточно узкие темы позволяют лишь односторонне осветить греческую действительность. Вскоре, в 1985 г., в спецсеминаре «Национально-освободительное движение в Греции во второй половине XIX в. и политика европейских держав» были защищены три дипломные работы: Л. Катсаманга (из Греции) – «Критское восстание 1895–1897 гг.», С. Цехмистренко (теперь уже кандидат исторических наук) – «Национально-освободительное движение в Греции в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.», Л. Семинихин – «Греко-турецкая война 1897 г. и политика европейских держав». Студенты изучили как греческие источники, так и дневники русских волонтеров, записки корреспондентов, сообщения военных представителей России на Крите (например, А. Шильдбаха) в Генеральный штаб, а также публикации дипломатических документов. В итоге греческое национально-освободительное движение было вписано в контекст международных отношений, и на фоне политики европейских держав был виден отход России от активной внешней политики в Греции в конце XIX в. С другой стороны, стала зримо ощутимой наполненная драматизмом греческая история XIX в.

На протяжении всего XIX в. Греция пережила три буржуазные революции: 1821-го, 1843-го и 1862 г. Ни одна из них не решила до конца задачи буржуазного переустройства страны. Низкий уровень жизни, безнадежное отставание не только от европейских, но и от балканских государств, а также от Турции породили затяжную кризисную ситуацию в стране. Правительственная чехарда стала характерным признаком политической жизни Греции. Попытка прогрессивных политических деятелей Греции во главе с Х. Трикуписом осуществить в 90-х годах XIX в. выдвинутую ими широкую программу социально-политического развития Греции к началу нового столетия не дала ожидаемых результатов. В стране росло недовольство не только политическими деятелями, принцами, но и королем; впервые за 35-летнее царствование Георга I на него было совершено покушение. Об этом событии подробно рассказал в своем донесении русский посланник А. М. Ону. 14 февраля 1898 г., когда король с принцессой Марией возвращался в открытом экипаже

со своей обычной прогулки в Фалер, в него стреляли, но из семи выпущенных пуль ни одна не попала ни в короля, ни в королеву, легко раены были лишь егерь, сидевший на козлах, да одна из лошадей². Стреляли, как выяснилось, двое: некто Кардицис, занимавший незначительную должность в афинском городском управлении и уже не раз имевший столкновения с полицией, и его сообщник Кириаку – простой каменщик, родом из Македонии. Кардицис, явившийся сам к прокурору, заявил, что считает короля единственным виновником всех несчастий Греции³. В связи с этой террористической акцией полиция начала производить аресты среди греческих анархистов, чьи кружки появились в стране под влиянием итальянских волонтеров, среди которых, как писал А.М. Ону, было немало анархистов, прибывших в Грецию для оказания помощи в войне с турками⁴. Дело Кардициса и Джорджи Кириаку слушалось в Афинском суде. Русский дипломат дал такую характеристику главного виновника: «Кардицис оказался человеком с сильным характером и убежденным анархистом. Не колеблясь и не выражая никакого раскаяния, он повторил перед судом, что он действительно намеревался убить короля, коего он считает виновником перенесенных Грецией несчастий. Он признался также, что намеревался, если бы покушение удалось, взорвать дом Делианниса и умертвить его с другими политическими деятелями»⁵. Суд приговорил их обоих к смертной казни, Кардицис и Кириаку были казнены на площади знаменитой венецианской крепости в Навплии, являвшейся главной тюрьмой королевства (где в свое время находился в заточении герой революции 1821 г. К. Колокотронис). На исполнении приговора настаивали глава правительства Заимис и военный министр Смоленский, которые считали, что исполнение смертного приговора «укрепит уважение к закону, сильно пошатнувшееся в стране за последнее время»⁶. В ходе расследования стало известно о существовании в стране так называемых «антидинастических» кружков, многие члены которых были арестованы. Правительство ужесточило меры; за одно лишь неуважительное выступление в прессе в адрес короля и королевской семьи журналистов судили и заключали в тюрьму⁷.

В XX век Греция вступила в состоянии тяжелейшего экономического кризиса; положение усугублялось неурожаем в Фессалии, страна голодала. Хронической болезнью Греции стал разбой: в Фессалии состоятельные люди боялись выезжать в свои имения за пределы городов, опасаясь захвата и требования выкупа. Характерным явлением для греков стало в случае недовольства правительством брать ружье и уходить в горы, ставя себя, так сказать, вне закона. Кончалось это обычно тем, что мятежников захватывали силой и расстреливали на месте. Был известен такой эпизод. Пользовавшийся в военных кругах приличной репутацией капитан Фикиори, в результате конфликта с местной администрацией, начал публично выступать против правительства.

Будучи остановлен местным жандармским начальником, он ранил его выстрелом из револьвера и затем с пятью преданными людьми ушел в Тайгетские горы. После месячного сопротивления капитана и его товарищей окружили и застрелили. «Таким образом, – писал русский дипломат, – то, что в других странах увеличилось бы ряды социалистов и тайных врагов правительства, крайне своеобразно выражается здесь в открытом сопротивлении властям»⁸. Но в Греции были и свои социалисты.

Поиск выхода страны из кризиса на рубеже XIX–XX вв. был присущ первым греческим социалистам – С. Каллергису и П. Дракулису. Несмотря на утопичность программ, издаваемые ими газета «Социалист» и журнал «Эревна» сыграли большую роль в просвещении масс, в выработке их ценностных ориентиров. Вот почему внимание исследователей привлекли именно эти исторические персонажи, деятельность которых не получила достаточно освещения ни в русской, ни в греческой литературе. В 1987 г. в спецсеминаре «История социалистической мысли в Греции» были подготовлены и защищены на «отлично» две работы: А. Диаллы – «Роль С. Каллергиса в становлении социалистического движения в Греции в конце XIX – начале XX в.» и Г. Леонтиадиса – «Социально-политические взгляды П. Дракулиса в конце XIX – начале XX в.» В этих исследованиях были сделаны интересные выводы о том, что социалистические идеи, привнесенные извне, на греческой почве приобрели массу особенностей национального характера, и главная из них – идеи с трудом приживались в этой стране. Авторы этих работ получили рекомендации для поступления в аспирантуру МГУ; к сожалению, жизнь распорядилась по-своему: они должны были вернуться на родину. В 80-е годы в университете обучались студенты, направленные в СССР по линии компартии Греции, проблемы истории которой оказались в центре их внимания. В 1986 г. студентка из Греции Д. Икономиду защитила дипломную работу на тему: «Стратегия и тактика КПГ в годы гражданской войны. 1946–1949 гг.» Используя, помимо традиционных материалов, устные источники (ей удалось взять интересные интервью у участников гражданской войны различных политических ориентаций), автор дипломной работы достаточно аргументированно доказала, что гражданская война началась в Греции не в 1946 г., а гораздо раньше, в 1944 г. Это была последняя на кафедре тема по истории КПГ.

В конце 80 – начале 90-х годов в связи с изменениями в политической жизни как Греции, так и СССР (как шутили студенты, – «...после “αλλαγή” в Греции началась “перестройка” в СССР») вполне естественной стала постановка проблемы «Реформы и их осуществление в процессе модернизации страны». В ходе ее изучения в 1990 г. в спецсеминаре «Проблемы модернизации в Греции» были успешно защищены три работы: Э. Леонтиаду – «Венизелизм в Греции. Идеология и политика. 1917–

1923 г.», основанная на 4-томной публикации материалов архива Э. Венизелоса, подготовленной его личным секретарем С. Стефану; В. Александров – «Американское проникновение в Грецию и формирование экономической политики греческого правительства в 1948–1959 гг.»; М. Александрова – «Внешняя политика Греции с 1981 по 1989 г.» В 1992 г. в спецсеминаре «История греческого либерализма» была написана работа К. Спадидаки – «Политический курс либерального правительства Э. Венизелоса с 1928 по 1932 г.»

Следует отметить, что история греческого либерализма необычайно интересна, а сам Э. Венизелос по праву стоит в одном ряду с такими выдающимися политическими деятелями, как Дэвид Ллойд Джордж, Теодор Рузвельт, Джованни Джолитти. Не случайно многие современные политические деятели Греции считают себя его последователями. В журнале «Новая и новейшая история» (1995 г. № 2) опубликована статья Т.В. Никитиной «Э. Венизелос – идеолог и практик греческого либерализма», в которой сделана попытка представить политический портрет этой крупной исторической фигуры.

В процессе изучения сюжетов неоэллинистики на кафедре сложились определенные представления об образе страны, народа, его культуры и истории, которая в чем-то очень схожа с российской историей. Обе страны испытали многовековое иго, которое не уничтожило, однако, национального самосознания народов. Греки удивительно свободолюбивы, и в период турецкого господства наиболее образованная часть общества просвещала, готовила массы к решительной битве за создание свободного, сильного государства.

Являясь страной Балканского региона и периферией Европы, Греция с большим запозданием прошла все этапы развития крупных европейских государств, испытав влияние практически всех сторон их общественной жизни. Не составил исключения в этом смысле и европейский либерализм. Удивительны превратности истории, об этом писал еще русский историк Н. Кареев: «Как некогда эллинизация, т. е. высшая культура, выработанная греками, влияла на весь мир, так в XIX – начале XX в. европеизация стала универсальным стилем развития многих стран мира. И это не случайно. Именно Европа дала миру удивительно привлекательные ценности человеческого бытия – свободу, равенство, братство»⁹. В подготовке борьбы за освобождение от турецкого ига большую роль сыграли духовные ценности и опыт, выработанные развитыми странами Европы. Так, идеолог греческого национально-освободительного движения Ригас Велестинлис проповедовал идеи личного равенства и свободы, провозглашенные Французской революцией XVIII в. Образцом для проекта конституции Велестинлиса явилась французская конституция 1793 г.

Освободившись от турецкого ига, Греция, слаборазвитая как в экономическом, так и в культурно-политическом отношении, постепенно приобщалась к европейской цивилизации. Образованные греки все глубже воспринимали западноевропейские идеи, а вместе с ними и либеральные принципы. На разных этапах греческой истории это были Адамантиос Кораис, Константинос Папаригопулос, Ион Драгумис и др. Основным признаком европеизации государства в XIX в. стало установление конституционного строя (конституции 1844 и 1864 гг.). На всем протяжении XIX и в начале XX в. особенностью политических движений в Греции являлась идея возрождения нации в качестве стержня. Объяснялось это тем, что с момента образования молодого греческого государства многие территории, населенные греками, остались под властью Османской империи. Это Крит, Фессалия, Эпир, целый ряд островов. Еще в 1844 г. в греческом парламенте была провозглашена «мегали идея» («великая идея»), суть которой заключалась в возрождении Греции в границах Византийской империи. Идея, навеянная романтизмом, содержала рациональное зерно – высшей ценностью провозглашалась нация, а реальное ее воплощение виделось в создании сильного государства.

В силу исторических условий развития греческого общества особенностью идейно-политической жизни греков было чрезвычайно развитое религиозное чувство, олицетворение монарха с национальной идеей (хотя, заметим, что греческими королями были в XIX в. иностранцы), а также проблема греческого языка, которая вылилась в борьбу между сторонниками кафаревусы и димотикистами. Национальный и языковой вопросы играли главенствующую роль в борьбе идей в Греции на рубеже веков. Однако они составляли лишь надводную часть айсберга. В действительности же борьба велась вокруг вопроса о путях развития государства в период его перехода от феодализма к капитализму, перехода чрезвычайно медленного, мучительно-го, своеобразного.

Для идеологов греческой буржуазии Иона Драгумиса, Э. Венизелоса «великая идея» означала прежде всего усиление греческого государства. Её претворение в жизнь было связано главным образом с именем Э. Венизелоса. В отличие от своих предшественников, в частности, Х. Трикуписа и Т. Делианниса, Венизелос связывал возрождение нации с решением двух задач. Во-первых, осуществление модернизации страны, во-вторых, воссоединение исконно греческих территорий. Обе эти задачи он решил блестяще. В чем же был залог успеха преобразований Э. Венизелоса? По всей видимости, в главном – «европеизация» Греции осуществлялась постепенно и не слепо перенималась греческими либералами, но учитывались и сохранялись национальные традиции страны. Именно в силу склонности греков к персонификации власти, либералы отстаивали конституционную монархию, а не респуб-

лику, в традиционно аграрной стране в первую очередь осуществляли аграрную реформу, а стремление к национальному единению греков вылилось в идею межклассового сотрудничества как в рамках партии, так и государства. Именно следуя традиции сохранили в качестве государственного церковный язык – кафаревусу.

Весьма немного фигур в греческой истории, которые, как Э. Венизелос, вызывали бы столько страстей и споров. О нем немало писали и пишут не только историки, но и юристы, социологи, экономисты. Нелегко оценить элементы творческой индивидуальности политика, который как-то в шутку сказал: «В Греции недостаточно завести часы, нужно еще рукой помогать стрелкам двигаться»¹⁰. Однако в этой богатой палитре мнений есть общее – все признают незаурядность его личности и тот факт, что основанная им партия либералов играла особую роль в политической жизни страны и внесла большой вклад в развитие греческой государственности, оставив богатое идейное наследие своим преемникам.

В условиях обострения в современном мире национальных проблем в 1993 г. впервые за много лет на кафедре была представлена дипломная работа П. Яковидиса (Греция) на тему: «Национально-освободительное движение в Македонии и политика Греции. 1900–1908 гг.», в которой автор, используя русские, греческие, болгарские источники, выявил истоки многих неразрешенных современных проблем. П. Яковидиса рекомендовали в аспирантуру.

В последнее время пристальное внимание историков привлекают такие темы, как тоталитаризм, авторитарные режимы, военные диктатуры. В связи с этим бесспорный интерес вызвало изучение переворота 1967 г. и политики правительства И. Пападопулоса, тем более, что в России имеется лишь одна монография по этой теме – «Неофашизм в Греции» С. Зорбаласа, содержащая к тому же ряд спорных положений. В русле этой тематики в 1994 г. была защищена на «отлично» работа Е. Круговой – «Социально-экономическое развитие Греции. 1967–1974 гг.» Действительно, в рамках греческой модели 1967 г., как пишет автор, наблюдалось, с одной стороны, ущемление политических прав, ограничение гражданских свобод, концентрация государственной власти в руках военной элиты, а с другой – наблюдался стабильный экономический рост, в результате которого страна достигла достаточно высокого уровня развития, что позволило ей встать вровень с другими странами Южной Европы. Дипломница попыталась изучить вопрос – почему так произошло? Одновременно она аргументированно изложила точку зрения, согласно которой этот режим нельзя определять как «неофашизм».

Если говорить о концептуальном подходе обучения и научных исследований по неоэллинистике в МГУ, то он все больше основывается на приоритете человека в истории перед социологическими схемами развития

общества и его структур. Социально-психологические портреты исторических персонажей, характеристики их идей и деятельности могут служить основой для постановки проблемных задач. Исторические герои из носителей ярлыков должны наконец превратиться в живых людей. Именно этим был обусловлен выбор темы О. Мисюревич «Подготовка и начальный этап греческой революции 1821 года в оценках ее участников». Дипломная работа была блестяще защищена. По существу это была попытка рассмотреть историю революционных событий «изнутри», глазами их участников. Работа написана на основе мемуаров деятелей революции, являющихся прекрасным источником для изучения общественного сознания, греческой ментальности того времени. «Они дают возможность понять мироощущение людей той эпохи, их “картины мира”», – пишет автор. Анализ языка и понятийного аппарата мемуаров, а также исторических взглядов и общеполитических установок их авторов позволил дипломнице сделать вывод о происходивших в то время существенных сдвигах в сознании греков: о замене византийско-христианского мировоззрения национальным с привнесенными западным Просвещением элементами рационализма. Эти изменения оказались столь глубокими, что поколебали самые основы христианского мировоззрения даже у представителей духовенства. В настоящее время О. Мисюревич подготовила к защите блестящую кандидатскую диссертацию на тему «Становление национального греческого государства и роль “русской партии” 1837–1843 гг.»

В спецсеминарах по неозллинистике подготовлены еще три работы: Е. Жуковой – «Просветительская деятельность греческой церкви в конце XVII – начале XIX в.» (студентка изучает создание школ при греческих монастырях, а также проповеди Минятия и Вулгариса), Ф. Янницы – «Греческая диаспора на юге России в конце XIX – начале XX в.» (студентка работала с материалами архивов г. Керчи и Симферополя, где обнаружила интересные документы и сведения о семье владельца табачной фабрики г. Керчи Месаксуди), А. Садовика – «“Великая идея” в греческой историографии XX в.»

Подводя итог, с удовлетворением отметим, что за 12 лет на кафедре было защищено 15 дипломных работ по новой и новейшей истории Греции, из них 9 – греческими студентами.

В спецсеминарах по неозллинистике царит творческая атмосфера, происходят интересные дискуссии, а различие политических убеждений их участников ни в коей мере не мешает поиску исторической истины.

Смежные с греческой проблематикой темы исследуются также на кафедре южных и западных славян. Так, в 1984 г. защитил диплом по болгаро-греческим отношениям известный сегодня специалист по неозллинистике, старший научный сотрудник ИВИ Артём Улунян, который недавно стал доктором исторических наук.

Кафедра новой и новейшей истории тесно сотрудничает с неоэллинистами Института славяноведения и Института всеобщей истории Российской Академии наук, получает от них помощь в консультациях, в оппонировании научных работ, а также в предоставлении возможности студентам пользоваться материалами институтских библиотек.

Следует сказать, что, к сожалению, фонды российских библиотек не располагают достаточной литературой по греческой истории. Именно поэтому усилия кафедры были направлены на создание своей библиотеки, обеспечивающей специализацию по неоэллинистике. В 80-е годы библиотека кафедры пополнилась некоторой греческой литературой благодаря помощи отдела науки ЦК КПГ, а позже – посольства Греции. В настоящее время на кафедре новой и новейшей истории готовятся монография «Политический портрет Э. Венизелоса» (Т.В. Никитина) и учебное пособие «История Греции в новое и новейшее время».

Позитивные результаты развития неоэллинистики бесспорны. Изучение греческих сюжетов помогает понять многие проблемы европейской и балканской истории, делая ее картину целостной и завершенной. В учебной литературе по истории стран Европы и Америки появились специальные разделы по Греции. Изучение неоэллинистики помогло освоить и сделать известными целые пласты материалов российских архивов, которые долгие годы ждали своих исследователей и теперь расширили представления историков об этой стране.

Была также внесена посильная лепта в установление тесных контактов двух главных государственных университетов. В конце 80-х годов между Афинским и Московским университетами был подписан договор о сотрудничестве, в результате которого наши преподаватели и студенты получили возможность участвовать в ежегодной программе Афинского университета по новогреческой истории, филологии и культуре.

Завершая статью, хотелось бы выразить надежду на то, что подобный договор будет заключен и с другими университетами Греции, и что в этой стране также появится возможность изучать и исследовать историю России. Думается, это позволит осуществить взаимный обмен студентами, преподавателями, литературой, публикациями документов, что бесспорно обогатит культуру обеих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. Д. 2338. Л. 193–194. – Заметка о принадлежащих Русскому Правительству постройках и участке земли на греч. о. Порос.

² Там же. Ф. Политархив. Д. 290. Л. 12. – Дешеша Т.С. Ону. Афины, 20 февраля 1898 г.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 14–15.

⁵ Там же. Д. 289. Л. 9. – Графу М.Н. Муравьеву от Ону. Афины, 20 марта 1898 г.

⁶ Там же. Л. 31. – Графу М.Н. Муравьеву от Ону. Афины, 1 мая 1898 г.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Д. 295. Л. 108. – В.Н. Ламздорфу от Ону. Афины, 8 июля 1900 г.

⁹ Кареев Н. Общий курс истории XIX в. СПб., 1910. С. 644.

¹⁰ Βενιζέλου Ε. Τα Κείμενα. Αθήνα, 1981. Τ. Α. σελ. 70.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Г.Л. Арш)	5
<i>Спиридон Сфетас</i> (Греция). XVII век – века в развитии греческо-русских культурных отношений	7
<i>Б.Н. Флоря</i> (Россия). Вопрос о создании греческого училища и греческой типографии в Москве в 30–40-х годах XVII в.	12
<i>А.Я. Федотов</i> (Россия). Греческий некрополь второй половины XVIII– первой половины XIX в. на территории Донского монастыря в Москве. Описание и опыт атрибуции эпиграфики	23
<i>Г.Л. Арш</i> (Россия). Н.М.Карамзин и Иоанн Каподистрия	26
<i>Константин К. Папулидис</i> (Греция). К вопросу о деятельности греков, служивших в МИД Российской империи в XVIII–XX вв.	44
<i>Г.М. Пятигорский</i> (Украина). Александровское греческое училище в Нежине (1817–1919 гг.)	51
<i>Ольга Александропулос</i> (Греция). Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. Александр Пушкин	72
<i>Дмитрий В. Триандафилидис</i> (Греция). Платон в философии всеединства Владимира Соловьева	87
<i>Александра Иоанниду</i> (Греция). Греция в русском символизме (поэтическое преподавание древнегреческого языка Иннокентием Анненским и Вячеславом Ивановым)	96
<i>Ю.В. Иванова</i> (Россия). Из истории греческой диаспоры	107
<i>Т.В. Никитина</i> (Россия). Неоэллинистика в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова	126

SOMMAIRE

Preface. <i>G.L. Arš</i>	5
<i>Spiridon Sfetas</i> (Grèce). Le XVII ^e siècle, une époque d'une grande importance dans le développement des relations culturelles gréco-russes	7
<i>B.N. Floria</i> (Russie). Les problèmes de la création de l'école et de la typographie grecques à Moscou dans les années 30–40 du XVII ^e s.	12
<i>A.Y. Fedotov</i> (Russie). La nécropole grecque de la deuxième moitié du XVIII ^e – à la première moitié du XIX ^e siècle sur le territoire du Monastère Donskoï à Moscou. Sa description et un essai de détermination de l'attribution de l'épigraphie	23
<i>G.L. Arš</i> (Russie). N.M.Karamzine et Jean Capodistrias	26
<i>Konstantin K. Papoulidis</i> (Grèce). Sur les activités des Grecs qui étaient au service du Ministère des Affaires étrangères de L'Empire russe au XVIII ^e – XX ^e siècles	44
<i>G.M. Piatigorski</i> (Ukraine). L'école grecque d'Alexandre I à Néjine (1817–1919)	51
<i>Olga Alexandropoulos</i> (Grèce). Les sujets russes dans les revues grecques du XIX ^e siècle. Alexandre Pouchkine.	72
<i>Dmitri V. Triandaphilidis</i> (Grèce). Platon dans la philosophie de l'unité universelle de Vladimir Soloviev	87
<i>Alexandra Ioannidu</i> (Grèce). La Grèce dans le symbolisme russe (l'enseignement poétique du grec ancien par Innokenti Annenskiï et Viatcheslav Ivanov)	96
<i>Y.V. Ivanova</i> (Russie). Sur l'histoire du diaspora grec	107
<i>T.V. Nikitina</i> (Russie). Les études néohelléniques à l'Université d'Etat Lomonossov à Moscou	126

Греческая культура в России

XVII–XX вв.

Сборник статей.

М., 1999. 140 с.

На обложке:

Фрагмент синодика

Нежинского греческого братства

1696–1786 гг.

Сборник подготовлен к печати
в редакционно-издательском отделе Института славяноведения РАН

Компьютерный набор – *В.И. Шувалова*
Оригинал-макет, обложка – *М.И. Леньшина*

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 24.08.1999. Печ. л. 9,0. Тираж 300 экз. Заказ № 101

Цена договорная.

Типография ИПТК «Логос» ВОС. 129164 Москва, Маломосковская, 8

